

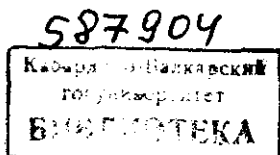
9(с)15(с16)

Д 435

Г. А. Дзидзария

Ф. Ф. ТОРНАУ
И ЕГО
КАВКАЗСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
XIX ВЕКА

Дзидзария Г. А.

Д 43 Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

130 с.

Книга, основанная на обширном документальном материале, посвящена жизни и деятельности (литературной, военной, политической и дипломатической) Ф. Ф. Торнау, одного из ярких представителей прогрессивного русского офицерства периода присоединения Кавказа к России. Ф. Ф. Торнау собрал и опубликовал, а частью оставил в рукописном виде многочисленные материалы по истории, этнографии, исторической географии Западного Кавказа, дающие широкую картину жизни кавказских народов первой трети XIX в. Автор книги дает подробную характеристику этих материалов на фоне биографии самого Торнау.

Д 10604-169 / 111-76
013(02)-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

Присоединение Кавказа к России имеет длительную историю и проходило в разных формах. Значительная часть Северного Кавказа и Закавказья добровольно приняла русское подданство (Кабарда в 1557 г., Восточная Грузия — в 1801 г.), другие территории были присоединены к России в результате русско-иранских и русско-турецких войн, что спасло кавказские народы от их закабаления отсталыми феодальными режимами Ирана и Турции, способствовало экономическому, политическому и культурному развитию кавказских народов, установлению связей между передовыми общественными деятелями России и Кавказа, участию кавказских народов в общероссийской революционной борьбе против царизма. Однако некоторые территории (особенно в горных районах) не сразу вошли в состав Российской империи, а были присоединены в результате ряда военных кампаний, известных под общим названием Кавказской войны 1817—1864 гг.

В военных действиях на Кавказе принимали участие и кадровые военные, «кавказцы», изображенные Лермонтовым в образе Максима Максимовича, и представители передовых кругов русской интеллигенции, в частности ссыльные декабристы, с уважением относившиеся к представителям разных народов Кавказа, интересовавшиеся их историей и культурой.

К числу военных, оставивших определенный след в кавказоведении, относился и Ф. Ф. Торнау, волей судеб заброшенный на Кавказ в очень сложный период истории этого края. Офицер-разведчик, в силу служебного положения сыгравший известную роль в осуществлении задач царизма на Западном Кавказе, Торнау внес в то же время заметную лепту в позитивное изучение Кавказа.

Этим обстоятельством в первую очередь и можно объяснить некоторую его известность.

И действительно, даже при самом строгом подходе к Торнау как исследователю следует признать, что, когда встает вопрос о более или менее глубоком изучении истории и культуры Кавказа первой половины XIX столетия, особенно его северо-западного района, вряд ли можно обойтись без тех уникальных сведений и красочных описаний, которыми так богаты многочисленные рукописи — официальные донесения, записки и письма, погребенные в свое время в недрах военных архивов, а также печатные работы Торнау.

По поводу опубликованных сочинений Торнау, носящих в основном мемуарный характер, следует еще добавить, что в них в противовес тогдашним модным дилетантским, но с претензией на сенсацию писаниям о «романтическом» и «экзотическом» Кавказе (журналы и газеты того времени наводнялись описаниями Кавказской войны, фантастическими рассказами о пребывании в плену у горцев, о черкешенках дивной красоты и т. д.¹) обобщен и сделан достоянием широкого круга читателей материал важного познавательного значения. Это целый ряд подробнейших данных по истории, этнографии и исторической географии действительно экзотического Кавказа, в особенности Западного.

Научная и писательская добросовестность, с которой Торнау стремился описывать события, факты и людей, преобладает над объективистскими чертами отдельных его оценок и характеристик. И это стремление автора правдиво показать действительность определяет общий тон его материалов и делает их весьма достоверным — в своей фактической части — источником комплексного изучения указанного региона первой трети XIX в. Особого внимания заслуживает стремление Торнау широко привлечь данные личной и общественной биографии ряда деятелей русской и местной культур, с которыми он соприкасался.

Торнау вместе с тем обладал несомненным дарованием воспроизводить конкретную историческую действительность в живых зарисовках событий и людей. Кстати, некоторые из аборигенов Кавказа (убыхи, садзыджигеты и др.) в силу целого ряда внешних и внутренних причин прекратили свое существование на родной

земле почти через три десятка лет после первого непосредственного знакомства Торнау с данным краем. Речь идет о трагедии мухаджирского движения, т. е. о переселении значительной части кавказского населения в Турцию и некоторые другие страны Ближнего Востока.

Торнау обнаруживает относительно непредубежденность и тонкую наблюдательность в воспроизведении самобытной жизни горцев «Седого Кавказа», отдает должное их самоотверженной борьбе за свою свободу. Во всяком случае, он не проявляет в этом вопросе безрассудства, которого можно было бы ожидать от человека в его положении. «Признаюсь,— писал о своих молодых годах Торнау,— в то время мне в голову не приходило, что этот жгучий вопрос (покорение горцев.— Г. Д.) так „благодушно“ разрешится наполовину истреблением и наполовину изгнанием с Кавказа всего горского населения». Тогда ему казалось еще возможным решить вопрос «менее черствым способом»².

Да и чисто биографические данные о Ф. Ф. Торнау представляют живой интерес, и прежде всего с точки зрения уяснения судьбы достаточно трезво мыслящего и в известной степени демократически настроенного русского военного деятеля на Кавказе определенной исторической эпохи. Его биография примечательна и просто даже как любопытный пример человеческой жизни, насыщенной интригующими приключениями, эпизодами яркой драматической окраски.

Если к тому же учесть значение разрабатываемой темы в плане освещения проблемы русско-кавказских отношений в первой половине XIX в., то станет вполне очевидным, что в целом она представляет несомненный интерес и для науки, и для широкого круга читателей.

В самом деле, если из жизненной и творческой биографии Торнау, всей совокупности его деятельности на Кавказе выделить то, что можно признать рациональным с точки зрения главной цели настоящего исследования, то нельзя не сказать особо о фактах сугубо научного значения. Факты эти вместе с другими данными, в частности общественно-политического порядка, представляют интерес и для более полного понимания личности самого Торнау.

Итак, Ф. Ф. Торнау — безусловно заслуживающий внимания русский писатель и исследователь, мировоззрение которого отражало широкое общественное движение его эпохи.

* * *

Федор Федорович Торнау (Турнау, Торнов³) происходил из прибалтийских (курляндских) баронов⁴. Родился он в 1810 г. в Полоцке; отец его — артиллерии полковник Ф. Г. Торнов, участник Отечественной войны, умерший от раны, которую он получил в первом Дрезденском сражении 1813 г., а дед — генерал екатерининских времен⁵. Воспитывался Торнау в Царскосельском лицее⁶. Он получил хорошее образование.

После успешного окончания курса Торнау поступил на военную службу. В декабре 1828 г. был произведен в прапорщики. Отныне, писал он, «судьба переносила меня из конца в конец России, помещая в разных частях огромной русской армии, на моих глазах борющейся в Турции, Польше и на Кавказе». Уже в 1829 г. Торнау попадает в действующую армию, куда он направился «с богатым запасом молодости и надежд, но с довольно тощим кошельком». Служил он в 33-м егерском полку в Малой Валахии (Задунайская кампания). Это была русско-турецкая война 1828—1829 гг.⁷

В 1830 г. Торнау состоял в геодезическом отряде в Яссах и находился при топографическом отделении управления генерал-квартирмейстера действующей армии. В это время он усердно занимался сбором различного рода статистических сведений⁸.

Вскоре Торнау был вытребован своим дядей, фельдмаршалом И. И. Дибичем, в Польшу, охваченную в это время восстанием. Но Торнау прибыл на место нового назначения в самый день смерти Дибича⁹. «Мирно, чинно, — писал впоследствии Торнау, — сохраняя на строгих лицах надлежащее выражение горести и сожаления, выступили перед нашими юными глазами представители высшей военной иерархии; что же у них происходило в глубине души, какие надежды и какие опасения в них возбуждала смерть фельдмаршала, про то нам не позволено было ни ведать, ни судить»¹⁰. Главнокомандующим в Польше был назначен граф И. Ф. Паскевич-

Эриванский, переброшенный с Кавказа, где он занимал такую же должность.

Максимально, что мог выиграть сам Торнау от Польской кампании, исполняя при главной квартире армии должность офицера Генерального штаба,— это повышение в чине (он получил звание подпоручика) и серебряную медаль за взятие Варшавы¹¹, и то ценой сильной контузии. Осенью 1831 г. Торнау был переведен в Петербург, где в канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба три месяца «прилежно просидел» за «маршрутным столом». В начале 1832 г. Торнау отпросился на Кавказ, «привлекавший в то время русскую (дворянскую.— Г. Д.) военную молодежь, предпочитавшую труды боевой жизни парадной службе и блеску паркетных удач»¹².

В апреле 1832 г. молодой и восторженный офицер прибыл в Тифлис, проделав путь «длиною» почти в полтора месяца по причине «нестерпимо дурного состояния дорог», заставившего его испытывать «поочередно всевозможные способы передвижения — в санях, на колесах, верхом и, в горах, даже пешком»¹³.

Начинается 12-летняя служба Торнау на Кавказе. Только по Военно-Грузинской дороге¹⁴ он за это время проезжал 18 раз. В 1832 г. Торнау обосновался в Тифлисе, где и начал работать в Генеральном штабе в чине армейского подпоручика. Ему приходилось много сидеть в канцеляриях «за бумагами, прислушиваясь к скрипу писарских перьев»¹⁵.

Отдельным Кавказским корпусом тогда командовал генерал барон Г. В. Розен, сменивший на Кавказе графа И. Ф. Паскевича; начальником штаба был генерал В. Д. Вольховский.

Здесь уместно сказать несколько слов о Кавказском корпусе. В те времена он занимал особое положение среди других соединений царской армии, будучи в меньшей степени затронутым губительным влиянием аракчеевского режима. Объяснялось это также особенностями организации и комплектования его полков. После 1815 г. на Кавказ было переведено немало участников Отечественной войны и европейских походов. Кроме того, Кавказский корпус пополнялся всякого рода «штрафованными» и ссыльными, участниками крестьянских, солдатских и иных выступлений. Так, на Кавказ,

в эту «теплую Сибирь», были сосланы солдаты прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, расформированного после известных событий 1820 г. Затем, с 1826 г., началось отправление на Кавказ участников восстания декабристов¹⁶. Например, все части Черноморской береговой линии состояли «из разжалованных или по крайней мере не по своей воле прибывших на Кавказ»¹⁷. Были и такие, которые по тем или иным причинам сами хотели укрыться за Кавказским хребтом. Нельзя не вспомнить знаменитые лермонтовские строки:

Прощай, немая Россия
.....
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Так среди кавказского офицерства возрастал процент изгнанных, которых объединяла ненависть к николаевской реакции. Причем ввиду постоянного недостатка в подготовленных и образованных офицерах в Отдельном Кавказском корпусе иногда даже ссыльные декабристы выдвигались на ответственные посты (И. Г. Бурцов, А. М. Миклашевский, В. Д. Сухоруков и др.)¹⁸.

В Тифлисе Торнау более всех и очень быстро сближается с «кавказским старожилом» капитаном Пикаловым, что имело для него весьма важное значение. Из рассказов этого «очевидца, умного и беспристрастного, судившего о вещах и людях, основываясь на оригинальных документах и на самых положительных данных», Торнау познакомился с разными фактами кавказской жизни в последние годы «совершенно с другой стороны, чем они были известны публике». Вообще, благодаря объяснениям Пикалова его «взгляд на вещи получил более рациональное направление». Даже о Цицианове, Ермолове, Котляревском и других «знаменитостях» Пикалов говорил «без восторга» и, писал Торнау, «охлаждал мой собственный жар удивления», «раскрывая существенное значение их подвигов и их истинный характер». «Случалось,— продолжает Торнау,— глубоко разочарованный, я узнавал в моем герое чело- века весьма обыкновенных способностей или, еще хуже,

открывал на нем личину поддельной гениальности, которая нередко успевает поработить общественное мнение в ущерб государственной и народной пользе. И не удивительно: хитрость — вместо ума, тупое упрямство — на место твердой воли, сердечная пустота — вместо силы душевной слишком часто принимаются за проявление гения, если личность, одаренная этими отрицательными качествами, умеет действовать обаятельно на самолюбие людей или поражать их своею самонадеянностью. Вспомните мои слова, кто станет рыться в пыли тифлисского и ставропольского военных архивов и извлечет из них правду для обнародования — не теперь, а позже, когда ее можно будет высказать без обиняков, не опасаясь задеть чье-либо самолюбие или против воли впутаться в бесполезную борьбу против современных предубеждений»¹⁹.

- Торнау особенно обращал внимание на «проекты о покорении Кавказа», которыми в начале 30-х годов было засыпано военное министерство: «...и кто их не писал, и чего в них не написано!» Министерство, «не давая себе труда разбирать, препровождало рукописи в Тифлис на рассмотрение и требовало ответа». Однако «после короткого отрицательного ответа» проект «укладывали в архивную пропасть, на изучение мышам и бумаготочивым насекомым»²⁰.

С еще большим сарказмом Торнау говорит о форме военного письмоводства, жертвой которой он стал с самого же начала своей деятельности. Трудно вообразить, писал он, как хитро сплетена фразеология служебной переписки, какие «тонкие оттенки» следовало соблюдать «в сношениях с равными, с зависимыми и независимыми ведомствами, с младшими, высокими и высшими лицами, и какие разнообразные формы были установлены на основании этих отношений для вступления, изложения и заключения в каждой бумаге. От беспрестанного повторения титулов и от выражений преданности и подчиненности рябило в глазах; настоящий смысл дела утонул в потоке исковерканных фраз... Способности правильно понимать дело и ясно излагать свои мысли было недостаточно для совладания с тогдашним письмоводством; легче всего оно одолевалось форменным педантизмом... Даже в министерствах, в которых служили действительно способные люди, чиновник, об-

ладающий плодовитым пером, т. е. умеющий нанизывать слова и растягивать фразы, не придавая им... смысла, высоко ценился в служебном кругу».

Это была, конечно, настоящая критика бюрократическо-чиновничьих порядков. Но Торнау в этом отношении идет еще дальше. Например, следующее его рассуждение граничит уже с форменным протестом: «Ведь бумаги писались в то время по присутственным местам не для уяснения, а для искажения правды...»²¹. В наиболее открытой форме «искажение правды» проявлялось во времена царского фаворита Паскевича, когда «репутация Кавказа как страны, дающей способности сделать без особенных усилий и пожертвований быструю карьеру, была установлена... Искусство сочинения дошло вскоре до такого „совершенства“, что даже холодный и ничему не удивлявшийся скептик А. А. Вельяминов²² дивился лживости донесений генералов Понкратьева и Фези»²³.

Конечно, были люди, которые к подобным явлениям относились более принципиально, более критически, чем Торнау. Возьмем для примера обличительную, проникнутую оппозиционным духом повесть «Проделки на Кавказе», написанную Хамар-Дабановым²⁴ под влиянием декабриста А. А. Бестужева-Марлинского (он один из центральных персонажей произведения)²⁵.

Эта книга — первая печатная попытка критически отнестись к системе управления и действиям царских властей на Кавказе. Время, описанное в повести (1838—1842 гг.), — мрачная эпоха генерала Е. А. Головина, главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. Конкретно же речь идет о «проделках» на правом фланге Кавказской линии во времена управления свирепого царского колонизатора генерала Г. Х. Засса — «страшилища черкесов»²⁶, для которого экспедиции и бои были «забавою, потребностью, как травля для охотника, как вода для рыбы»²⁷. Как отмечал А. А. Бестужев-Марлинский, этот жестокий и честолюбивый до мелочности военачальник бредил эполетами и крестами²⁸. «А кому бы, — писал и Ф. Ф. Торнау, — любопытным показалось покороче познакомиться со славными его делами, тому советуя попытать, не окажется ли у какого-нибудь букиниста... книжонка... под заглавием „Проделки на Кавказе“»²⁹.

Приподняв край той красивой декорации, которая закрывала от непосвященных истинное положение дел на Кавказе, автор «Проделок на Кавказе» осмелился показать читателю закулисную сторону Кавказской войны. Разоблачение было весьма умеренным, но «по тогдашнему времени» казалось слишком смелым и даже дерзким.

По признанию военного министра А. И. Чернышева, «книга эта тем вреднее, что в ней что ни строка, то правда». Эпиграф к ней «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» не обманул бдительное начальство: книга подверглась запрещению не за ложь, а за правду³⁰. Все это объясняет переполох и беспокойство, вызванные появлением в «Отечественных записках» (1844, № 6, стр. 67—72) рецензии на книгу. Рецензия эта тем более интересна, что существуют веские основания считать ее автором В. Г. Белинского³¹.

И очень важно для нас отношение Ф. Ф. Торнау к этой «крамольной» повести, в которой отразилось влияние декабристской идеологии, тем более что одно из его сочинений служит надежным источником для выяснения всех обстоятельств, связанных с событиями, описанными в «Проделках на Кавказе». Вот что он, в частности, пишет: «В пользу правдивости, с которою книга была написана, вернее всего свидетельствовала ярая ревность, употребленная на ее уничтожение. Напиши небылицу, от которой уши вянут, — беда не велика, пусть читают на здоровье; а коли кто иначе поймет, чем приказано вещи понимать, так нетрудно доказать, что это пустые бредни, басня, аллегория; бесспорную же правду только и можно пришибить обухом полицейского запрета»³².

О своем же непосредственном начальнике, генерале В. Д. Вольховском, Торнау был самого высокого мнения. Это — «даровитый и гражданскому долгу свыше всякого себялюбия преданный» человек³³. Вообще, его сведения о Вольховском — весьма существенный материал для характеристики этой замечательной личности. «Его неутомимое трудолюбие, — пишет Торнау, — его добросовестность и его неизменно настойчивое терпение служили для меня живым примером и не допускали с моей стороны ни ошибок, ни упущений. Вникая сам во все, он предпочитал вместо укора собственным трудом

исправить невольную ошибку подчиненного и ни в коем случае не позволял себе резких выражений... он был требователен к самому себе, когда дело касалось службы... он решался тратить на сон не более шести часов в сутки и потому каждый раз, когда его одолевала усталость, отмечал минуты, проведенные в дремоте, для вычета их общего итога из ночного сна. Он знал заранее, какое спасибо ему готовилось за все его труды. Много-терпеливый страдалец чужого, неимоверно раздражительного самолюбия, он кончил тем, что был удален из армии, когда им же подготовленные успехи позволили обойтись без него»³⁴. Это было в 1837 г.

Все это важно для понимания личности самого Торнау, его общественно-политических взглядов. Не менее ценны и другие такого же рода факты, сообщаемые Торнау. Но об этом ниже.

Как видно, именно к 30-м годам относится знакомство Торнау с литературой о Кавказе. Читал он, конечно, и «Тифлисские ведомости» — первую русскую газету на Кавказе, издававшуюся с 1828 г. и печатавшую большую и разнообразный материал о кавказских народах. Газета способствовала плодотворным контактам между передовыми деятелями России и Кавказа. Среди ее авторов значились А. С. Грибоедов, сосланные на Кавказ декабристы А. А. Бестужев-Марлинский, В. Д. Сухоруков, И. Г. Бурцов и Е. Е. Лачинов, а также выдающиеся просветители Закавказья С. И. Додашвили, А. К. Бакиханов, Х. Абовян и др.³⁵.

Торнау прибыл в Тифлис в апреле 1832 г., а уже летом того же года находился в чеченской экспедиции корпусного командира барона Г. В. Розена. Здесь, в сел. Гурдали, в районе действия генерала А. А. Вельяминова, Торнау 14 сентября был тяжело ранен и чудом спасен от верной гибели. За эту экспедицию он был произведен в поручики³⁶. Между прочим, в боевых операциях Торнау сражался рядом с Павлом Бестужевым, командовавшим горными орудиями³⁷.

После ранения Торнау перевезли в Наур. «Память о душевной внимательности», которую проявил к нему генерал Вельяминов, Торнау сохранил навсегда. Вскоре он получил от Вольховского из Темир-Хан-Шуры (ныне г. Буйнакск) письмо, в котором тот «в самых убедительных выражениях» предлагал ему вернуться в Тиф-

лис, чтобы продолжать службу в его непосредственном ведении. Поскольку в Тифлис, кроме прочего, «манили теплый климат, прекрасная природа Грузии и веселая городская жизнь», Торнау ответил утвердительно⁴⁰.

В конце ноября 1832 г. Торнау выехал из Наура и в начале декабря прибыл в Тифлис. Он был переведен в Генеральный штаб с назначением дивизионным квартирмейстером Кавказской гренадерской резервной бригады.

Теперь Торнау стал более внимательным к окружающему миру, да и мир этот несколько изменился за недолгое время его отсутствия. Тифлисское общество манило Торнау не просто своим веселым нравом. Оно «очень разбогатело людьми, с которыми приятно было жить». Но что это были за люди? Собственно, об этом сам Торнау писал совершенно ясно: «К числу лиц, разнобразивших интерес нашего круга, бесспорно, принадлежали многие из помилованных декабристов, отбывавших на Кавказе последние годы высылки. Это были люди, получившие большею частью хорошее воспитание, некоторые с замечательными душевными качествами, испытанные несчастием и наученные тяжелым опытом жизни. Для молодежи они могли служить спасительным примером и уроком. Спрашиваю, можно ли было, узнав, не полюбить тихого, сосредоточенного Корниловича, автора „Андрея Безымянного“, скромного Нарышкина, Коновницына, остроумного Одоевского и сердечной добротой проникнутого Валерьяна Голицына. С Александром Бестужевым (Марлинским) я имел случай часто встречаться у брата его, Павла. Литературный талант его известен и давно оценен...»⁴¹.

В другом месте Торнау еще более откровенно определяет свое отношение к представителям дворянских революционеров. «Наши сношения с этими лицами,— пишет он,— были самые откровенные... в политическом смысле... нашлись такие люди и в Тифлисе, которые „из ревности и преданности“, а, полагаю, больше всего из ошибочного низкого расчета писали тайные доносы насчет опасности, могущей возникнуть от сближения молодых офицеров с людьми, осужденными законом за политическое преступление. Не входя в их забытое прошлое... я водился с ними, не опасаясь показываться

публично в их обществе и никак не скрывал мою симпатию к Нарышкину и Голицыну. По этому случаю один господин счел обязанностью шепотом мне посоветовать быть поосторожнее»⁴².

Это описание важно и в том отношении, что подтверждает мнение о Тифлисе как об одном из центров общения декабристов. В этом городе, который уже тогда считался не только административно-политическим, но и культурным центром Кавказа, были сосредоточены как прогрессивные силы местного грузинского общества, так и передовые представители России, видные деятели ее культуры. Несмотря на то что Тифлис все еще сохранял специфически азиатский внешний облик, его общественная жизнь к концу первой трети XIX в. заметно европеизировалась⁴³.

Характеризуя положение декабристов на Кавказе, академик М. В. Нечкина пишет: «Но как бы ни были тяжелы условия пребывания на Кавказе, более широкие, чем в Сибири, возможности общения с людьми делали жизнь декабристов осмысленней и содержательней... Вокруг декабристов создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с местным населением, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов»⁴⁴.

Этому немало способствовали товарищи русских декабристов по ссылке — грузин А. С. Гангеблов, а также служившие в Кавказском корпусе некоторые офицеры-грузины⁴⁵. Гангеблов, например, вспоминает, как у него на квартире в Тифлисе жили декабристы Н. П. Кожевников, Ф. Г. Вишнеvский, а частыми гостями были братья Бестужевы и др.⁴⁶.

Одним из главных мест общения декабристов и вообще представителей передовых культурных сил России с лучшими сынами Грузии был гостеприимный дом Александра Чавчавадзе — человека передовых взглядов, выдающегося поэта. В этом доме в свое время решилась личная судьба А. С. Грибоедова; здесь же, как предполагают, состоялось первое представление его бессмертной комедии «Горе от ума». Великий русский поэт, длительное время живший в Грузии, по образному выражению М. В. Нечкиной, «был живой связью декабристов с кругами местной интеллигенции»⁴⁷.

А. Г. Чавчавадзе, будучи поклонником старого уклада жизни грузинских семейств, вместе с тем ввел у себя много новшеств, «порожденных просвещенным обществом»⁴⁸. И во времена Торнау гостиная семья Чавчавадзе никогда «не опорожнялась от гостей», достойных этого традиционного дома, декабристские симпатии хозяина которого «не вызывают никакого сомнения»⁴⁹. Бывал здесь часто и Ф. Ф. Торнау, а познакомил его с этой замечательной семьей В. Д. Вольховский — старинный приятель Александра Герсевановича. С глубокой любовью пишет Торнау в своих «Воспоминаниях о Кавказе и Грузии» об этой семье, особенно о сестрах Екатерине и Нине — 16-летней вдове А. С. Грибоедова, которая умерла в 1857 г. «под вдовьим покрывалом»⁵⁰, оставив надпись, навечно запечатлевшую ее безутешную печаль на черном мраморном пьедестале — памятнике в Тифлисе⁵¹ своему знаменитому мужу: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».

Как известно, А. Чавчавадзе был обвинен в участии в заговоре грузинского дворянства 1832 г. и выслан в Тамбов. Но это не помешало Торнау продолжать посещать семью Чавчавадзе, хотя ему какой-то «господин... советовал... прервать знакомство с Чавчавадзевыми... опять его не послушал». Кстати, весьма положительно характеризует Федора Торнау вообще его отношение к Грузии и ее народу. «Грузины,— восклицал он,— народ добрый, откровенный, общительный, храбрый...»⁵².

Дом Чавчавадзе и после смерти главы семьи еще долго оставался не только «первым домом в Тифлисе по радушию и гостеприимству»⁵³, но и его культурным центром, литературным салоном. Так, молодой ссыльный поэт Я. П. Полонский, с лета 1846 г. живший в Тифлисе, становится частым посетителем этого дома. Между ним и Ниной Чавчавадзе устанавливаются дружеские отношения; ей он посвящает проникновенное стихотворение «Н. А. Грибоедова». Здесь поэт встречается с многочисленными представителями грузинской интеллигенции⁵⁴. И Л. Н. Толстой, осматривая с большим интересом древний Тифлис в 1851 г., не мог упустить случая познакомиться с семьей Чавчавадзе⁵⁵. Великий писатель земли русской отмечал: «Тифлис — цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда

с успехом, общество избранное и большое»⁵⁶. Полученные в Тифлисе впечатления и послужили Л. Н. Толстому одним из стимулов для создания «Хаджи-Мурата»⁵⁷.

Заслуживает внимания и дом самого командующего Отдельным Кавказским корпусом — Г. В. Розена. Прежде всего отметим, что Розен — участник Отечественной войны 1812 г., человек «с почетным боевым прошлым», а о «личной порядочности» генерала говорили даже его недруги. Но главное для нас в данном случае то, что он был известен и как человек, иногда очень осторожно покровительствующий декабристам⁵⁸. Французский ученый Фредерик Дюбуа де Монпере, совершивший в 1833 г. путешествие вокруг Кавказа, писал: «Дом генерал-губернатора был по праву центром дел, так же как и отдыха. Он задавал тон. В течение всей зимы каждое воскресенье здесь бывали приемы, игры, беседы, ужины. Здесь всегда встречались люди, с которыми хотелось поговорить». Сравнивая дом Розена с парижскими салонами, француз особенно восхищался появлением среди «вполне европейского общества» представителей кавказской аристократии, придававших вечерам Розена экзотический характер своими костюмами и национальной пляской⁵⁹.

Приведу еще одну деталь, правда относящуюся к более позднему периоду, но весьма существенную с точки зрения представления о посетителях «вечеров» барона Розена. В Сухуме в мае 1837 г., перед Адлерской экспедицией, Розен дал обед, на котором присутствовали А. А. Бестужев-Марлинский, В. Д. Вольховский и азербайджанский писатель М. Ф. Ахундов. За обедом Розен просил Бестужева совместно с автором «Восточной поэмы на смерть А. С. Пушкина» Ахундовым перевести эту поэму на русский язык. Поэма великого азербайджанского писателя и мыслителя, написанная под свежим впечатлением известия о трагической гибели гениального поэта, вышла в свет в прозаическом переводе прославленного писателя-декабриста⁶⁰.

Примечательны также встречи на квартире писателя Н. П. Титова, который служил при штабе Отдельного Кавказского корпуса в Тифлисе. Н. П. Титов был родным братом декабриста П. П. Титова, сосланного на Кавказ в 1827 г. и В. П. Титова — известного литератора.

Как установил недавно литературовед В. Безъязычный, Н. П. Титов — автор очерка «Прогулка за Балкан», часть которого с подзаголовком «Отрывок из невероятного рассказа Чичероне дель К...О» была напечатана в пушкинском «Современнике»⁶¹. Таким образом, раскрыт псевдоним автора «загадочного романа», «удивившего свет» еще при жизни Пушкина. Советскому исследователю помог ...Ф. Ф. Торнау, который о Н. П. Титове сообщал, что он был добрый, умный, честный, со странностями и в высшей степени рассеянный писатель. Во время устраиваемых, пишет Торнау, Н. П. Титовым литературных вечеров последний читал «отрывки из своего „Сі-segone del Caucaso“, в котором описывалась рассказанная мною чеченская экспедиция с поэтической точки зрения... Умно было написано, занимательно слушать... декламировал с жаром...» Кстати, Н. П. Титов принадлежал «к числу самых частых посетителей дома» А. Чавчавадзе⁶².

Между прочим, Торнау, описывая рассматриваемый период времени, упоминает и П. П. Каменского, который особенно дружил с братьями Павлом и Александром Бестужевыми. Он был сослан на Кавказ (в Грузии находился в 1833—1837 гг.) за «свободные разговоры» и служил здесь юнкером. В то время Павел Каменский пользовался славой талантливого писателя; особый успех имели его кавказские повести. Его перу принадлежат, в частности, повесть «Келиш-бей»⁶³ об абхазском владетеле конца XVIII — начала XIX в. Келешбее Шервашидзе (Чачба), где он выступает как автор, хорошо осведомленный в сложных вопросах истории, быта и нравов абхазского народа⁶⁴. Это относится и к роману «Искатель сильных ощущений» (СПб., 1839), одна из глав которого посвящена Абхазскому краю, где Каменский был в 1834 г. как участник военной экспедиции. В этих произведениях писатель выступает против такого социального зла, как работорговля.

В домах старого Тифлиса декабристы встречались и с молодыми поэтами Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, философом С. Додашвили и другими представителями прогрессивной грузинской общественности, которые сочувствовали декабристам и проявляли по отношению к ним дружеское участие. Эти встречи в немалой степени способствовали укреплению содружества двух народов⁶⁵.

Как мы видели, Торнау был самым непосредственным участником оживленной общественной жизни Тифлиса в начале 30-х годов. Он довольно подробно описал эту жизнь и сам город.

Жил Торнау «далеко не роскошно», с князем Чегодаевым, в Солдатской слободке, в небольшом домике, который они «нанимали у женатого унтер-офицера». Квартал был «не щеголеват, комнаты малы, не высоки, меблированы крайне незатейливо»⁶⁶. В связи с ранением Торнау часто болел и лето 1834 г. провел в Минеральных Водах. В том же году он вернулся в Тифлис, в момент, когда кавказское командование разрабатывало план продолжения сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря, включая и Абхазию.

Здесь следует сделать небольшой экскурс в историю Абхазии начала XIX в. Край был присоединен официально к России в 1810 г. Однако за последующие 20 лет царские войска не занимали прочно на абхазском побережье ни одного пункта, за исключением Сухумской крепости, небольшой гарнизон которой находился в постоянной блокаде. По Адрианопольскому мирному договору 1829 г., заключенному между Россией и Турцией, последняя, как известно, вынуждена была отказаться от своих притязаний на Черноморском побережье Кавказа. Вскоре после подписания Адрианопольского мира Николай I в рескрипте от 25 сентября 1829 г. на имя И. Ф. Паскевича, в то время главнокомандующего на Кавказе, писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело (войну с Турцией.— Г. Д.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»⁷⁰.

В соответствии с этой директивой граф Паскевич осенью 1829 г. разработал план занятия Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Поти. Попытка осуществить это мероприятие была сделана летом 1830 г., когда экспедиционным отрядом генерала К. Ф. Гессе в нескольких пунктах побережья Абхазии (Бамбора, Пицунда и Гагра) были возведены укрепления. Однако дальнейшее продвижение царских войск (на север от Гагры) было приостановлено сопротивлением абхазских⁷¹ и убыхских⁷² племен⁷³. Как писал граф Паскевич, большая часть народа «не имеет реши-

тельной привязанности... к правительству и буйную свою свободу считает дороже всего»⁷⁴.

На этом закончилась широко задуманная, но плохо подготовленная Абхазская экспедиция 1830 г. Возведенные русскими укрепления не могли не только гарантировать «прочного овладения» морским побережьем от Поти до Анапы, но даже обеспечивать «спокойствия» в самой Абхазии, где связь между гарнизонами практически осуществлялась только по морю.

И вот в 1834 г. царское командование решило проложить сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря от Редут-Кале (Кулеви) до Анапы⁷⁵. С этой целью в Абхазию были направлены значительные военные силы под командованием управляющего Имеретией, генерала Д. Д. Ахлестышева. А командующий войсками Кавказской линии и Черноморья генерал А. А. Вельяминов уже шел за Кубань из Ольгинского редута для установления сообщения с бухтой Суджук-Кале (ныне Новороссийск). Три месяца отряд Ахлестышева двигался от Кутаиса до Сухума, прокладывая «военную дорогу», которая в 1835 г. была доведена до Гагры; таким образом, было завершено ее соединение с Военно-Имеретинской дорогой. Маршрут экспедиции лежал по берегу моря, достаточно знакомому командованию. Но продолжение работ по устройству береговой дороги к северу от Гагринского укрепления требовало предварительной разведки⁷⁶. «Сверх сил главных действий на правом фланге Кавказской линии,— писал Г. В. Розен 4 апреля 1834 г. военному министру А. И. Чернышеву,—Его Величество (Николай I.—Г. Д.) признавал бы весьма полезным направление некоторого отряда из Абхазии от Гагры по берегу морскому... до Геленджика, дабы пресечь горские племена, или затруднить сношение их с Турцией, или по крайней мере для военного обзора сего неизвестного края»⁷⁷.

И новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов в рапорте на имя Николая I от 26 августа 1836 г. писал: «На восточном берегу Черного моря, по счастливому приобретению Анапы и по мерам, в недавнем времени Вашим Величеством предписанным, Россия имеет твердую ногу от севера до Геленджика включительно; начиная же от южной турецкой границы, весь берег от крепости св. Николая и устья Риона до крепости Гагры

занят нашими войсками; остаётся промежуток между Геленджиком и Гагрою в протяжении 200 верст, который, по моему мнению, необходимо занять. Это, конечно, будет не без труда, не без издержек...»⁷⁸.

Вместе с тем царское командование намечало в ближайшие годы осуществить ряд карательных экспедиций для «усмирения» абхазских горских племен: в Цебельде (Цабал), Дале, Ахчипсу (Ахчипсы) и др. Они не только оставались не покоренными русским царизмом, но и не признавали власти абхазских владетелей. Поэтому сбор политических и топографических сведений об указанных горных районах и их обитателях был настоятельной необходимостью для царского командования.

Разумеется, последнее могло использовать и использовало в этих целях преданных ему местных феодалов. Однако сведения, полученные таким путем, были далеко не полны, недостаточно ясны и четки, а главное, нуждались в проверке опытного и квалифицированного разведчика-офицера, знакомого с топографией, военной техникой и организацией армии, а также с социально - политическими особенностями местного края⁷⁹.

Надо сказать, что царское командование не раз уже практиковало посылку разведчиков и агентов в непокоренные районы Кавказа. В Абхазию, в частности, специально командировались офицеры Ф. Я. Скирневский (1807 г.) и Е. И. Энгельм (1817 г.), а также Р. де Скасси (1818—1820 гг.), Поль Гибаль (1820 г.), Тебу де Мариньи (20-е годы), Гамба (1820—1824 гг.) и другие предприниматели и разведчики, пытавшиеся использовать в интересах западноевропейского капитала установление на Кавказе колониального режима русского царизма. В их записках, обозрениях и описаниях общего характера также содержатся экономико-географические, этнографические, политические и некоторые иные сведения⁸⁰.

В 1829 и 1830 гг. дважды побывал у черкесов капитан-артиллерист Г. В. Новицкий. Как он сам сообщал, целью его было обследование «всего Закубанья, Большой и Малой Кабарды и местности на восточном берегу Черного моря, между Гагрой и Анапой, населенной племенами адыге и абазде (садзы.— Г. Д.)». Для выполнения этого задания Новицкий должен был проникнуть

на указанную территорию под видом горца. Поэтому он обрил голову, отпустил бороду, надел черкесскую одежду и притворился глухонемым. Перу Новицкого принадлежат следующие работы: «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе» (в соавторстве с Н. П. Лукиным), «Топографическое описание Северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани...» (1830 г.), «О черкесских племенах», «Описание Кубанской кордонной линии от стока реки Кубани в Черное море до города Екатеринограда, в 1831 г.». Кроме того, опубликованы поданные Новицким в 1830 и 1831 гг. его четыре рапорта (два — на имя И. Ф. Паскевича и два — на имя полковника Ракозовского), а также особая «Записка» 1831 г.⁸¹.

Между прочим, к названным материалам Новицкого генерал Г. И. Филипсон относился весьма скептически, называя его поездку «беспольным подвигом». Филипсон писал, что Новицкий в представленной Паскевичу толстой тетради «систематически, хотя не всегда верно», описал «Черкесский край и племена, обитающие не только по пути его проезда, но и по южной покатости хребта до самой Абхазии. Разумеется, сам Новицкий ничего этого не видел и не слышал, а все сведения сообщены ему были Таушем и Люлье — переводчиками, служившими прежде в компании де Скасси и жившими около 15 лет между горцами»⁸².

В 1830 г. поручик Генерального штаба барон И. К. Аш в связи с Абхазской экспедицией был секретно командирован в Абхазию. Граф Паскевич в своем обширном предписании от 28 марта 1830 г. управляющему Имеретией К. Ф. Гессе отмечал, что разведчику было поручено предварительно осмотреть будущее место (Бамбора) расположения штаб-квартиры 44-го егерского полка. Далее говорилось: «Тотчас по прибытии в Соуксу (Лыхны.— Г. Д.) нужно нач-ку отряда заняться собиранием подробнейших сведений о прямой береговой и других дорогах, ведущих оттуда к р. Анапа; также о племенах, населяющих пространство сие... Необходимо иметь также верные известия о дорогах, ведущих из Абхазии через горы Кавказские в земли черкесов и на Кубань... Для употребления по своей части и для съемки мест прикомандируется к отряду ген. штаба поруч. бар. Аш

с одним топографом. На поруч. бар. Аша возлагается сверх того ведение подробного журнала о всех обстоятельствах и действиях отряда в продолжении сей экспедиции».

Для осмотра береговой дороги от Редут-Кале до Сухума барон Аш прибыл в Сухум 10 апреля 1830 г. В донесении, где сообщался ряд фактов о положении дел в Абхазии, барон подчеркивал, что абхазские князья «не отказались бы признать царскую власть», «если уверены будут, что они не лишатся своих прав, земель и прочей собственности».

В результате указанной поездки барон Аш в 1830 г. и составляет свою хорошо известную в специальной литературе рукопись «Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западною частью Кавказского станового хребта» (другое название — «Описание Абхазии»). Ему же принадлежат «Описание Цебельды и дорог, ведущих из оной в Абхазию и закубанскую сторону к карачаевцам и чеченцам» (без даты) и «Сведения, составленные по расспросам о народах, населяющих пространство от развалин монастыря Гагры до р. Сочи и береговой дороги на сем расстоянии» (1831 г.)⁸³.

Другому военному специалисту Генерального штаба, штабс-капитану И. В. Шаховскому, было поручено составление общей карты Закавказья. В связи с этим особым заданием он в 1834 г. был командирован в Сванетию, откуда через Карачай поехал в Кабарду и для обозрения другого пути, идущего с Кавказской линии, через Сванетию возвратился обратно в Тифлис. Это путешествие князя Шаховского описано в его рапортах на имя Г. В. Розена от 24 ноября 1834 г. и от 24 января 1835 г.⁸⁴ «Путешествие его, — пишет Торнау, — было весьма любопытно, сопряжено с большими трудностями среди дикой природы, но не представляло прямой опасности для жизни»⁸⁵.

«Желая получить важнейшие сведения о народах, обитающих на восточных берегах Черного моря между Абхазиею и крепостью Геленджиком и равно о стране вдоль всего сего пространства», барон Розен 7 июня 1834 г. предложил командующему русскими войсками в Абхазии, полковнику А. Г. Пацовскому отправить из

Гагры вдоль морского берега в Геленджик унтер-офицеров Черноморского линейного 7-го батальона К. И. Заха и Ф. Я. Лисовского (из польских революционеров) с письмом на имя геленджикского коменданта, полковника Чайковского⁸⁶. Однако в сентябре того же года Лисовскому и Заху была поручена рекогносцировка лишь Гагринского ущелья, в результате чего первый представил «Описание Гагринского ущелья», а впоследствии, в феврале 1839 г., завершил составление довольно обширного «Замечания о местоположении гагринских окрестностей»⁸⁷.

Однако пребывание всех названных лиц у горцев было довольно кратковременным, а маршруты незначительными. Кроме того, материал, добытый таким образом, не всегда отличался должным качеством и имел практическое значение.

Имея в виду все это, Торнау писал, правда, не без умаления значения сведений своих непосредственных предшественников, что необходимые данные о дорогах внутри гор, о количестве народонаселения края, о его «средствах к жизни и к войне оставались совершенно недоступными для войск».

Стало ясно, что надо заменить «полезным образом» «мало обещавшие» рекогносцировки, т. е. поручить более «сведущему офицеру осмотреть тайным образом морской берег».

Таким человеком был признан Ф. Ф. Торнау. Поручение же было дано ему непосредственно начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса генералом В. Д. Вольховским. «Вольховский, — пишет Торнау, — встретил меня с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на сообщение сведений, добыть которые предполагалось было такою дорогою ценой; он не скрыл от меня опасностей, с которыми я должен был бороться, да и я сам понимал их очень хорошо»⁸⁸.

По поводу этого задания барон Г. В. Розен писал: «По совершенной неизвестности о крае, лежащем на север от Гагринского хребта... в 1835 году послан был мной... барон Торнау для скрытного обзора берегового пространства на север от Гагр, а в случае невозможности исполнения этого, то чтобы обозрел пути, идущие

из Абхазии через Кавказский хребет на Кисловодскую линию»⁸⁹.

Но так как возложенное на Торнау дело выходило из круга обыкновенных поручений, то нельзя было требовать от него исполнения этого обычным служебным порядком, без «добровольного согласия» разведчика. Поэтому Розен и поручил генералу Вольховскому убедить Торнау ехать в горы, предоставив последнему возможность самому предложить условия, на которых он считал для себя выгодным оказать требуемую от него услугу. «Готовый жертвовать собой» для дела, но «отнюдь не располагая торговать своею жизнью и свободой», Торнау отверг условия, которые «могли касаться до его личных выгод», и настоял только на доставлении ему всех тех преимуществ, от которых зависела, по его убеждению, удача путешествия. Розен согласился предоставить Торнау право «располагать свободно собой и своим временем», вступать в сношения с «покорными» и «непокорными» горцами, «не стесняясь существующих правил», и в указанных ему границах обещать им награды или прощение за различные «преступления», если кто из них станет ему помогать в его делах. Получив, таким образом, гарантию о «невмешательстве в его дела местных кавказских властей», Торнау принял с охотою и с уверенностью в успехе» за выполнение поручения⁹⁰.

Как мы видим, рассказывая о переговорах с Розеном и Вольховским, Торнау пытается представить себя в выгодном свете, т. е. показать, что он был «идейным разведчиком», готовым «жертвовать собою для государственной пользы». Но, видимо, молодой офицер пошел на это весьма трудное дело еще и потому, что прекрасно знал о тех высоких наградах, которые ожидали его в случае успеха⁹¹.

Тем не менее следует сказать и о немалых трудностях путешествия, которое предстояло Торнау совершить вдоль Черноморского побережья. Прежде всего надо было найти опытных и надежных проводников. Далее, разведчик должен был проникнуть в среду «самого густого» горского населения, «встревоженного и раздраженного» опасностью и угрозой появления царских войск с двух сторон — в Абхазии и за Кубанью. Ему предстояло осмотреть значительное пространство в горах, жить и пу-

тешествовать долгое время в чрезвычайно опасных условиях.

Цель военной разведки, порученной Торнау, достаточно четко определена в рапорте исполняющего должность квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса, полковника барона Х. Х. фон дер Ховена от 25 июля 1835 г., который сообщал Главному штабу, что «дабы в будущее время можно было продолжать таковое полезное предприятие (устройство военной дороги.— Г. Д.) от Гагры далее к Геленджику, то предварительно необходимо получить нам... топографические и статистические сведения о совершенно еще не известных нам сих странах, для приобретения каковых был избран известный уже своими способностями и предприимчивостью, оказанными во время экспедиции в 1832-м году против Кази-Муллы, Генерального штаба поручик барон Торнау»⁹².

Правда, Торнау не знал тогда ни одного кавказского языка, но это нисколько не смущало его, так как здесь существовало «такое множество различных наречий», что ему «всегда было возможно выдавать себя за человека, принадлежащего к племени, языка которого не понимали жители того места», где он находился. И вообще, «чем более представлялось препятствий и затруднений, тем сильнее укоренялось» в нем «желание исполнить путешествие вопреки всем предсказаниям».

Для того чтобы скрыть настоящую цель поездки в Абхазию, откуда было признано удобным начать его путешествие, Торнау получил гласное назначение состоять при войсках «Абхазского действующего отряда».

Выехал он из Тифлиса в декабре 1834 г., хотя ненастное зимнее время обещало ему самую трудную и неприятную дорогу. И действительно, «плохие дороги, дурные ночлежки, холод, грязь и снег попеременно преследовали» его от начала до конца путешествия. До Сурамского перевала Торнау двигался на русских почтовых телегах, а «всем известно, как они „покойны“». Дальше приходилось ехать верхом на казачьих переменных лошадях. В Кутаисе Торнау остановился на несколько дней, чтобы явиться к управляющему Имеретией и начальнику Абхазского экспедиционного отряда, знавшего только о его назначении находиться при войсках в Абхазии: в Тифлисе было признано необхо-

димым никому не поверять тайны его действительного поручения, чтобы предохранить разведчика «от последствий всякой даже неумышленной нескромности». От самого Кутаиса Торнау не пользовался иным помещением, кроме постовых плетеных хижин с земляным полом, где он ночевал, закутавшись в бурку.

Следующая остановка состоялась в Редут-Кале. Это было земляное укрепление, построенное еще в 1804 г. на берегу моря, около устья р. Хоби, посреди непроходимых болот — «забытый уголок, в котором прозябали изнуренные лихорадками» несколько солдат и офицеров, карантинных и таможенных чиновников. От Редут-Кале в Сухум Торнау ехал по дороге, проложенной русскими войсками в 1834 г. Вот как описывает ее Торнау: «... проходя на большом протяжении через вековой лес, без выбора местности, она извивалась лентою густой черной грязи, в которой лошади утопали выше колен, спотыкаясь на каждом шагу о пни и корни срубленных деревьев». Много времени отнимали у него также переправы через бесчисленные реки и речушки, вышедшие из своих берегов. Только на р. Ингури был паром, и лишь на двух других реках Торнау видел выдолбленные из дерева и связанные между собой лодки⁹³.

Приехав в Абхазию, Торнау немедленно взялся за дело. Он должен был, совершая беспрестанные поездки, знакомиться с краем и его людьми, от которых, как он полагал, можно было ожидать помощи для достижения цели. Прежде всего необходимо было завязать знакомства и установить связи с нужными лицами, а также найти благовидный предлог для своих будущих поездок, чтобы даже самые недоверчивые не смогли заподозрить истинных намерений разведчика. И Торнау решил начать «с умного и хитрого Гассан-бея⁹⁴, тайного противника русских», имевшего «большой успех у тех людей», которые были недовольны «существовавшим порядком вещей»⁹⁵. Для Торнау было очень важно приобрести расположение этого в самом деле незаурядного человека, а тем более заслужить его доверие. Во всяком случае, Торнау считал, что Хасанбея лучше иметь «приятелем», чем врагом: вражда с ним была весьма опасна, если учесть широкие связи князя с горцами.

Хасанбей нужен был Торнау, в частности, для так называемого цебельдинского дела.

«Независимая» горная Цебельда, управление которой, по характеристике начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова, осуществлялось «по народным обычаям, в форме аристократической республики»⁹⁶, давно «служила неприятною помехой» и для абхазского владетеля, и для царского правительства. Она была «главным районом» высокогорной зоны края долго сохранявшим политическую и экономическую обособленность⁹⁷.

И вот в 1835 г. Торнау стремится собрать «при случае самые точные сведения» об этом районе⁹⁸. Узнав, что сестра Хасанбея замужем за Хинкурасом Маршания, одним из влиятельнейших цебельдинских князей, Торнау решил предложить через Хасанбея «отдать самого себя амонатом», т. е. заложником, князьям Маршания «для того только, чтобы иметь случай видеть часть Цебельды». Однако такой шаг не был одобрен Розеном. Федору Торнау вообще запретили вмешиваться в «цебельдинское дело», которое «было признано решить другим путем». Сочли несвоевременным также его предложение о десанте на мыс Адлер⁹⁹; было поставлено «ему на вид, чтобы он вообще обратил главное внимание во время пребывания своего в Абхазии на собиране сведений о стране сей»¹⁰⁰.

Однажды, переодевшись в черкеску, Торнау направился к Хасанбею, полагаясь на все «выгодные стороны кавказского гостеприимства». И действительно, хозяин встретил «путника», как полагается, если не считать, что в самом начале знакомства Хасанбей, вооруженный двумя длинными пистолетами, один из них держал наготове. Вскоре они сделали даже «совершенными друзьями». Хасанбей жил в сел. Келасури. Его рубленый деревянный дом, имевший вид широкой четырехугольной башни, стоял на высоких каменных столбах, возвышаясь на живописном Келасурском холме. Крытая галерея вокруг всего дома, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен палисадом с бойницами.

В общем Торнау пошел на сближение с Хасанбеем, а через него и с другими абхазскими феодалами — «врагами нового порядка» в Абхазии, между которыми, по мнению готового к риску разведчика, скорее всего можно было и «отыскать помощников для... предприятия, и

узнать их мысли, нисколько не обнаруживая сокровенных желаний». Что касается самого владельца Абхазии — Михаила Шервашидзе — и его сподвижников, то они уже давно стали прочной опорой царизма в деле присоединения края и сопредельных с ним районов.

Сухум произвел на Торнау «самое неблагоприятное впечатление». Крепость уже тогда имела вид развалин. «Внутри ее помещались две ветхие деревянные казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз, провиантский магазин и дом коменданта. Сухумский гарнизон составляли две пехотные роты и команда крепостной артиллерии... Люди имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно умирала». Помимо гарнизона здесь не было и сотни жителей.

Тем не менее Торнау упоминает о сухумском обществе, но, к сожалению, ограничивается чисто внешним его описанием. Только об одном человеке — враче госпиталя, имя которого он скрыл под буквой «К», о человеке, который вызвал к себе его симпатии за благородные качества, Торнау сообщает некоторые сведения: «...хороший доктор и очень умный человек, пользовался уважением всего сухумского общества... был беден и своими трудами не мог ничего нажить...» Между тем здесь тоже «тепелась» тогда общественная жизнь. Именно к этому времени относится, в частности, пребывание в Абхазии декабристов А. А. Бестужева-Марлинского, С. И. Кривцова, А. А. Фока, В. С. Норова и др. Гораздо больше сообщает Торнау о северокавказских «гнездах вольнодумцев». Но об этом ниже.

Своим постоянным местопребыванием Торнау избрал местечко Бамбора (январь 1835 г.), расположенное близ Гудауты и в нескольких километрах от резиденции абхазского владельца в Лыхнах. В то время Бамбора была центром русской военной администрации в Абхазии. Здесь находились начальник войск края и полевой штаб 44-го егерского полка, а также один из батальонов этой части. Полковник А. Г. Пацовский ознакомил Торнау с положением дел в крае.

Через некоторое время Торнау поехал представиться владельческому князю Михаилу Шервашидзе, имевшему в то время звание полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Это был красивый молодой человек,

примерно 24 лет, пользовавшийся «всеми качествами, имеющими высокую цену» у горцев, т. е. был «силен, стрелял отлично из ружья, ловко владел конем и не боялся опасности». Как правитель, он был, несмотря на свою молодость, «далеко не хуже, если не лучше других, много хваленных кавказских владельцев... Как настоящий горский князь, Михаил исполнял правила гостеприимства в самых широких размерах, никто не уезжал из его дома без угощения и без подарка».

Торнау с большим одобрением пишет о стремлении полковника А. Г. Пацовского сблизиться с местным населением. Уверившись в «прямом характере и здравом смысле» этого военачальника, Торнау вскоре открыл ему настоящую цель, которую он преследовал. Однако, по мнению полковника, не существовало никакой возможности проехать за Гагру, главным образом по причине удвоенной осторожности, с которой «неприятель караулил Гагринский проход со времени прибытия в Абхазию действующих войск». Но Торнау не скрыл от Пацовского своего намерения «стараться всеми силами опровергнуть фактом его убеждение»¹⁰¹.

Командующий войсками, стремясь «облегчить» Торнау «отношения с абхазами», поручил прапорщику Черноморского линейного 5-го батальона Эмину (Николаю) Шакрылу постоянно находиться при бароне в качестве переводчика и проводника. Шакрыл, владея несколькими языками (абхазским, русским, черкесским, турецким), по словам самого Торнау, служил «как нельзя лучше»¹⁰².

В Бамборе Торнау не терял времени даром. Прежде всего он вместе с Пацовским направился в Пицунду с целью выявить место для укрепления, что должно было обеспечить сообщение Гагры с Бамборой. На берегу р. Бзыби, у поворота дороги через горы в Пицундинский монастырь, Торнау обозрел «многолюдное» сел. Аджакхуны, где жили князя Инал-ипа (Нарчоу и др.) и где был «лучший брод через реку».

После этого Торнау, «не давая себе отдыха», продолжал странствовать по горной Абхазии, осматривать дороги и знакомиться с людьми, от которых «надеялся узнать что-нибудь полезное» для «скрытого намерения». Побывал он уже в Сухуме и селениях Келасури, Дранде и Лыхнах.

Дороги были в то время весьма небезопасны. Между Бамборой и Сухумом нередко появлялись разбойники из Псху или из Ахчипсу — из этих двух абхазских «вольных обществ», занимавших высокие горы около истоков Бзыби и Мзымты. Между Сухумом и Драндой рыскали цебельдинские искатели приключений. Встречались и абреки, бежавшие от своих владельцев или от царских властей в неприступные горные места. Трудно было убежать от них, поскольку «все выгоды находились на их стороне». Скрытые в чаще, они настигали того, кого искали, на открытой дороге, пролежавшей между морем и густым лесом. А в то время «абхазские леса были непроходимы для того, кто не знал местности и всех проложенных по ним... тропинок. Дерево теснилось возле дерева; огромные пни и корни деревьев, опрокинутых бурей, загораживали дорогу со всех сторон; колючие кусты и тысячи нитей от вьющихся растений, снабженных острыми шипами и широкими листьями, пресекали путь и составляли непроницаемую сеть, через которую можно было прорываться только с помощью топора или кинжала»¹⁰³.

Фредерик Дюбуа де Монпере, сведения которого относятся к 1833 г., писал, что, например, окрестности Сухума «из-за коварства Гассан-бея были настолько ненадежны, что после захода солнца никто не осмеливался пройти с базара к карантину... Избегали проходить здесь в одиночку даже среди бела дня...»¹⁰⁴.

Кстати говоря, почти каждый участок береговой дороги имел своего «героя», «присвоившего себе право грабить путешественников преимущественно на его протяжении». Так, между Бамборой и Сухумом обыкновенно устраивал засады со своей шайкой псхувский беглец Софыдж Гублия, имя которого наводило страх на каждого, имевшего основания считать его своим недругом. За Сухумом и в районе Дранды чаще других грабил цебельдинский князь Багаркан-ипа Маршания.

Николай Шакрыл был неразлучным товарищем Торнау во всех его поездках. Люди, встречавшие Шакрыла и Торнау на дороге, одетых в горскую одежду, с винтовками за спиной, принимали их за своих. Это было первое условие их безопасности. Зная, что от случайной встречи с Софыджем, Багаркан-ипа или другим разбой-

ником и от пули, направленной из леса, не существовало другой защиты, кроме везения или «счастья», они заботились только о том, чтобы уберечь себя от засады, приготовленной именно для них. С этой целью Торнау беспрестанно менял своих лошадей и цвет черкески; в дорогу он выезжал то с одним Н. Шакрылом, то с его братьями или с более многочисленным конвоем, который давали ему владетельный князь или Хасанбей. Никогда он не говорил заранее, куда и в какое время намерен ехать; никогда не возвращался по прежней дороге.

Николая Шакрыла в Абхазии знали многие. Часто встречая его с незнакомым человеком в горском одеянии кабардинского покроя и с бородой, любопытные стали интересоваться личностью Торнау. Находя ответы Шакрыла и Хасанбея на сей предмет неубедительными, они начали следить за ним, и он сделался, не зная того сам, предметом частых разговоров «абхазских политиков».

Одним из них был Кац Маргания (Маан) — первый сподвижник владетеля Абхазии, генерал царской армии. Внимательно следя за Торнау, этот «тонкого ума» человек догадывался о секретной миссии последнего. На отрицания же русского разведчика Кац отвечал: «Ты — молодая лисица, а я — старый волк, напрасно станем друг друга обманывать» и предупреждал: «Побереги свою голову, она нужна тебе для другого дела... Багаркан-ипа хвалился тебя поймать и привезти в Цебельду живого или мертвого, если ты не перестанешь ездить по Абхазии, и прибавил, что он позволит надеть себе через плечо прялку вместо ружья, если он не сдержит своего слова»¹⁰⁵. Между прочим, Торнау однажды в лесу столкнулся с отчаянным абреком, но разведчику удалось ловко уйти от него неузнанным.

После каждого возвращения из таких поездок Торнау садился «приводить в порядок» сведения, которые «успел собрать». Писал он систематически на имя полковника Х. Х. фон дер Ховена (по случаю отпуска генерала Вольховского он исполнял должность начальника штаба корпуса, а во время отлучек барона Розена управлял всей военной частью на Кавказе)¹⁰⁶.

В письме, например, от 6 февраля 1835 г. из Бамборы фон дер Ховену Торнау просил о присылке топографов

и разных редких в Абхазии вещей (кинжалы, сукна, сафьян, нитки и пр.) для подарков. Как раз в этом письме он отмечал, что «карта наша Абхазии чрезвычайно неверна; случаев ее исправить иногда представляется довольно». И в другом месте: «Карта Новицкого неверна. По описанию его я бы никогда не отыскал ни одного из князей, живущих за Бзыбю. Имен, какие у него в описании, нет во всех горах». Торнау обещал до своего отъезда составить описание дорог и мест, которые он успеет увидеть в Абхазии, и «замечания на край вообще»¹⁰⁷. Одним из важнейших материалов в этом отношении стало обширное письмо разведчика от 20 февраля 1835 г. на имя генерала В. Д. Вольховского.

Но самую большую роль с точки зрения изучения истории Абхазии того периода сыграла рукопись Торнау «Взгляд на настоящее положение Абхазии и русских войск, ее занимающих», состоящая из следующих частей: первая — под приведенным заглавием, вторая — «Обычаи абхазского народа и разделения его на состояния» и третья — «Краткая записка о сообщениях, существующих между укреплениями Дранда и Бамбора»¹⁰⁸. Вторая часть¹⁰⁹, по характеристике большого знатока этнографии Кавказа М. О. Косвена, «представляет собой весьма содержательную и отчетливую характеристику общественно-политического состояния абхазов, власти и прав князей и дворян, положения крестьян и рабов; содержит также краткие замечания о следах христианства у абхазов, об их семейных отношениях, обычном праве и судопроизводстве»¹¹⁰. Под заголовком документа имеется следующее примечание полковника фон дер Ховена, свидетельствующее о дате документа: «Составленный в 1835-м году, в первых месяцах, то есть до экспедиции». Рукопись была представлена тем же фон дер Ховеном обер-квартирмейстеру Главного штаба генерал-лейтенанту Шуберту с препровождением «копии с краткого описания Абхазии, составленного находящимся там Генерального штаба поручиком бароном Турнау»¹¹¹.

Однако главным в ту пору для Торнау было непосредственно самому увидеть морской берег за Гагринским укреплением, чтобы «разрешить различные спорные вопросы», и он «сгорал нетерпением» исполнить свое слово, данное по этому поводу в Тифлисе, не улус-

кая никакого случая, «сколько бы он ни представлял опасностей»¹¹².

Для достижения этой цели Торнау завел знакомство с князьями Инал-ипа, имевшими родственные связи и сношения с соседними «сильнейшими» садзскими (джигетскими) фамилиями: Цанба (Цумбая) в сел. Цандрипш и Арыдба близ мыса Адлер (Лиашв, у Торнау — Лиешь). При содействии Инал-ипа и Николая Шакрыла Торнау надеялся вступить в сношения с упомянутыми «влиятельными» садзскими феодалами и с их помощью найти возможность проехать по берегу моря до Геленджика; на эту операцию была отпущена значительная сумма. Этим своим соображениям разведчик посвятил большую часть своего обширного рапорта от 6 мая 1835 г. на имя полковника фон дер Ховена.

Во всяком случае, Торнау удалось «установить от людей, бывших в тех краях», что береговое сообщение между Гагрой и Геленджиком действительно существует; прерывается оно только в одном месте, несколько выше Гагры, скалами, выступающими в море, но и там возможен объезд, по горе, проходимый даже для конного.

Тем не менее Торнау, несмотря на все свои старания, вынужден был отказаться от намерения проникнуть в загагринский район прямым путем. «Проехать по этой дороге,— писал он,— русскому офицеру, хотя бы он был передодет, весьма трудно по причине бдительности и недоверчивости живущих около нее горских племен, в особенности со стороны Абхазии, откуда они ныне ожидают вторжения русских войск». В другом рапорте (от 29 мая 1835 г.) Торнау отмечал, что ближайшие к Гагринскому укреплению племена находятся в раздоре между собою: одни желают изъявить «покорность» русскому правительству, другие противятся этому намерению. Убыхи же, западные соседи садзов, узнав о движении отряда к Бзыби, собрались за Гагринской крепостью для защиты прохода и взяли с садзов заложников с целью «остановить» их намерения «в изъявлении покорности русским»¹¹³.

Кроме того, в то время сведения о данном крае были для русских «еще очень новы» и никто не знал, где именно живут люди того или иного племени и на каком языке они говорят. «Абхазцы... не имели никакой связи

с шапсугами; сношения их с приморскими джигетами были совершенно ничтожны; и так как неприятель караулил гагринскую дорогу день и ночь со времени прихода наших войск на устье Бзыба, то нечего было и думать проехать этим путем».

Таким образом, Торнау не мог найти удобного случая проникнуть в землю садзов-джигетов, убыхов и шапсугов — племен, по его утверждению, враждебно относившихся не только к царским деятелям, но и к правителям феодальной Абхазии. Ни один абхазский проводник не решился провести к ним русского офицера-разведчика.

К этой «борьбе с враждебными обстоятельствами» прибавилась для Торнау еще «новая напасть», угрожавшая разрушить все его планы. Начальник Абхазского отряда, не согласный с «взглядом на вещи» разведчика и недовольный тем, что последний имел сверх официального еще и другое назначение, освобождавшее его от непосредственного надзора, начал «вредить [Торнау] служебным путем»¹¹⁴. Речь идет об управляющем Имелетией, генерале Д. Д. Ахлестышеве, под командованием которого, как уже говорилось, в 1834—1835 гг. вдоль абхазского побережья прокладывалась военная дорога для соединения воздвигнутых на этой территории укреплений¹¹⁵.

Торнау сталкивался с генералом Ахлестышевым «по практическим вопросам», связанным именно с данным строительством. Так, он считал, что дорогу в Гагру надо провести не через Пицунду, а через Аджапхуны, чтобы сократить ее на 16 верст. Однако генерал был упрям. «Меня,— жаловался Торнау,— он выгнал из отряда весьма учтивыми намеками и удалил меня от участия в делах». В другом письме он также писал: «Боюсь, чтобы генерал Ахлестышев своим незнанием обстоятельств края и упрямством не погубил дело». Но Торнау был принципиален: «Никогда я не соглашусь выставлять предметы таковыми, как их хотят иметь, говорить истину моя обязанность, и я всегда ее буду исполнять»¹¹⁶. В другом письме он заявлял еще более категорически: «Буду продолжать свои занятия как прямую обязанность офицера Генерального штаба, невзирая на делаемые мне личные неприятности, которые никогда меня ни в чем не остановят. Ошибочен мой взгляд на вещи,

так я готов нести все обвинения и даже взыскания молча»¹¹⁹.

Разведчик днем и ночью напряженно думал, пытаюсь найти новые средства и пути для осуществления предприятия. Наконец он решил пробраться на желанный берег моря обходным путем, с западной стороны, преодолев грозный Кавказский снеговой хребет, как это предписывалось распоряжением барона Розена¹²⁰. Этот план был основан на сведениях, тщательно собранных Федором Торнау в той же Абхазии.

Торнау установил, что с абазинским населением аулов Башилбай, Шегирей, Там и некоторых других аулов северного склона Кавказского хребта многие жители Абхазии поддерживают самые дружеские отношения¹²¹. Намерение разведчика заключалось в том, чтобы, пользуясь этим обстоятельством, перейти через горы с человеком, имевшим друзей или родственников в одном из названных аулов, поселиться в нем и, выждав удобный случай, склонить «первого решительного удальца» провести его к морю.

Таким «удальцом» мог быть один из трех братьев абазинских князей Лоо¹²², которые скрывались недалеко от Башилбая, а прежде жили в своем собственном ауле, лежавшем на берегу Кумы. Торнау узнал от абхазского дворянина Соломона Мканба (у Торнау — Микамбай), что «в припадке оскорбленной гордости» Лоо в 1831 г. убили пристава Ганартука, поставленного царской администрацией над их аулом. Лоо бежали в горы с довольно большой группой дворян и более четырех лет тревожили царские власти своими частыми и «весьма удачными набегами». Хотя они и получили «некоторую известность», но скучали по родным местам и думали, как бы снова помириться с русской администрацией.

Завязавшаяся по этому поводу официальная переписка закончилась одобрением предложения Торнау: было решено объявить князьям Лоо о том, что если они помогут разведчику пройти от Гагры к Геленджику, то проступок их будет прощен правительством¹²³.

Торнау послал Лоо письмо, составленное Николаем Шакрылом на турецком языке. Он предлагал князьям свое посредничество, если они действительно намерены «покориться». Охотник по имени Хатхуа, один из крестьян

ян Мканба, доставил письмо в нужное место. Он же принес Торнау ответ, где его предложение принималось, но с оговоркой — разведчик сам должен приехать к ним для переговоров. В ответном письме князя обещали, пишет Торнау, «принять меня как неприкосновенного гостя, кто бы я ни был, так как в моем письме я объявил им, что назову себя только тогда, когда наше дело уладится и они удостоверятся в моем праве говорить именем русского правительства». Это приглашение вполне устраивало Торнау, так как оно давало ему «весьма благовидный предлог» для путешествия через горы. И он решил воспользоваться этим обстоятельством немедленно.

Началась подготовка к экспедиции. После долгих отказов старик Мканба по просьбе самого владельца согласился быть проводником. Он прекрасно знал дороги в горах и в молодости очень часто, а в преклонные годы лишь иногда «ходил за горы» красть лошадей и черкесских мальчиков. Эти «подвиги», кстати, доставили ему известность. Кроме того, у него там были родственники ¹²⁴.

В эти весенние дни 1835 г. Ф. Ф. Торнау продолжал напряженно работать и над своим по его словам «кратким описанием Абхазии». В письме от 6 мая на имя полковника фон дер Ховена Торнау сообщал, что «полного статистического и топографического описания» Абхазии он еще не может представить, так как «прежние записки об Абхазии ... служат примером, сколько для сего нужны сведения полные и проверенные по возможности», на что он «по разным обстоятельствам не имел способа» ¹²⁵.

Надо сказать, что в сборе физико-географических, историко-этнографических, лингвистических, статистических и других сведений об Абхазии, а также в знакомстве с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью», барону Торнау большую помощь оказал Николай Шакрыл ¹²⁶. В этом деле, по-видимому, немалую роль сыграл и другой молодой абхазский офицер, друг Шакрыла — Соломон Званба (1809—1855), в будущем известный абхазский этнограф.

29 мая 1835 г. офицер Шакрыл утонул в р. Бзыби, разлившейся из-за сильного ливня. Это случилось во время переправы на пароме. В тот день на месте разлива (здесь стоял военный лагерь) погибли 19 человек,

в том числе 13 солдат¹²⁷. «Это известие меня чрезвычайно огорчило,— писал Торнау,— потому что я привык видеть в Шакрылове моего неразлучного товарища и любил его за добрый нрав и за качество ума...»¹²⁸. И Торнау посчитал своим долгом похлопотать перед высшим кавказским начальством об оказании помощи семье покойного, оставившего троих малолетних сыновей и жену.

К началу июня 1835 г. подготовка к экспедиции была закончена. В ее состав кроме Ф. Торнау и С. Мканба входили переводчик Муты Шакрыл (старший брат Николая), охотник Хатхуа, проводник Багры («настоящий горный волк» из Псху) и еще двое слуг Соломона Мканба. Путешественники собрались в доме последнего, где на «совете» каждый из них дал торжественную присягу «хранить все дело в совершенной тайне, не обманывать и не выдавать друг друга ни в коем случае, даже если это стоило бы жизни». Кроме того, Торнау, отправляясь в столь опасное путешествие, чтобы обезопасить себя, решил надежным образом связать себя с одним из проводников, а именно «породниться» с супругами Багры посредством обряда усыновления. Усыновляемый должен был при этом сделать подарки усыновителям. И вот несколько кусков холста, ножницы и иголки, считавшиеся в Псху «неоценимыми редкостями», да кинжал с золотой насечкой, подаренные Федором Торнау жене и мужу, окончательно закрепили их «союз». По окончании путешествия в случае добросовестного исполнения всеми участниками экспедиции своих обязанностей Торнау обязывался заплатить С. Мканба 30 руб., Хатхуа — 50 руб., двум крестьянам, принадлежавшим Мканба,— по 25 руб.; Багры выпросил оседланную лошадь и двух коров с телятами; М. Шакрыл желал офицерского чина. Владелец Абхазии, сделавший подарки Соломону Мканба, поручился за точное исполнение всех обещаний Торнау¹²⁹.

Местожительство Мканба (Акуача) было расположено в неприступной верхней части сел. Анухва, у самого входа в ущелье, по которому пролегали дороги в Псху, Ахчипсу, Цебельду и на Кавказскую линию¹³⁰. Была выбрана дорога через Псху: здесь можно было выдавать Торнау за кабардинца.

Главным проводником стал Хатхуа. Это был старик

70 лет, из которых большую часть он провел не под кровлей, а в путешествиях и на охоте в горах. Высокий, худощавый, закаленный в трудах и опасностях, всегда рассудительный и хладнокровный, стрелок без промаха, этот «железный человек» не имел во всей Абхазии равного себе охотника, который бы так хорошо знал в горах все тропинки и скрытые места, представлявшие удобную защиту от врага и непогоды. Его опыт во всем, что касалось жизни в горах, отличное знание повадок животных, за которыми он привык охотиться с детства, были настолько известны, что никто не осмеливался вступать с ним в спор, и сам Мканба беспрекословно подчинялся его мнению.

Дорога была очень трудной¹³¹. Случалось, что лошади срывались с тропинки и катились в пропасть. Временами путешественников застигали страшные бури. Они были измучены трудными переходами и жаждой. На четвертый и пятый день они переходили по скалам из ущелья Гумисты к истокам Чхалты, впадающей в Кодор. Здесь Торнау собрал большое количество камней разных пород, кварцы со следами золотой руды. Круто повернув от Чхалты налево, к р. Бзыби, путешественники только на седьмой день подошли к главному перевалу, покрытому вечными снегами. Накануне они съели последний кусок баранины; в запасе оставалось лишь немного проса, которое Мканба берег на крайний случай и теперь скупой рукой каждый вечер выдавал не более одной горсти на человека.

Хатхуа и Багры уходили в сторону искать дичь, но как назло не находили ее. Туры то и дело показывались на скалах, и как будто только для того, чтобы дразнить изголодавшихся путешественников. Они появлялись вдалеке, там, где пуля не могла настигнуть их, и исчезали с быстротой молнии.

Наконец голодные путешественники, опираясь на свои окованные железом длинные посохи (алабашья), поднялись на седловину Главного Кавказского хребта, лежащую между истоками Бзыби, уходящей к Черному морю, и Большого Зеленчука, впадающего в Кубань. Затем они начали спускаться в ущелье Большого Зеленчука, где вскоре встретили стадо лохматых бурых зубров (адомбей у Торнау; по-абхазски «адумпей»). Удалось подстрелить вожака — быка огромной величи-

ны, под шкурой которого все семеро путников находили укрытие во время своей стоянки здесь.

«Между русскими,— писал Торнау,— я был первый, имевший случай видеть кавказского зубра и за ним охотиться¹³². Его огромный рост, темно-коричневый цвет, чисто бычья голова, мохнатая, как и грудь, и гладкая задняя часть не допускали никакого сомнения, что он одной породы с животным, сберегаемым в лесах Беловежской пуши»¹³³.

Зубры водились в ту пору на северном склоне Кавказа, в глубоких ущельях Кыфира, Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, в сосновых лесах. Несколько раз во время путешествия Торнау показывали логовища этих животных и дорожки, которые зубры прокладывали по самым крутым горам и которые служили, как правило, на пользу человеку: они всегда вели в какое-нибудь ущелье или к ручью.

Торнау хотел взять с собой шкуру убитого зубра, его голову и копыта и привезти их на Кавказскую линию в доказательство того, что зубры водятся на Кавказе, «чему не хотели верить, слыша об этом от горцев»¹³⁴. Однако спутники Торнау запротестовали, убеждая его в том, что ни одна из лошадей не в состоянии тащить такую ношу даже один день. Пришлось подчиниться такому «весьма практическому заключению».

На протяжении всего пути Торнау вел записи, однако весьма скрытно от своих новых товарищей, которые в случае какого-нибудь несчастья могли увидеть причину его в этом «дьявольском искусстве».

От Зеленчуков путешественники перешли на Кыфир через высокий скалистый гребень, где стояли развалины древней церкви. Отсюда надо было повернуть на запад, обогнуть самые крутые склоны Главного хребта, а затем подняться наверх по Урупу, где жили в то время башилбаевцы (абазины). Приходилось соблюдать большую осторожность — не разводить огня, идти только ночью и дnevать в глубоких балках, не расседывая лошадей и не выпуская из рук оружия. Наконец они близко подошли к месту жительства Мамат-Кирея Сид-ипа (у Торнау — Сидов) из рода Маршания — приятеля Соломона Мканба. Последний в ту же ночь послал Хатхуа уведомить Мамат-Кирея о своем прибытии. Хатхуа вернулся перед рассветом вместе с доверенным слугой Мамат-

Кирея, который доставил путникам продовольствие. Выяснилось, что несколько дней назад абазинские и кабардинские «старшины», в том числе Мамат-Кирей Сидипа и братья Лоо, уехали в Железноводск, к командующему Кубанским кордоном генералу Г. Х. Зассу. Стало также известно, что башилбаевцы уже полгода как «покорились» царскому правительству, а Лоо — совсем недавно, вследствие чего те и другие «не могли более... быть полезными» для путешествия Торнау к морскому берегу.

Пришлось организовать стоянку на длительное время. Устроившись «в пещере совершенно по-домашнему», путешественники стали терпеливо ждать. Так они прожили восемь дней. На девятый день башилбаевец, доставлявший им пищу, принес известие о возвращении Мамат-Кирея, с которым приехали князья братья Лоо. По приказанию Засса, неожиданно узнавшего о появлении Торнау на Урупе, Мамат-Кирей и братья Лоо должны были обеспечить проезд Торнау с Урупа на Кубань. Наконец Торнау гласно был принят Мамат-Киреем, разумеется готовым защитить своего гостя ценой собственной жизни. А принять такого посланца достойным образом он вполне мог, «властвуя над башилбаевским обществом в две тысячи душ мужского пола». Хозяин дома представил Торнау своих гостей — трех братьев Лоо. Здесь Торнау воспользовался горским обычаем — обмениваться подарками с новым знакомым. Это было весьма кстати для него, так как черкеска его была в лохмотьях, а обувь едва держалась на ногах.

Погостив у Мамат-Кирея три дня, Торнау отправился на Кубань в сопровождении большой свиты абазинских узденей. Переправившись через Кубань в районе Баталпашинской станицы, он прибыл в Минеральные Воды. 1-е июля Торнау провел в Железноводске. На Куме он гостил у Лоо. Этим и закончилось первое путешествие Ф. Ф. Торнау¹³⁵.

Однако, «имея в голове одну мысль и в сердце одно желание» исполнить то, что обещал насчет осмотра морского берега, Торнау не терял надежды сдержать свое слово. Но вскоре он получил травму, упав с лошади, и ему пришлось лечиться в Пятигорске. «Ноги мои в ужасном положении, — писал Торнау 6 июля 1835 г. полковнику фон дер Ховену, — теперь отказыва-

ются мне служить, но я спешу их излечением, дабы быть в состоянии через самое короткое время продолжить начатое; я и теперь не отказываюсь от проезда по берегу моря, когда бы нашелся хоть один человек для провода меня. Хотя и вижу ясно, что подвергаюсь неминуемой опасности... Испытал я все, что мог испытать и перенести...»¹³⁶.

Здесь Торнау приводит в порядок свои путевые записи. О своей первой экспедиции он сообщает в «Подробном описании проезда через снеговой хребет из Абхазии на р. Кубань в июне 1835 года», а в другой записке он дает «Описание дороги от с. Акуача в Абхазии через снеговой хребет Кавказских гор до станицы Баталпашинской на р. Кубани». Оба эти «Описания» были составлены в Прочном Окопе — крепости (основана в 1794 г.) — 8 августа 1835 г. (впоследствии они вошли в сочинение Торнау «Воспоминания кавказского офицера») и представлены Розену и Вольховскому, которые в то время прибыли в Минеральные Воды. В одной из этих работ Торнау писал: «Дорога, по которой я перешел через снеговой хребет из Абхазии на линию, не представляет никакой возможности к разработке. В настоящем ее состоянии она не может служить сообщением, хотя и считается таковым у абхазов, которые проводят по ней и лошадей. Проходима она только для горцев, для войск же нет...»¹³⁷.

В это время Торнау продолжил начатое еще в Абхазии с помощью Н. Шакрыла изучение «языков и наречий, находившихся в употреблении за Кубанью». Его «учителем» на этот раз был один из братьев Лоо — Мамат-Кирей. Торнау получил «этим способом возможность положить первое основание правильному систематическому разделению на племена горцев, живущих против правого фланга Кавказской линии». «Прежде,— пишет Торнау,— у нас считалось за Кубанью столько же различных народов, сколько там существовало названий обществ или отдельных аулов. Древние греческие, византийские, арабские и генуэзские историки также мешали племена и народы... Я же нашел на берегу Черного моря и за Кубанью только три различных народа: абазин, черкесов и татар... Не знаю, позволено ли считать убыхов, имеющих свой собственный язык, четвертым племенем...»¹³⁸.

Вообще же Торнау был вполне осведомлен о чрезвычайно пестром в этническом отношении составе Кавказского края. Он хорошо сознавал и то, что этот вопрос, особенно в отношении Западного Кавказа, еще совершенно не изучен. И даже значительно позднее, в 1857 г., А. П. Берже писал: «Но еще и по сие время Главный Кавказский хребет, эта исполинская, недоступная твердыня на рубеже Европы и Азии, вмещает в себе самые разнородные племена и общества, о которых мы имеем очень поверхностные и нередко весьма сбивчивые понятия... Если Кавказ представляется для нас еще землею неведомою (*terra incognita*) — эпитет давно уже избитый, но пока еще оправдываемый в применении к нашему краю, то это именно в отношении изучения населяющих его народностей»¹³⁹. Более того, академик Н. Я. Марр считал, что даже в 1922 г. «сетования Берже... можно бы... повторить без особой надежды на лучшее»¹⁴⁰.

И если в исследовании Берже все-таки виден какой-то сдвиг в изучении затронутой проблемы, то в этом несомненно есть и некоторая заслуга Ф. Ф. Торнау.

Торнау за время своих путешествий, включая и пребывание в Абхазии, отправил в штаб Отдельного Кавказского корпуса большое количество рапортов, писем и записок, содержавших разнообразное сведения, касавшиеся топографии, экономической географии, военной и политической ситуации в районах Западного Кавказа, еще не присоединенных к России.

В рапорте фон дер Ховена от 25 июля 1835 г., посланном в Главный штаб, подводятся итоги деятельности Торнау как разведчика. Он характеризуется «как полезный офицер», а его «работы» как «похвальные трудные занятия... соединенные с непрерывным преодолением значительных препятствий»¹⁴¹. И действительно, сведения о крае, добытые Торнау, были настолько ценны для царского командования, что после первой его разведки он был произведен в следующий чин — штабс-капитана.

Следует отметить, что в материалах Торнау содержатся весьма важные данные и для науки. Показательно, что и сам автор значение своего путешествия оценивал прежде всего именно с этой точки зрения. «Если,— писал он,— пройденная мною дорога не представляла

особенного интереса, зато собранные мною этнографические сведения были новы и весьма положительны. Из Абхазии до верховья Урупа я шел по местам, совершенно незаселенным, наполненным на нашей карте множеством несуществующих народов, которые мне пришлось стереть. Ошибки происходили оттого, что карты местностей, куда не проникали еще ни путешественники, ни войска, пополнялись через расспросы людей, дурно говоривших по-русски и которых язык мы совершенно не знали».

О своей жизни в Пятигорске летом 1835 г. Торнау пишет вскользь, но многозначительно: «Время летело для меня на Минеральных Водах, наполненных посетителями со всех концов России». Торнау отмечает также свое «знакомство» и «дружбу» с «знаменитым по своему уму доктором Мейером (Майером.— Г. Д.), выведенным Лермонтовым в его „Герое нашего времени“ (Вернер)»¹⁴².

Николай Васильевич Майер действительно был замечательный человек — высокообразованный, оригинального ума и вольнодумец¹⁴³. Г. И. Филипсон, который в 1835 г. появляется на Северном Кавказе и был «дружбе его (Майера.— Г. Д.)... многим обязан», характеризовал доктора как личность, «далеко выступающую из толпы»; «во всяком обществе его нельзя было не заметить»¹⁴⁴. Он всю свою жизнь вращался в среде ссыльных и находился в дружеском общении с А. Бестужевым, Одоевским, Лермонтовым, Огаревым и другими выдающимися людьми эпохи¹⁴⁵. Г. И. Филипсон подчеркивал, что именно через Майера он познакомился со многими декабристами, разбросанными по войскам Отдельного Кавказского корпуса¹⁴⁶. А один из них, Н. И. Лорер, отмечал, что «в полном смысле слова умнейший и начитанный» Майер «знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами, и полезными советами. Он был друг декабристам»¹⁴⁷. Вообще Майер, по словам Торнау, был «другом всех кавказских страдальцев»¹⁴⁸. Примечательно, что не только по мнению Торнау, но и по свидетельству А. М. Миклашевского, А. Н. Розена и других декабристов, Николай Васильевич Майер послужил М. Ю. Лермонтову прототипом доктора Вернера.

В Минеральных Водах в то время побывали и другие замечательные русские люди. Места эти были по-

истине оживленными «гнездами вольнодумцев». Сюда, особенно летом, устремлялись раненые и больные декабристы. На северокавказские курорты их влекла также возможность свободного общения друг с другом и с «водяным обществом»¹⁴⁹.

Незадолго до прибытия Торнау в Пятигорск был закончен политический процесс над декабристом С. М. Палицыным, пятигорским окружным врачом Н. В. Майером и местным городничим Ваневым. Им приписывались многие политические «грехи», в частности Палицын обвинялся в обширной тайной переписке с декабристами З. Г. Чернышевым, М. П. Малютиным (племянник К. Ф. Рылеева) и И. П. Жуковым. Однако процесс провалился. Далеко не последнюю роль в исходе дела сыграло благожелательное отношение к арестованным Г. В. Розена и А. А. Вельяминова.

И уже совсем к моменту появления Торнау в Пятигорске здесь возникло новое «дело», связанное с именем А. А. Бестужева-Марлинского и того же Н. В. Майера. В этом «деле» также упоминаются, по разным обстоятельствам, декабристы В. М. Голицын, З. Г. Чернышев, С. М. Палицын, М. П. Малютин, В. С. Толстой и С. И. Кривцов¹⁵⁰. Предыстория этого «дела» такова.

В мае 1835 г. Бестужев из Екатеринодара обратился к генералу Вельяминову, которого сам он характеризовал как «отличного генерала и отличного человека», с просьбой о помощи. По получении «отчаянного письма» серьезно больного декабриста генерал, ничего не сообщив даже командующему Отдельным Кавказским корпусом, тотчас дал ему разрешение отправиться в Минеральные Воды. В Пятигорске Бестужев встретился с В. Голицыным и ставропольским своим приятелем доктором Н. Майером. Вместе с последним он поселился в одной квартире. Доктор взял на себя лечение Бестужева¹⁵¹. И... возникло новое «дело».

Однако обо всем этом Торнау ничего не пишет. И это очень жаль. А знал он, надо полагать, немало.

Весьма возможно, что Торнау был слишком отвлечен планом своего предприятия, от исхода которого зависела его дальнейшая карьера. Во всяком случае, в рассматриваемое время он был занят «бумажной войной» против тех, которые «лишают средств» его, в то время

как князю Шаховскому они были даны «с излишком», а между тем возложенное на Торнау поручение «во сто крат труднее, опаснее и более требует издержек»¹⁵².

Не задерживаясь долго в Пятигорске, где он «привел в порядок... путевые записки»¹⁵³, Торнау едет в Прочный Окоп — резиденцию командующего правым флангом Кавказской линии. Эта крепость стояла на самом высоком месте правого берега Кубани, и через нее шел путь из Ставрополя на Лабинскую линию. Недалеко от крепости, между реками Уруп и Сагуаш (Белая), были расположены полукругом абазинские аулы Башилбай, Там, Кизилбек, Шегирей, Баг и Бракий (Баракай). За р. Сагуаш начиналась земля абадзехов, далее жили шапсуги и натухайцы. Эти адыгейские (черкесские) племена в то время не желали присоединения к России.

У абадзехов скрывалось много выходцев из Кабарды, Кубани и других «покоренных» мест¹⁵⁴. Эти лица, известные под названием абреков, «посветили себя на постоянную, беспощадную войну» с царским правительством, действовали отчаянно и весьма умело. Среди них были и братья Карамурзины, «принадлежавшие к числу самых богатых и знатных ногайских князей»¹⁵⁵. Они бежали в горы, «можно сказать, поневоле, побуждаемые к тому постигшею их тяжкою несправедливостью». «Их история... — пишет далее Торнау, — любопытна и являет... разительный пример пристрастного суда, которым позволяли себе иногда расправляться в былое время...» Словом, случилось так, что ногайские князья Карамурзины, которые прежде «честно и откровенно служили» царским властям, «так же горячо предались жизни абреков». Но Карамурзины любой ценой готовы были вернуться к прежнему положению; однако этому мешало «общее правило», запрещавшее возвращение абреков в родные места.

Итак, положение ногайских князей Карамурзиных было совершенно аналогично положению абазинских князей Лоо. Поэтому Торнау решил на этот раз обратиться именно к первым. Он был убежден, что никто лучше их не может посодействовать ему «в открытии способа» пробиться к морскому берегу.

Карамурзины, встретившись с Торнау в Прочном Окопе, после «длительного томительного молчания» дали клятвенное согласие. В ответ Торнау заявил: «Я еду с ва-

ми, куда вы меня поведете, и в свою очередь клянусь как христианин и даю слово как русский офицер, что обещания, которые я вам делаю теперь или стану делать позже, будут свято исполнены русскими властями, от которых я получил назначение ехать в горы»¹⁵⁶.

После этого все вместе принялись составлять план своего путешествия. Тембулат, старший из Карамурзиных, рассчитывал провести Торнау по горам в числе своих товарищей, не опасаясь возбудить подозрение черкесов, знавших его как неукротимого врага русских властей. Путешественники наметили свой маршрут — следовало пройти через Ахчипсу к р. Сочи (Саше), или вниз по р. Мзымте на мыс Адлер. Это был весьма трудный и рискованный путь.

Карамурзин не мог выйти на побережье без «благовидного предлога» и без проводников. Таким предлогом могло служить, например, гласное намерение Тембулата «переселиться» в Турцию, а для этой цели необходимо было нанять судно, которое в следующем году перевезло бы его семейство в Константинополь. Для явщейся убедительности он хотел повести с собой пленную абазинку для продажи туркам. Прибрежных жителей он собирался уверить в том, что до переселения ему необходимо повидаться с абхазским князем Хасанбеем Шервашидзе, для чего он и едет в Абхазию.

Было решено изменить внешность Торнау, чтобы «замаскировать все признаки», по которым барона могли бы узнать горцы, когда-либо встречавшие его. Торнау переменили лошадь, черкеску и оружие, а шапку его украсили чалмой.

Карамурзины уехали из крепости, где провели одну ночь. Торнау тоже покинул Прочный Окоп, чтобы «углубиться в горы незаметным образом». Через некоторое время он должен был встретиться с Тембулатом в ауле Шегирей. В день выезда из аула (Торнау пробыл здесь четыре дня) к Т. Карамурзину прибыл его аталык (воспитатель) садзский князь Мафадук Маршания со своим сыном Сефербеем. Они были приглашены Тембулатом «для совещания касательно» путешествия Торнау, «на успех которого нельзя было рассчитывать без их согласия». Мафадуку было под 90 лет, а его сыну — около 70, но оба они «сидели еще твердо на лошадях и не площали в драке». В «партию» были включены еще не-

сколько «доверенных лиц». Был пущен слух, что все приготовления делаются для нападения на русские укрепления.

Но в это время в этих местах оказался известный убыхский предводитель Хаджи-Берзек-Дагомук (Адагуа-ипа), перешедший с группой в несколько сот человек на северную сторону Главного хребта с целью напасть на башилбаевцев и, если представится случай, на русские укрепления. Т. Карамурзин отказался от его предложения принять участие в этих операциях, чем и лишил себя возможности появиться в Убыхии. Стало также известно об отражении нападения убыхов и приморских садзов на Гагринское укрепление¹⁵⁷. Между тем Торнау намеревался проехать именно к устью р. Джубга или р. Шахе и, таким образом, осмотреть довольно значительное пространство морского побережья. Теперь же им предстояло пройти через Ахчипсу, где было несколько удобных перевалов через Главный хребет.

Наконец 18 сентября 1835 г. путешественники тронулись в путь. Поднявшись после «неимоверных усилий» вверх по ущелью Малой Лабы, они перешли через хребет и достигли лесистого гребня, откуда им следовало спуститься в селение абхазского племени Ахчипсу, лежащее в ущельях Мзымты. Эта тесная и опасная дорога служила для местного населения лучшей защитой с северной стороны. В местах, удобных для засады, Сефербей Маршания, чтобы избавить путешественников от неожиданных встреч с пулями, выезжал вперед и громко извещал о том, что едет Тембулат Карамурзин, а он, Сефербей, его сопровождает.

Приезд Карамурзина в Ахчипсу, где он провел свое детство, было «довольно редким происшествием». Жители селения провожали Тембулата толпой. Все они считали себя «аталыками воспитывавшегося между ними ребенка знатной фамилии». В этом укромном уголке гор еще господствовали патриархальные обычаи.

В «походном обществе» Торнау именовался Гассаном. Его выдавали за чеченского абрека, так как от самой Кубани до Черного моря можно было не опасаться встретить человека, говорящего по-чеченски.

Пробыв несколько дней в Ахчипсу, путешественники отправились в сел. Чужгуча. Они переехали через р. Мзымту по висячему мосту, с большим искусством

сделанному из жердей, досок и виноградных лоз, связанных веревками (кстати, подобных мостов Торнау насчитал через эту реку пять для пешеходов и два для лошадей). Из Чужгучи они направились в сел. Чужи, лежавшее на р. Худапсы (Кудепста), а оттуда — в сел. Чуа, расположенное на р. Мце (Мацеста). Из Чуа Торнау и его спутники спустились к морскому берегу по широкому ущелью, покрытому густым лесом, и вскоре прибыли в Сочи. Здесь они остановились в доме Али Ахмета Облагу. Это был самый значительный владелец от Бзыби до Шахе, ревностный мусульманин и покровитель турок, имевших здесь постоянный склад товаров. Его дом, окруженный частоколом, стоял на краю селения, расположенного вдоль р. Сочи и закрытого со стороны моря непроходимым лесом¹⁵⁸.

Отсюда путешественники пошли на юг, к границам Абхазского княжества. Двигаться же к Геленджику оказалось невозможным ввиду возобновившейся в это время вражды между приморскими шапсугами и их соседями. В такой обстановке никто не соглашался быть проводником. Кроме того, для предполагаемого проезда нельзя было и «предлога найти»¹⁵⁹. Переночевав в Арткуадже, где жили садзские дворяне Артба (Арт), путники поехали на мыс Адлер, к местному владельцу Арыдба.

Пользуясь тем, что все внимание жителей было обращено на Карамурзина, имя которого было хорошо известно и на побережье, Торнау тщательно осмотрел долину Лиашв, открытую и плодородную, отлого спускающуюся к морю и известную еще под названием мыс Адлер (от искаженного Арыд, Арыдба). Это было очень важно для разведчика, так как «Адлерский мыс принадлежал к числу тех пунктов, которые предположено было занять непременно»¹⁶⁰.

От Адлера Торнау и его спутникам оставалось сделать последний переезд. Этот долгий трудный и во всех отношениях опасный переезд изобилует памятными для разведчика похождениями. Наконец они вышли к Гагринскому укреплению. Это произошло после шести с половиной недель, проведенных в горах. Разведчик предъявил коменданту укрепления, командиру Черноморского линейного 5-го батальона, подполковнику Малинскому¹⁶¹ предписание главнокомандующего на Кавказе.

Участь гагринского гарнизона (около 220 человек) в то время была «очень незавидна». Горы «командовали» укреплением с трех сторон, с четвертой стороны оно примыкало к морю. Горцы «били солдат из ружей внутри Гагр, дрова и фураж доставались гарнизону не иначе как с бою». По целым месяцам солдаты питались одной солониной и хлебом, крупой и картофелем. Овощи, свежее мясо и живность считались величайшей редкостью. Здесь «женщин не существовало... о них знали только по преданию». Гагринское укрепление не имело сухопутного сообщения с другими пунктами Абхазии и получало провиант по морю лишь в определенные сроки. Положение солдат было бы еще тягостнее, если бы не огромные собаки, караулившие укрепление по ночам¹⁶².

Пробыв один день в Гагринском укреплении, Торнау и его спутники направились к другому укреплению — Бамбора — 8 октября. Здесь их встретили князь Михаил Шервашидзе и генерал Пацовский, которым разведчик поведал, где он был и что делал в течение своей четырехмесячной отлучки. Свыше двух недель Торнау прожил в Бамборе. Здесь он занялся составлением своих путевых заметок. «Проехал я по берегу моря,— писал Торнау полковнику фон дер Ховену из Бамборы 8 октября 1835 г.,— небольшое расстояние... по крайней мере я успел обозреть нужнейшие места для военных действий будущего года, и что видел, так видел хорошо, теперь занимаюсь составлением описания и маршрута»¹⁶³.

20 октября 1835 г. Торнау наконец получил разрешение прибыть в Тифлис, и он немедленно отправился туда, находясь в пути 14 дней под проливным дождем.

Вторая разведка Торнау дала царскому командованию ценные сведения о новом районе — участке побережья от Гагры до р. Сочи. Они были изложены в его рукописи, состоящей из трех частей: «Описание части восточного берега Черного моря от реки Бзыба до реки Саше» (25 ноября 1835 г.), «Описание дороги по берегу Черного моря от укр. Гагры до устья реки Саше» и «Подробное описание поездки с линии через хребет Кавказских гор и по берегу Черного моря от Сочи до р. Бзыба, в сентябре месяце 1835-го года» (26 ноября

1835 г.). Эти записи Торнау в основном содержат сведения военно-топографического характера. Но, несомненно, важное научное значение (топонимика и пр.) имеет его «Карта части восточного берега Черного моря», охватывающая главным образом район путешествия Торнау в 1835 г. (чертеж топографа Алексева) ¹⁶⁴.

В Тифлисе Торнау был принят с почестями. Были «ласково» встречены и проводники разведчика, которым барон Розен объявил «полное прощение» и «осыпал» их подарками. Однако, когда речь зашла о возвращении аула Карамурзина, переселенного с Кубани в Саратовскую губернию, главнокомандующий стал колебаться: подобного примера не было еще на Кавказе. Разумеется, Карамурзин отважился провести Торнау с условием, что все прошлое будет забыто и ему возвратят родовой аул. Торнау же, основываясь на данном ему праве, согласился с этим условием и поручился за точное его исполнение «именем правительства и собственной честью».

Между тем гражданская канцелярия, куда дело поступило на рассмотрение, в своем «бюрократическом воззрении» нашла непреодолимые препятствия к исполнению указанного обещания. Карамурзину стали предлагать другие награды. Но он отказался от всего, заявив, что взялся за дело барона Торнау только для того, чтобы своим детям возвратить «потерянное им через бегство родовое достояние».

В свою очередь, Торнау требовал от кавказского командования буквального исполнения всего обещанного им Карамурзину. Он просил суд взыскать с него, если он превысил данное ему право, а также хлопотал о позволении ехать в Петербург и «повергнуть все на личный суд» Николая I. Но «доброжелательный и в высшей степени рассудительный» Розен наконец должным образом оценил причины, побуждавшие молодого офицера к такой настойчивости, и выпросил у императора разрешение возвратить Карамурзину его аул. Тембулат дал слово никогда не забывать того, что сделал для него Торнау. И действительно, как увидим ниже, через два года после описываемых событий гордый горец доказал, что умеет помнить добро и быть благодарным ¹⁶⁵.

В Тифлисе Торнау встретил еще одно препятствие, преодолеть которое оказалось невозможным. Он тщетно

доказывал ненужность учреждения на кавказском побережье Черноморья линий небольших укреплений, считая, что они не только не способны блокировать берег, но, напротив, сами находятся в постоянной блокаде. И действительно, события 1840 г.¹⁶⁶ и Крымская война 1853—1856 гг. подтвердили его мнение относительно Черноморской береговой линии¹⁶⁷.

Так закончились первое и второе путешествия Ф. Ф. Торнау¹⁶⁸. Николай I, «обратив особое внимание» на его «труды», приказал, «чтобы и на будущее время разъяснение вопросов, относящихся до правого фланга Кавказской линии», было поручено именно Торнау, а не кому-либо другому¹⁶⁹.

В 1836 г. «тайное обозрение» морского берега уже от р. Сочи до Геленджика было поручено именно Торнау благодаря «приобретенной им опытности в обращении с горцами и познанию обычаев и характера сих племен»¹⁷⁰.

Торнау решил проникнуть на побережье опять через Главный Кавказский хребет, а не по береговой дороге. Вместе с Т. Карамурзиным, когда тот еще находился в Тифлисе, Торнау составил план предстоящего путешествия. Ногайский князь хотя и не мог быть проводником, но должен был принять косвенное участие в предстоящем деле, склонив своего приятеля кемиргоевского владельца Джамбулата Айтеки оказывать содействие Торнау в его намерениях. Однако Федору Торнау было поручено в «самых лестных выражениях» предпринять путешествие к черкесскому берегу с проводниками по маршруту, предложенному генералом Г. Х. Зассом, советам и наставлениям которого он должен был следовать. Положение, в которое поставили разведчика, не позволило ему отказаться от предстоящего путешествия, хотя он и предвидел, что «оно не может иметь полной удачи»¹⁷¹.

Так или иначе, в мае 1836 г. Торнау выехал из Тифлиса в Минеральные Воды, где провел все лето. Ему надо было прежде всего отрастить бороду, без которой он не смел показываться в горах. В конце августа Торнау по требованию генерала Засса переехал в Прочный Окоп, где занял ту же комнату, где жил год назад. Вскоре ему были представлены его будущие проводники. Это были абреки из «беглых кабардинцев»¹⁷²;

князь Аслан-Гирей Хамурзин¹⁷³, хаджи Джансеид и Асланбек Тамбиев. Тембулата Карамурзина Засс отстранил от этого дела и не советовал Торнау даже видеться с ним. Все это делалось под видом личного участия к Торнау, а «в сущности из мелкого честолюбия».

Надо сказать, что на Торнау Хамурзин сразу произвел неблагоприятное впечатление: «Сквозь его тихий и медленный разговор, сквозь полузакрытые глаза и сдержанные движения проглядывала кошачья натура тигра, прячущего когти». А Тамбиев — человек исполинского роста, с незлобным, но глупым лицом. Один Джансеид — «действительно замечательный человек по своему уму и по храбрости»¹⁷⁴.

Все трое жили у абадзехов и, подобно Т. Карамурзину, изъявляли готовность «покориться» и перейти на Уруп, если им будут возвращены их крестьяне, захваченные царскими войсками, когда они сделались абреками. Проводникам было объявлено: чтобы заслужить «царскую милость», они должны проводить Торнау к берегу Черного моря.

Генерал Засс, которому Торнау высказал сомнения по поводу будущих своих «сподвижников», начал уверять его в противоположном. Он клялся, что готов сам ехать с ними куда угодно. Хотя генерал и не смог рассеять сомнения разведчика, но положение обязывало его отправиться в путь в сопровождении указанных лиц.

Таким образом, генерал Засс, воспользовавшись правом самому снабдить разведчика проводниками в предстоящем путешествии по земле «непокорных черкесов», как выяснилось впоследствии, «беззащитно отдал» русского офицера в руки «самых отъявленных разбойников, сперва их обманув»¹⁷⁵.

Дорога Торнау и его спутников лежала через землю абадзехов к устью р. Шахе и далее — по берегу моря — до самого Геленджика, где он должен был якобы отыскать турецкое судно для путешествия в Мекку. Из Прочного Окопа Торнау намеревался переехать в Чанлыкское укрепление, где ему надлежало встретиться с Джансеидом. Уже известный нам абазинский князь Мамат-Кирей Лоо согласился сопровождать Торнау в качестве переводчика. Это был человек «хитрый и энергичный, красавец и отличный наездник»¹⁷⁶.

30 августа 1836 г. Торнау и Мамат-Кирей Лоо переехали с Кубани на Чанлык, несмотря на опасность подобного путешествия: самым сложным было «оставить незаметным образом русскую границу». В Вознесенском укреплении они двое суток прождали Тамбиева и Джансеида, а затем все вместе отправились к абадзехам. Путешественники прибыли в маленький аул, расположенный на р. Вентхуве (приток Белой), в дом Джансеида.

По богатству абадзехи ставили этого человека в один ряд с «самыми зажиточными людьми». Кстати, Джансеид ушел из Кабарды с одной лошадей и ружьем. Он добыл свое состояние «собственными трудами, разумеется, не плугом и не топором, а с шашкою в руках». Семидесяти лет, весь покрытый ранами, он не знал усталости, «скакал на выстрелы, где бы они ни послышались, и в деле, всегда впереди, увлекал своим примером самых робких»¹⁷⁷.

Аслан-Гирей присоединился к путешественникам 8 сентября. Ловкий и внимательный Джансеид в продолжение всего этого времени успел дать мыслям разведчика «совершенно другое направление» — внушить ему полное доверие к себе и к своим товарищам. Ночью того же дня они оставили дом Джансеида и через несколько часов приехали в аул Аслан-Гирея, населенный «беглыми кабардинцами». В это же время сюда съехалось много «гостей», большей частью из абадзехских «старшин». Торнау и Мамат-Кирей Лоо находились в отдельном помещении, почти взаперти. Гости и хозяин весь день о чем-то толковали.

В ночь с 9 на 10 сентября путешественники покинули дом Аслан-Гирея. Луна бросала яркий свет на дорогу, извиющуюся над крутым берегом р. Курджипсе, впадающей в Белую в трех верстах от Майкопа. Часа полтора они ехали, не встретив ни души. Но при выезде на одну из небольших полей, перерезавших дремучий лес, перед ними появились два всадника. Один из них назвал Мамат-Кирея Лоо по имени. Немного погодя кто-то набросился на Торнау сзади и молниеносно стащил его с лошади. С разведчика сорвали оружие, заломили ему руки назад и связали их. Оглянувшись, Торнау увидел несколько вооруженных людей, готовых выстрелить в него в упор. Сопротивляться было бессмысленно.

«Всем понятно,— писал Торнау впоследствии,— если в моей голове мелькнула мысль о смерти... В двадцать шесть лет нелегко расставаться с жизнью; но раз пришел конец, и я хотел расстаться с нею, как следует русскому солдату. Сохраняя глубокое молчание, я смотрел на луну»¹⁷⁸. Торнау услышал сзади себя свист. В ответ раздался свист из леса. Вскоре послышался конский топот. Перед Торнау остановился Мамат-Кирей Лоо, бледный как полотно.

— Что прикажешь делать? Пропадать с тобою? — проговорил он едва внятным голосом.— Оглянись, и ты поймешь. Торнау машинально оглянулся. Четыре ружья метили Мамат-Кирею в грудь.

— Что прикажешь делать? — снова заговорил он.— Одно слово, одно движение в твою пользу — и меня убьют. На русскую сторону не смею идти: генерал не поверит, что я не знал об измене, и прикажет меня повесить.

Как выяснилось впоследствии, на совете в доме Аслан-Гирея было решено схватить Торнау, а Мамат-Кирея Лоо убить, чтобы он не помешал делу. Но один из злоумышленников, некий Тума Тембот, вступился за Мамат-Кирея; тогда от него потребовали поруки в том, что Мамат-Кирей не станет мешать заговору.

— Помощи ты не можешь мне оказать, а погибать незачем. Насчет твоей судьбы, когда ты явишься к генералу, будь покоен. Я уверен, что ты не знал об их измене, дам тебе письмо в доказательство твоей невиновности¹⁷⁹.

Эти слова обреченного Торнау еще больше возвысили его в глазах горца. Затем заговорщики спросили через Мамат-Кирея, какой за Торнау будет выкуп.

— Выкуп? Никакого! — ответил Торнау.

Мамат-Кирей Лоо отказался переводить, упрашивая пленного не сердить горцев. Но Торнау настаивал.

— Посмотрим! — ответили они.— Теперь нечего рассуждать, пора ехать.

У Торнау отняли 700 рублей ассигнациями, золотые часы, лошадь с седлом, полное черкесское вооружение. Тума Тембот увез Мамат-Кирея в одну сторону, а Торнау, связав ноги ремнем, — в другую, вниз по Курджипсе. Около часа ехали они не говоря ни слова, потом остановились перед низенькой плетеной избушкой. Торнау

сняли с лошади и ввели в нее. Это была кунацкая (гостиная) Асланбека Тамбиева. Таким образом, Тамбиев считал более выгодным для себя задержать разведчика и получить за него от русского правительства выкуп.

Отношение к Торнау было довольно вежливым, поскольку он был схвачен не в открытом бою, т. е. считался не обыкновенным пленником, а «гостем поневоле». Следовательно, соблюдались правила гостеприимства, предписывавшие беречь гостя, переступившего порог дома. Тем не менее можно себе представить, в каком состоянии провел Торнау первую ночь в плену. Мысли теснились в голове: он искал выхода из создавшегося положения и не находил. Тамбиев ночевал вместе с «гостем». Он отобрал у него вещи и спрятал их у себя в изголовье, а раб по имени Бечир не спал всю ночь — возился около огня и смотрел на барона бессмысленными глазами.

На следующий день Торнау кормили, как настоящего гостя. Асланбек даже церемонился, беспрестанно извинялся за недостаточно пышные блюда. Улучив момент, он осведомился о возможном размере выкупа. Но получил прежний ответ: «Ни одного целкового». Тем не менее хозяин не переставал мечтать о богатом выкупе за русского потомственного дворянина.

На четвертый день Торнау был подвергнут тяжкому испытанию: на него надели массивные цепи. Хозяин собирался уехать из дому на несколько дней.

Генерал Засс, узнав о случае с Торнау, заявил, что ни одного золотника не даст в качестве выкупа. Тамбиев вернулся домой в самом дурном расположении духа. Спустя же несколько дней в ауле поднялся какой-то переполох и все его обитатели переселились в другое место. Это было в октябре. В ноябре и декабре генерал Засс тревожил абадзехов уже беспрестанными набегами.

Торнау усиленно караулили. Цепь была протянута через стену в примыкающее к ней помещение хозяина. К тому времени Торнау успел серьезно переболеть. Ходил он в лохмотьях, а обуви у него уже давно не было.

В конце декабря 1836 г. в аул, где находился Торнау, приехал Аслан-Гирей и Джансеид. Они приветствовали Торнау не как пленного, а как гостя, и привезли ему полученные от Засса — через Карамурзина — табак, чай, сахар и шубу, в чем Торнау весьма нуждался. К вещам

была приложена записка, составленная на немецком языке. Генерал призывал барона проявить терпение, обещая употребить все средства к его освобождению, и советовал ему не отнимать у своих «хозяев» надежду на хороший выкуп. Однако убеждения и угрозы, с помощью которых Аслан-Гирей и другие старались принудить Торнау писать генералу и просить его о выкупе, называя весьма крупную сумму, не имели успеха.

В январе 1837 г. в аул приехал Карамурзин с тем же Джансеидом. Свидание с ним доставило Торнау «первую радостную минуту» в его заточении. Душевная благодарность и непритворная дружба горца тронули русского офицера до глубины души. Они обнялись, как братья. Джансеид же начал с объяснения обстоятельств завязки в драме Торнау. По его рассказу, зачинщиком всего дела был Тамбиев, который вовлек в него Аслан-Гирея, а он, Джансеид, вынужден был идти за ними обоими. Затем Торнау вместе с Карамурзиным и Джансеидом начал строить «удобоисполнимые» планы своего освобождения. Торнау изложил их в письме к главнокомандующему Розену, которое Тембулат Карамурзин должен был повезти в Тифлис.

Торнау не терял времени даром. У него была возможность «вполне изучить» быт кабардинцев (в данном ауле насчитывалось около 100 семейств). Но положение его целиком зависело от хозяина, который в выкупе за Торнау видел последнее средство поправить свое бедственное состояние. Смерть или бегство пленника одинаково угрожали Тамбиеву окончательным разорением.

Между тем от Карамурзина не было никаких известий. Это тревожило и Тамбиева. Торнау сквали, и он пробыл в таком положении около трех недель, не имея возможности даже отойти от постели. Наблюдение за пленным усилилось. Сам хозяин по нескольку раз за ночь вставал и с оружием в руках осматривал окрестности дома.

В одно прекрасное майское утро Торнау «погрузили» на арбу и повезли по дороге, ведущей из леса на р. Курджипсе. За ними следовала другая арба, с семейством Тамбиева, который решил переселиться в аул абадзехского старшины Даур-Алим-Гирея и отдать себя под его «покровительство». Аул Даур-Алим-Гирея лежал среди лесов, между реками Курджипсе и Пшеха.

Дело было в том, что барон Розен обещал «беглым кабардинцам» вернуть крестьян, если они выдадут пленного офицера, безоговорочно «покорятся» России и перейдут жить на Уруп, на что Аслан-Гирей и Джансеид были согласны. Тамбиев же, опасаясь жить вблизи русских и подозревая во всем этом обман, заупрямился и решительно объявил, что не отступит от Торнау, пока принадлежащие ему крестьяне или «равная их ценности сумма денег» не будут находиться в его руках здесь, в Абадзехии.

Даур-Алим-Гирей, по мнению Торнау, оказался порядочным человеком. У себя в доме он не хотел видеть в русском офицере ни врага, ни пленного, а только гостя из дальней страны. «К чести горцев могу сказать,— пишет Торнау,— что кроме Тамбиева, подвергавшего меня из жадности к деньгам действительно трудно переносимым мучениям, надеясь этим способом добиться своей цели, все они, не исключая убыхов и шапсугов, нарочно приезжавших, чтобы видеть меня, обращались со мною не только вежливо, но даже старались оказывать услуги...»¹⁸⁰.

По-прежнему опасаясь, что Торнау уйдет или его выкрадут, Тамбиев построил для него что-то вроде деревянной башни. Это было темное сырое помещение. Опять Торнау по целым неделям должен был лежать, и только иногда снимали цепь. Добыв огрызок карандаша, Торнау рисовал на стенах (о бумаге нечего было и думать) все, что приходило ему на ум. Потом он занялся резьбой палок из кизилового дерева. Строгий закон заставлял женщин держаться от него в отдалении. А доверчивые дети стали близко подходить к пленнику; некоторые из них даже начали учить его черкесскому языку. Торнау внимательно наблюдал жизнь горцев. Впоследствии он особо подчеркивал такой отвратительный факт, как работоторговля: «Турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков», а местные феодалы охотно шли на это¹⁸¹.

Вскоре от командующего войсками на Кавказской линии генерала А. А. Вельяминова, которого Торнау называет своим «искренним благожелателем»¹⁸², пришли офицеры-черкесы Шан-Гирей-Абат и Тлекес Тамбиев. Они предложили Асланбеку Тамбиеву выдать Торнау добровольно и явиться с повинной к Николаю I,

которого в это время ожидали на Кавказе. Генерал при этом требовал от «беглых кабардинцев» полной покорности. Однако Асланбек отклонил и это предложение. Он заявил, что если через шесть недель не будут присланы деньги, то барону «аккуратно» снесут голову и отошлют ее русским. «В таком случае не забудьте послать голову: время жаркое, может испортиться», — ответил Торнау. Асланбек побагровел от злости.

Между тем Абату удалось передать Торнау записку генерала А. А. Вельяминова, где говорилось: «Не имея возможности освободить Вас другим способом, разрешаю Вам самому назначить за себя выкуп и переговорить об этом деле с захватившими Вас людьми через посланных мною...» На обороте записки Торнау ответил: «Выкуп считаю невозможным. Чем более будут предлагать, тем больше станут требовать. Человек в цепях не может назначить, чего он стоит, поэтому отказываюсь от предоставленного мне права. Не хочу показаться малодушным в глазах Вашего Превосходительства. При совершенно потерянном здоровье я ничего не стою, потому что ни к чему более не годен»¹⁸³.

Между прочим, этот ответ каким-то образом сделался гласным и был напечатан в английской газете «Таймс», пока его автор находился в плену.

На этом закончились переговоры. Тамбиев был страшно зол. Он отказался снять с Торнау цепи, скверно кормил его и постоянно бормотал: «Гяур бзагэ» (злой гяур).

Вскоре Николай I из Геленджика отправил флигель-адъютанта Хан-Гирея сказать «беглым кабардинцам», что он повелел наконец выкупить Торнау, если они умерят свои требования. В ответ те изъявили согласие сделать «уступку» — взять столько золота, сколько в пленнике окажется веса. Однако царское правительство, щедро наградившее Торнау чинами и орденами, не пожелало заплатить крупный денежный выкуп за своего разведчика, хотя «высочайше» и было «повелено» уведомить барона Розена «о непрременной воле» царя принять «всевозможные меры к освобождению» Торнау из плена¹⁸⁴.

Оставалось думать только о бегстве. И в мае 1837 г. Торнау, сговорившись с другим пленным — казаком, предпринял первую попытку к побегу. Запас продуктов и обувь он раздобыл через дочь Даур-Алим-Гирея. Эта

девушка, по имени Аслан-Коз, прониклась даже нежной любовью к Торнау. Последний мог пользоваться также услугами пленницы Марии — служанки Алим-Гирей, схваченной у русских лет восемь назад. Однако казак, у которого хранились продукты, не явился в условленное место. Торнау пытался самостоятельно пробраться на Кубань, двигаясь только по ночам. Он пробовал есть листья, травы и корни. Пятеро суток странствовал Торнау таким образом. Но вскоре голод стал его мучить, а истерзанные босые ноги начали пухнуть. Торнау пришлось встречаться и с волками. В конце концов на берегу какой-то речки на него набрели два конных абадзеха, которые задержали бежавшего и привезли его в свой аул. Торнау пытался через новых «хозяев» связаться с определенным лицом, обещая вознаграждение за свое освобождение. Однако, испугавшись мщения, они решили выдать свою «добычу» Тамбиеву, люди которого приехали за пленником через несколько дней.

Торнау снова посадили в прежнюю избу, где вместе с ним на этот раз поместили пленного ногойца. Трое караульных каждую ночь спали в домике у самого порога. Однако Аслан-Коз и Мария не упускали случая принести Торнау что-нибудь съестное. Пленник с самого начала заявил, что он все равно уйдет, и немедленно принялся за дело. Распилив за 18 дней камнем звено в цепи, Торнау вместе с ногойцем однажды ночью снова бежал. За шестеро суток они достигли р. Сагуаш, в которой беглецы, не умея плавать, чуть было не утонули. Но вскоре они наткнулись на ожидавшую их засаду (Алим-Гирей, Тамбиев и др.): следы на берегу Сагуаша выдали их.

По возвращении в аул пленники заняли свое старое помещение. Ногойца приковали исправленной цепью, а Торнау наложили оковы на ноги. Затем для последнего построили крепкий бревенчатый дом; караулили его по-прежнему три человека. В заточении Торнау мог только лежать или сидеть. Всю одежду, за исключением рубашки и шаровар, у него отняли. Кроме оков на ногах его еще «приковали за шею». В таком положении — без движения, без занятия, без света, почти без свежего воздуха и, самое страшное, без надежды на освобождение — он находился около трех месяцев.

Известному немецкому исследователю и путешест-

веннику Августу Гакстаузену летом 1843 г. в Тифлисе в салоне командира Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарта рассказывали, что, когда Федора Торнау заковали в тяжелые цепи и он стал жаловаться, то ему заявили: «Если б ты был женщина, мы бы отдали тебя под стражу женщин, но ты храбрый муж, а муж претерпевает рабство лишь в цепях»¹⁸⁵.

Однажды в аул прибыл Тембулат Карамурзин, который вот уже более года безуспешно старался освободить пленника. Он уговорил Тамбиева согласиться на выкуп в 12 тыс. руб., обещая добыть их у родственников Торнау и уверяя абрека, что от правительства совершенно нечего ждать, так как оно окончательно отказалось от узника. Тембулат требовал, чтобы его допустили переговорить с Торнау. Это была «наружная оболочка дела». В действительности же Карамурзин намеревался увести Торнау, а после этого судиться или драться с Тамбиевым. Но для этого надо было сперва вырвать Торнау из заточения и перевезти к Жансеиду, приятелю Тембулата. Болезнь, якобы угрожавшая Торнау смертью накануне его «выкупа», служила к тому хорошим поводом: Тамбиев по своей бедности не имел возможности поддерживать здоровье своего «драгоценного» пленника. Перспектива выкупа с новой силой пробудила в Тамбиеве все его прежние надежды и опасения, а Торнау должен был довершить дело, притворившись совсем больным. Чтобы еще более усыпить бдительность Тамбиева, Торнау передал Карамурзину открытое письмо, адресованное «своим родственникам» в России, в котором просил выкупить его, не жалея денег. Вскоре «опасного больного» пленника перевезли в богатый дом Жансеида, где он «нашел все удобства для жизни».

Как-то Жансеид отправился в набег на русскую границу. Вечером 9 ноября 1838 г., после ужина, жена хозяина вызвала к себе человека, караулившего Федора Торнау. Крепкая буза, которой его напоили, погрузила его в непробудный сон. Вскоре был подан условный сигнал, и Торнау вышел за дверь. Его поджидал Тембулат Карамурзин. Торнау быстро переодели и вооружили, и друзья поскакали в Вознесенское укрепление. (Между прочим, Торнау, по его словам, был вырван из плена «без воли и ведома» генерала Засса¹⁸⁶.) Пробыв здесь всего несколько часов, Торнау и Тембулат отпра-

вились на Кубань в сопровождении взвода пехоты и сотни казаков.

Тамбиев, узнав о бегстве Торнау, собрал несколько десятков человек и погнался вдогонку, но скоро потерял след. Раздосадованный неудачным поиском, он бросился на Уруп, где захватил шесть рабов и несколько десятков лошадей, принадлежавших Карамурзину, который не переселился на Кубань для того только, чтобы иметь возможность бывать у абадзехов и добиваться освобождения Торнау.

Торнау находился уже за Кубанью, вне всякой опасности, и мог сказать, что он действительно свободен. Плен его длился ровно два года и два месяца: в ночь с 9 на 10 сентября 1836 г. его схватили на берегу Курджипсе, в ночь же 9 на 10 ноября 1838 г. Тембулат Карамурзин увез его от Джансеида.

Прибыв в Прочный Окоп 11 ноября 1838 г., Ф. Ф. Торнау поспешил в Ставрополь. На Кавказской линии после смерти А. А. Вельяминова весной 1838 г. командовал (до 1842 г.) П. Х. Граббе (1789—1875), которого Торнау называл русским Баярдом («рыцарь без страха и упрека») и под началом которого Торнау получил первое боевое крещение в 1829 г. при взятии турецкого г. Рахова. В «доме у него и в тесном кружке» «изнуренный» Торнау нашел «самый ласковый прием и нравственно мог отдохнуть»¹⁸⁷. И это естественно.

П. Х. Граббе — личность примечательная: бывший член Союза благоденствия, участник Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. В момент же встречи с Ф. Ф. Торнау он был в числе передовых военачальников Кавказской армии, находившихся в оппозиции к реакционному генералу Е. А. Головину. Головин был одним из активных участников подавления восстания декабристов, а в 1838—1842 гг. — вдохновителем гонений на политических ссыльных, когда «шпионаж на Кавказе принял эпидемический характер». Более того, Граббе в это время как раз находился в состоянии «активной войны» с главнокомом и его штабом. Декабрист А. Е. Розен, характеризую Граббе, подчеркивал, что он — «один из тех редких людей, который во всю жизнь в различных и очень трудных обстоятельствах никогда не изменял строжайшим правилам честности и благородства»¹⁸⁸.

Не случайно поэтому, что не только люди типа Федора Торнау, но и декабристы находили «прибежище» и покровительство у таких людей, как А. А. Вельяминов, Н. Н. Раевский (друг А. С. Пушкина, деятель декабристского круга, сын знаменитого героя Отечественной войны 1812 г.), П. Х. Граббе и др. Так, рассказывает декабрист Н. И. Лорер, при первом же свидании с вновь прибывшей группой декабристов в 1837 г. А. А. Вельяминов¹⁸⁹ предупреждал их: «Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами»¹⁹⁰. Как свидетельствует и Г. И. Филипсон, Вельяминов обращался с декабристами «учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами»¹⁹¹.

Нелишне в связи с этим заметить, что, например, А. А. Бестужев-Марлинский, откомандированный в августе 1834 г. рядовым в распоряжение генерала Вельяминова в Ставрополь, свободно обедал у своего начальника. Причем «это правило распространялось» и на некоторых других «разжалованных в солдаты»¹⁹². Выше уже говорилась о той помощи, которую оказал Вельяминов Бестужеву, когда тот весной 1835 г. серьезно заболел. Вельяминов не мог не симпатизировать прославленному писателю хотя бы потому, что сам был весьма начитанным человеком и страстно любил художественную литературу. Отсюда и понятно, почему в свое время, а именно в 1825 г., А. С. Грибоедов сблизился с Вельяминовым, личностью «прекрасных сведений», и считал это «прекраснейшим открытием достойного человека»¹⁹³. Кстати, А. А. Вельяминов, этот «умный и прощательный» человек, знал Кавказский край, «как никто другой, и его нельзя было обольстить реляциями, как бы мастерски они ни были написаны»¹⁹⁴.

Таким образом, на Кавказе сложились очень своеобразные условия, особенно в 1837 г. Николай I и главнокомандующий держали под надзором не только разжалованных декабристов, но и командиров войск, благосклонно относившихся к «злоумышленникам»¹⁹⁵.

Именно по этой причине ко времени появления Торнау (1838 г.) уже не было на Кавказе ни Г. В. Розена, ни В. Д. Вольховского. Как известно, в 1837 г. «венценосный палач» посетил Кавказ и остался весьма недоволен положением дел в крае. Были отстранены тогда

и некоторые другие неугодные офицеры. Уж слишком стало явным сочувственное отношение этих лиц к ссыльным вольнодумцам, тем более «дружеские связи Вольховского с декабристами»¹⁹⁶. Торнау знал, конечно, и то, что сам Вольховский принадлежал к декабристскому кругу, состоял когда-то членом тайных обществ, а на Кавказ был «переведен» именно как находившийся «на замечании».

Торнау очень огорчило, что Вольховского и Розена уже не было на Кавказе и что вместе с ним уехали почти все старые товарищи. Одним словом, «тифлисская военная семья... разлетелась во все стороны пространной России»¹⁹⁷.

В Ставрополе Торнау задержался: у него открылась рана, полученная им в 1832 г. в Чечне. За это время он подружился еще с одной интересной семьей. Это был дом «доброго и честного» командира Моздокского казачьего полка Баранчеева, у которого по вечерам собирался «избранный кружок» кавказских офицеров. Здесь опять можно было встретить «памятью, умом и знанием богато наделенного» доктора Н. В. Майера и декабристов А. И. Одоевского, С. И. Кривцова, В. Н. Лихарева, М. М. Нарышкина, П. П. Коновницына, А. И. Черкасова и С. М. Палицына — «все люди умные и отменно хорошие»¹⁹⁸.

Но в Ставрополе было и другое «общество». Здесь сосредоточивалось тогда военное и гражданское управление обширного Северокавказского края. В Ставрополе жил командующий войсками Кавказской линии и Черноморья. Здесь составлялись планы экспедиций в горные районы, раздавались места и награды. Каждую весну город наполнялся военными, желавшими принять участие в экспедициях и походах. «Одни искали сильных ощущений, другие — дешевых отличий, третьи, меньшинство, хотели практически научиться военному ремеслу»¹⁹⁹. Но в целом это были люди, «без лести преданные» российскому монарху, который в январе 1839 г. грозно требовал выяснить: «Кто осмелился пропустить портрет Бестужева в альманахе Смирдина²⁰⁰ „Сто русских авторов“?»²⁰¹.

После получения известия об освобождении Торнау из плена Николай I «повелеть соизволил... по отобрании от него на Кавказской линии всех нужных сведений о

положении горских народов»²⁰², среди которых разведчик находился столь длительное время, прислать его в Петербург для отдыха и личных объяснений, выдав ему жалованье за время пребывания его в плену. Федор Торнау добился разрешения привести с собой в столицу Тембулата Карамурзина, которому также были выданы деньги — 500 руб. ассигнациями²⁰³.

На пути в Петербург Торнау встречался со своими бывшими кавказскими начальниками — Вольховским в Ельце и Розеном в Москве. Первый ехал из Динабурга²⁰⁴, где он командовал бригадой, в родную Полтавскую губернию на гражданскую службу, на должность председателя «гражданской палаты» (здесь он вскоре умер). Бывалый генерал очень советовал молодому офицеру не возвращаться более на Кавказ. Но Торнау не послушал его «опытного совета» и потом раскаялся, когда в «сороковом году» «без проку и без пользы, потеряв здоровье в Черноморской береговой экспедиции, должен был выехать из Крыма полуживой и, наверное, умер бы без рациональной помощи», оказанной ему доктором Н. В. Майером²⁰⁵. Старик Розен, уже разбитый параличом, обрадовался, увидев Торнау живого, и со слезами на глазах просил извинить его за то, что не вполне доверился ему некогда, отнюдь не полагая, что это приведет к таким последствиям²⁰⁶.

По словам Ф. Торнау, император «свыше ожидания» оценил его «слабые заслуги». Щедро наградил он и Карамурзина. «За исследование совершенно неизвестных до сих пор частей Кавказа» Торнау удостоился ордена св. Владимира 4 ст. и звания капитана²⁰⁷. Карамурзин же, миновав сразу два низших чина, получил поручика и св. Владимира 4 ст., а также единовременное пособие и пожизненную пенсию в полторы тысячи рублей²⁰⁸.

Однако, писал Торнау, «не все одинаково смотрели на мое дело, не от всех удостоились мы с Карамурзиным равно поощрительного приветствия»²⁰⁹. Например, исполняющий должность генерал-квартирмейстера Шуберт, непосредственный начальник Торнау, встретил его «с радушною важностью». А военный министр А. И. Чернышев и «всесильный при дворе»²¹⁰ граф Т. К. Клейнмихель «удостоили» выразить ему «свое одобрение, не переступая, однако, за пределы формальной служебной внимательности»²¹¹. Генерал Филипсон впоследствии и

вовсе скептически отнесся к «предприятию» и Торнау, и его предшественников. Он даже считал, что это было показателем слабого знания края и «странным приемом» сбора материалов²¹².

Интересно сообщение Торнау о поведении Тембулата Карамурзина в Петербурге: «Замечательно красивый вид этого статного закубанца с первого взгляда располагал в его пользу. Благодаря ловкому обращению, которому он на первых же порах себе усвоил, приравниваясь к требованиям дотоле ему совершенно незнакомого общества, его стали возить из дома в дом, угощать... наделять разными подарками... Карамурзин из России повез на Кубань два сундука, туго уложенных разными вещами, которые ему были подарены моими знакомыми, а нередко и совершенно мне неизвестными людьми»²¹³.

Торнау, «повинуясь приказанию военного министра», сразу же принялся за работу и уже в феврале 1839 г. представил записки «Журнал плена» и «Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура»²¹⁴.

Напрасно думал Торнау, что собранные им сведения, «не встретив единомыслия», безвозвратно канули «в чину архивного забвения». Напротив, данными Торнау чисто военного значения царское командование воспользовалось при организации Черноморской береговой линии в 1837—1840 гг., когда на кавказском побережье был возведен ряд укреплений, отрезавших непокорные абхазские, убыхские и черкесские племена от морского берега. Немалое значение имели данные Торнау и для проведения военных экспедиций в горных районах края в начале 60-х годов, которые завершили присоединение Западного Кавказа к России (1864 г.). Но вместе с тем в указанных материалах, как уже подчеркивалось, содержатся сведения, весьма ценные в научном отношении.

После своих приключений в 1836—1838 гг. Торнау уже больше не рисковал отправляться в разведку, хотя и продолжал службу на Кавказе в качестве штабного офицера. Летом 1839 г. он побывал под Москвой и в Минеральных Водах, а осенью вернулся в Тифлис. Однако, как отмечалось выше, «много нового... там ожидало» его: «умный и честный, хотя для правителя такой

страны, как Кавказ, слишком добродушный», Г. В. Розен лежал в Москве, разбитый параличом; В. Д. Вольховский, «горячий защитник» Торнау, «в немилости доживал последние часы своей жизни» председателем Полтавской гражданской палаты, а «горой... стоявший» за Торнау полковник Х. Х. фон дер Ховен, который из-за него даже хотел стреляться с генералом Зассом, занимал скромную должность в далекой Сибири. Более того, въезжая в Пятигорск, Торнау узнал, что он больше не числится в Кавказском корпусе, а откомандирован в Новгородскую губернию, в гренадерский корпус. Однако новый корпусный командир, генерал Головин, узнав, что Торнау откомандирован с Кавказа не только вопреки его желанию, но и «противно высочайшей воле», приказал отменить такое «неблаговидное распоряжение»²¹⁵.

Итак, Торнау «не миновал... неизбежною бедою» ему «грозивших берегов Черного моря», куда он прибыл весной 1840 г. Он был назначен в войска генерала Н. Н. Раевского, действовавшие на побережье Западного Кавказа²¹⁶.

Надо сказать, Торнау, как уже упоминалось, был невысокого мнения о Черноморской береговой линии, укрепления которой «не давали другого проку, кроме напрасной траты людей и денег». Еще в тот период на вопрос Николая I о значении этой оборонительной системы Торнау дал такую характеристику: «Боюсь... что береговая линия не оправдывает ожиданий Вашего Величества. Укрепления малы, гарнизоны слабы, изнурены болезнями, едва в силах обороняться от горцев, которых не они, а которые их держат в постоянной блокаде. Кроме того, в случае европейской войны при появлении в Босфоре любого неприятельского флота окажется необходимым снять всю линию; в горы гарнизоном нет отступления, и ни одно укрепление не в силах выдержать бомбардировки с моря»²¹⁷. Кстати, так оно и получилось во время Крымской войны.

В мае и июне 1840 г. Торнау принимал участие в операциях войск Черноморской береговой линии, в частности при вторичном занятии отрядом начальника линии Н. Н. Раевского устьев рек Туапсе и Псезуапсе и ряда укреплений и фортов (Вельяминовское, Лазаревское и др.). В отряде было много «разжалованных», в том числе и декабристов. В 1838—1839 гг., например, в части

этого соединения были направлены ссыльные декабристы А. Одоевский, Н. Лорер, М. Нарышкин, В. Лихарев, В. Толстой, А. Черкасов, Н. Загорецкий и др. В 1838 г. в лагере у Тамани с ними встречался Н. П. Огарев, посвятивший декабристам вдохновенные стихи. В войсках береговой линии служил и С. Званба, который в 1842 г. был произведен в чин майора.

В мае 1843 г. Торнау был командирован на правый фланг Кавказской линии. С сентября он служил в Дагестане, в штабе генерала В. О. Гурко. В начале ноября развернулись решающие бои за Гергебильскую крепость (аул в Северном Дагестане). Генерал Гурко поставил вопрос об участии крепости на военном совете, куда был приглашен и походный обер-квартирмейстер Ф. Ф. Торнау. Последний был в числе тех, кто считал бессмысленной попытку удерживать Гергебиль. «С силами нашего отряда,— аргументировал он свою позицию,— я не считаю возможным идти на выручку Гергебильского укрепления. Неприятель многочислен, местность неприступна... В пользу атакованного укрепления отряд может только опуститься несколько ниже, отнюдь не вдаваясь в ущелья, для того чтобы отвлечь от Гергебиля неприятельские толпы»²¹⁸.

Впоследствии события этого периода Торнау описал в статье «Гергебиль»²¹⁹, некоторые положения которой заслуживают внимания. Так, говоря о Кавказской войне, он пишет: «Долгие годы длилась борьба — и много-много поглотила она молодых, незрелых сил, преждевременно канувших в вечность... Не успели в бою уцелевшие утереть пот с лица своего, не успели осушить кровь, капавшую из свежих ран, как издавека, коршунам подобно, налетели искатели наживы, без риска и без труда и по клочкам разнесли землю...» Генерала Евдокимова, одного из самых жестоких царских завоевателей Кавказа, Торнау называет «покоритель-истребитель черкесских племен правого фланга Кавказской линии».

Свою штабную работу этого периода Торнау описывает в довольно ироническом тоне. Здесь ему «больше приходилось отписываться, чем дело творить». «Благодаря таким „из ничего“ придуманным донесениям,— пишет он далее,— несмотря на нашу излишнюю осторожность, когда приходилось действовать, мы не раз вызывали заочное одобрение нашей последовательной дея-

тельности»²²⁰. Из данной статьи мы также узнаем, что у Торнау дом и хозяйство оставались в Ставрополе, а супруга²²¹ — в Тифлисе у родственников.

Свидетель «гергебильской драмы», Торнау в 1844 г. участвовал в экспедиции генерала Р. К. Фрейтага в Чечне²²², которой он посвятил свое сочинение «Из воспоминаний бывшего кавказца». Оно было напечатано в «Складчине...»²²³. Торнау, как видно, искренне уважал Р. К. Фрейтага, этого «доброго и честного» человека, который «ни перед кем спины не гнет» и, естественно, «не всем... приходился по сердцу»²²⁴. Между прочим, такого же мнения о генерале был и декабрист А. П. Беляев, который в 1843—1844 гг. также служил в отряде Фрейтага²²⁵.

В марте 1849 г. Торнау в чине полковника ушел в бессрочный отпуск и поселился в своем нижегородском имении²²⁶, проводя время «за сохой»²²⁷. Но с апреля 1854 г. в связи с Крымской войной Торнау снова на театре военных действий. Он был назначен в личное распоряжение князя М. Д. Горчакова, занятого тогда осадой Силистрии²²⁸. После обратного перехода русской армии на левый берег Дуная, полковник Торнау получил должность обер-квартирмейстера при графе Д. Е. Остен-Сакене, у которого пробыл в течение всего времени его стоянки в Яссах. В апреле 1856 г., после заключения мира, Торнау временно был прикомандирован к департаменту Генерального штаба. В память войны 1853—1856 гг. его наградили бронзовой медалью. Торнау решил было снова «взяться за соху», но был «удержан» тогдашним военным министром В. А. Долгоруковым.

В том же, 1856 г. Торнау назначили военным атташе (агентом) при русском посольстве в Вене, куда он и выехал в июне вместе с женой. В 1861 г. Федор Федорович был произведен в генерал-майоры, а в 1870 г. — в генерал-лейтенанты²²⁹.

Свою дипломатическую деятельность, относящуюся к 1856—1861 гг., Ф. Ф. Торнау довольно подробно изложил в воспоминаниях, опубликованных в 1897 г. в петербургском журнале «Исторический вестник» (№ 1 и 2). В них, между прочим, приводятся любопытные описания обязанностей военного агента, этикета австрийского двора, придворных обычаев, церемонии заключе-

ния конкордата, жизни венского высшего общества и т. д. Генерал В. И. Ден, характеризуя указанный период жизни Ф. Ф. Торнау, которого он хорошо знал, имея с ним «почти ежедневные свидания в Вене», писал: «Это был добрейший человек, но большой оригинал, ненавидел дипломатов и утверждал, что, как у нас, военных, кампании заносятся в формулярный список, так у дипломатов — обеды, которым они придают такое огромное значение»²³⁰.

Однако осенью 1862 г., накануне нового польского восстания, «судьба грозила поставить» Ф. Ф. Торнау «в несказанно горькое положение». Министр иностранных дел А. М. Горчаков решил сделать Александру II предложение о немедленном отзыве Торнау из Вены «в укор австрийскому императору за недостаток внимания» к русскому атташе. Но Торнау назвал этот акт «в высшей степени неприличным». Действительность, по его словам, заключалась в том, что «политические отношения между русским и австрийским правительствами вступили тогда в эпоху самого резкого обоюдного недоверия»²³¹.

Это был период, когда Австрия и Англия, желая ослабить Россию, вступили в сговор с правительством Наполеона III. А в апреле 1863 г. послы трех держав, все более вмешиваясь в польский вопрос, вручили Горчакову ноты; в июне последовали новые ноты²³². Однако в то время, когда отношения между государствами были настолько натянутыми, что война казалась неизбежной, русская дипломатия сумела дать отпор западноевропейским политикам, которые свои корыстные цели лицемерно выдавали за заботу о поляках²³³.

Но Торнау считал крайне «неприличным» поведение русского посланника в Вене В. П. Балабина, который «своими далеко не дипломатическими и не политическими выходками навлек на себя справедливое негодование австрийского двора». В то же время незадачливому дипломату «удалось оказать и славянскому делу несколько медвежьих услуг, т. е. камнем бить по лбу, чтобы спугнуть докучливую муху».

Торнау в ноябре выехал в Петербург, чтобы предотвратить решение об его отзыве. Он беседовал с самим императором, а также с министром иностранных дел и военным министром. Однако его «положение... станови-

лось безвыходным», и только вмешательство великой княгини Елены Павловны, к посредничеству которой он вынужден был прибегнуть, «вывело» Торнау из неблагоприятного для него положения²³⁴.

В 1873 г. Ф. Ф. Торнау становится членом Военно-ученого комитета Главного штаба (с оставлением в Генеральном штабе), который направлял научную деятельность этого учреждения, а также содействовал развитию военного образования в армии. В том же году Торнау было пожаловано 300 десятин земли на Кавказе. Ф. Ф. Торнау был кавалером многих российских и иностранных орденов²³⁶. Отправившись в 1875 г. в бессрочный отпуск за границу, Ф. Ф. Торнау с больной женой поселился в живописном местечке Эдлице, недалеко от Вены, где и провел свои последние годы²³⁷.

В этот период жизни в тиши деревенского уединения Торнау был увлечен написанием своих мемуаров и рассказов, которые, как мы видели, еще при жизни автора в основном были изданы или отдельными книжками, или в журналах и газетах. Воспоминания Торнау, относящиеся уже к его службе и жизни в Австрии, благодаря стараниям его дочери Борк и, вероятно, М. И. Семевского, известного общественного деятеля и публициста, были напечатаны посмертно. К этому циклу примыкают и его «путевые замечания» «От Вены до Карлсбада»²³⁸. Но личный архив Ф. Ф. Торнау, к сожалению, остается неизвестным. Поэтому вполне возможно, что наше представление о его мемуарном наследии далеко не полное²³⁹.

Умер Ф. Ф. Торнау на 80-м году жизни, 7 января 1890 г., в Эдлице, одном из тихих уголков Нижней Австрии, где были разбросаны «милые, приятные» домики, где, казалось, наконец «обретаешь» «настоящее жилище мира, простоты и семейного счастья», но где «люди страдают также от нужд, раздоров и терпят скорби, как и везде»²⁴⁰. Смерть престарелого генерала прошла почти незамеченной. Лишь опубликованный в газете «Новое время» (12(24).I.1890) единственный некролог, если не считать почти его повторения в «Разведчике» (СПб., № 19, стр. 90), скупо напоминал о его служебных и литературных заслугах.

Ф. Ф. Торнау оставил довольно обширное и многообразное научное и литературное наследие, ценность ко-

того в значительной своей части не подлежит сомнению. Поэтому нельзя, конечно, согласиться с односторонней оценкой И. Ф. Масанова, который рассматривает Торнау лишь как «автора работ по военным вопросам»²⁴¹. Еще более досадно, что выдающийся русский библиограф, профессор С. А. Венгеров в своем известном многотомном сочинении «Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (Историко-литературный сборник)» (т. 1—6, СПб., 1889—1904) вовсе не упоминает Ф. Ф. Торнау.

Следует также заметить, что Торнау многие свои произведения подписывал «Т» или же оставлял их безо всякой подписи. Принято считать, что авторство произведений Торнау раскрыто по десятому выпуску известного сочинения Д. Д. Языкова «Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц», вышедшему в Москве в 1907 г. Но это верно лишь отчасти. Например, Г. Н. Казбек (Казбеги) еще в 1865 г. по поводу автора «Воспоминаний кавказского офицера» отмечал: «...по имеющимся источникам, можно почти наверняка сказать, что это Генерального штаба штабс-капитан бар. Торнау»²⁴².

Из всех произведений Ф. Ф. Торнау несомненно наиболее значительно это последнее. Оно написано в Вене и вышло в Москве в 1864 г. (в университетской типографии) за подписью «Т». Одновременно «Воспоминания кавказского офицера» были опубликованы в «Русском вестнике» (1864 г.)²⁴³. Вот как оценивал научные достоинства «Воспоминаний» еще академик Н. Ф. Дубровин: «Основательное знакомство с народом и прекрасное изложение делают воспоминания его (Торнау.— Г. Д.) отличною характеристикою быта этих народов (черкесов и абхазов.— Г. Д.). Этнографические сведения о черкесах, абазинцах и ногаях, касаясь всех сторон быта, отличаются полнотою и достоверностью. А описание исторических событий, касающихся 1821, 1824, 1830, 1831, 1834—1837 годов, как очевидца и участника, весьма важны и интересны по многим подробностям»²⁴⁴. Сам Торнау в письме к М. И. Семевскому от 22 февраля (6 марта) 1865 г. скромно отмечал, что достоинства «Воспоминаний» состоят «единственно в точности фактов и в непреувеличенном изложении случившихся с ним происшествий, в доказательство чего указывал на двух

свидетелей — уже известных нам Х. Х. фон дер Ховена и полковника Мамат-Кирея Лоо²⁴⁵. На экземпляре книги, хранящемся ныне в библиотеке Ленинградского государственного университета, имеется следующая надпись Ф. Торнау от 19 мая 1875 г.: «Отдавая на суд... незатейливый рассказ похождениям моей молодости, заранее прошу быть снисходительным к литературным и иным недостаткам, которые, боюсь, откроет... опытный глаз. Одним могу только похвалиться: рассказывая, я ни в чем правде не изменил и ничем не украсил, а рассказал, как было...»²⁴⁶.

Уже в 1865 г. в газете «Голос» (№ 184) и журналах «Отечественные записки» (№ 10) и «Военный сборник» (№ 11) появляются весьма положительные отзывы о рассматриваемом сочинении Торнау.

В «Отечественных записках» прежде всего подчеркивалось, что «Воспоминания кавказского офицера» «читались не без удовольствия». «Самым простым языком, — пишет рецензент, — без всяких особенных усилий... достигнув эффектных описаний и художественных картин, неизвестный автор представляет нам довольно подробную картину общего положения дел в том крае в продолжение тридцатых годов». И далее: автор не только «передает, по возможности, все виденное и слышанное о характере и плане современных ему действий против непокорных горцев, но и приводит разные исторические и этнографические сведения о крае». В рецензии отмечен факт стремления Торнау дать «критические обзоры действий тогдашних властей Кавказа». При этом «к числу самых интересных глав» произведения рецензент отнес по преимуществу те, где сообщаются сведения о горских племенах и их предводителях. Наконец, автор «Воспоминаний», сообщает в статье, «не только имел случай совершать разные поездки в места, до сего времени неизвестные, но также имел несчастье провести два с небольшим года в плену у горцев, что и дало возможность так близко узнать быт народов».

Более обширной является рецензия, помещенная в «Голосе». Ее автор указывает на чрезвычайно «важную роль Кавказа» в истории русской литературы, который служил для поэтов «вдохновенным Парнасом». Но, с другой стороны, «нельзя не удивляться если не отсутствию, то, по крайней мере, бедности» научной литерату-

ры об этом крае. И «Воспоминания кавказского офицера» «принадлежат к числу немногих сочинений о Кавказе, способных познакомить» публику «и с краем, и с его населением, и с действиями» русских войск в крае. Издание «Воспоминаний» «не могло остаться незамеченным, если бы наша литература и была богата дельными сочинениями о Кавказском крае». Далее читаем: «Любопытные приключения, в которых главным действующим лицом был автор „Воспоминаний“, представляют столько интереса и так хорошо знакомят с краем, с характером и нравами его туземного и пришлого населения, что от книги нельзя оторваться, не дочитав ее до конца. Правда действительных фактов при их романтическом характере придает книге занимательность истории и романа. Переход автора через ту часть правого фланга кавказской цепи, которая была до тех пор совершенно недоступна русским, и продолжительный плен его у горцев представляют несравненно более поэтический интерес, чем наши поэмы и романы, в которых действие перенесено на Кавказ и украшено всевозможными вымыслами... В описаниях автора простота соединяется с картинностью, наблюдательность — с живостью и непринужденностью рассказа».

В этой рецензии особо подчеркивался факт разоблачения автором книги тех незадачливых царских администраторов, которые «притеснениями и интригами» мешали установлению нормальных отношений с кавказскими народами. Эти «ограниченные люди, — писалось в статье, — нередко занимавшие довольно значительные по влиянию места, не понимали вовсе характера горцев». Книгу Торнау рецензент рекомендовал «всякому, кого интересует Кавказ, как одно из самых занимательных сочинений, в котором положительные сведения соединяются с увлекательным интересом самых романтических событий».

В статье, опубликованной в журнале «Военный сборник», главным образом приводятся большие выдержки из «Воспоминаний», а отдельные замечания даются лишь в сносках. Анонимный автор этой обширной рецензии задался целью именно познакомить читателей с сочинением, «закрывающим в себе много интересных сведений», потому считая «посторонние рассуждения» излишними. «Эти, — пишет он, — в высшей степени интересные

записки... представляют много любопытного как для знающих Кавказ, так и для каждого образованного человека. События, в них представленные, не вымышлены досужею фантазиею туриста, но от первой до последней строки правдивая повесть развитого и просвещенного офицера, который, увлекаясь, с одной стороны, пользою службы, а с другой — духом пытливой любознательности, решился на опасное путешествие...»

Через четыре года после выхода «Воспоминаний кавказского офицера», в 1868 г., в той же Вене Федор Торнау закончил «Воспоминания о Кавказе и Грузии», опубликованные в журнале «Русский вестник» (1869, № 1—4).

За многие годы, прошедшие с момента первоначальной службы Торнау на Кавказе и его бегства из плена до выхода названных произведений, различные факты, имена и названия, вероятно, стерлись бы в памяти автора, если бы он не имел под руками оригиналы или копии своих рапортов, записок и писем. Возможно даже, что к составлению своих записок он приступил еще на Кавказе. Во всяком случае, в рецензии на книгу «Воспоминания кавказского офицера», опубликованной в «Голосе» (6(18).VII.1865), мы читаем: «Записки эти давно уже были известны по слухам через некоторых лиц, имевших случай познакомиться с их автором на Кавказе. Вероятно, какие-нибудь особые обстоятельства были причиною, что это любопытное сочинение так долго оставалось в рукописи». Сам Торнау в статье «Из воспоминаний бывшего кавказца» сообщает: «Разбирая... старые залежавшиеся бумаги, нашел я между прочим несколько листов, испещренных пометками о давно прошедшем времени»²⁴⁷.

Этим и объясняется, что опубликованные сочинения Торнау не только носят мемуарный характер, но и, как уже отмечалось, содержат целый ряд весьма подробных сведений о значительной части Кавказа определенной исторической эпохи. Именно с этой точки зрения в настоящее время, когда возникает настоятельная потребность глубокого научного изучения прошлого народов Советского Кавказа, работы Торнау представляют для нас большой интерес. Другими словами, несмотря на политические цели Торнау, из названных его работ можно почерпнуть важные сведения о Кавказе, его истории, эт-

нографии, исторической географии и т. д.— материал непреходящей ценности.

В частности, большого внимания заслуживают его подробные описания ряда городов и других населенных пунктов (Тифлиса, Владикавказа, Ставрополя, Прочного Окопа, Сочи, Сухума, Гагры и др.), какими они были примерно 140 лет назад, портреты местных феодалов, русских военных и гражданских чиновников, характеристика положения солдат²⁴⁸ и кавказских народных масс, детальное изложение быта грузин, абхазов, черкесов, чеченцев и т. д. Следует также подчеркнуть, что автор «Воспоминаний» во многих случаях дает различные справки об истории отдельных районов Кавказского края, что представляет определенный интерес даже и в наши дни, не говоря уже о времени Торнау. Однако, как уже говорилось, наиболее ценны данные о тех кавказских народностях и племенах, которые впоследствии, в результате Кавказской войны и других событий, частично погибли, частично были изгнаны из родных мест и основная масса которых в силу целого ряда причин (особенно мухаджирства) оказалась на чужбине — в Турции и других странах Ближнего Востока. В этом отношении большой интерес представляет описание населения Западного Кавказа, в частности рассказ о пребывании Торнау среди отдельных черкесских, абхазских и убыхских племен, т. е. как раз среди тех племен, которые, по словам профессора А. Н. Генко, «оказались после выселения или совсем не представлены в числе народностей Кавказа, или же сохранили немногие обломки некогда многочисленных и богатых поселений»²⁴⁹.

Социальный строй абхазско-адыгских (черкесских) племен имел ряд своеобразных особенностей. Феодальные отношения, сильно переплетавшиеся у них с патриархально-родовым укладом, отличались некоторыми характерными чертами. Это явление не прошло мимо Торнау. В «Воспоминаниях кавказского офицера» и записках, которые легли в основу данного сочинения, автор значительное место отвел, например, на вопросам «разделения абхазского народа на различные состояния» и положения этих сословий. Трудно, конечно, переоценить значение этого материала, знакомящего читателя с давно изжитыми культурными формами и представлениями, для специалистов — историков и этнографов.

То же можно сказать и о данных по исторической географии Западного Кавказа, поскольку десятки и сотни населенных пунктов и местных географических названий были стерты с лица земли не только «ходом» времени, но и главным образом в результате известных нам неблагоприятных исторических событий. Правда, здесь у Торнау немало ошибок и неточностей.

По поводу конкретных демографических данных, приводимых Торнау, следует сказать, что и в этом важном и нелегком вопросе он относится к числу не тех авторов, которые склонны «брать на веру любые цифры», а к числу «весьма добросовестных и требовательных»²⁵⁰. Но надо иметь в виду, что даже численность тех частей горцев, которые в первой половине XIX в. находились под управлением царских военных администраторов, определялась весьма приблизительно. Объясняя это явление («все цифры того времени, которыми обозначали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать, на глаз»), Торнау писал: «По понятиям горцев считать людей было не только совершенно бесполезно, но и даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться»²⁵¹. А говоря словами А. П. Берже, «горцев никогда никто не считал, почему и точных статистических сведений о них не существовало»²⁵².

К чести Торнау следует отметить, что он дал не только наиболее полное, но и относительно «свободное» от великодержавно-шовинистических характеристик описание весьма важных аспектов истории Кавказа, особенно его западного региона, первой трети XIX столетия. Правда, Торнау при описании, скажем, быта черкесов и абхазов не может удержаться от оскорбительных эпитетов вроде «разбойники», «варвары», «хищники» и т. д. Но в то же время он, не в пример многим другим своим современникам, не только воздерживается от дифирамбов в честь царской администрации, но, как мы видели, даже резко критикует действия отдельных ее представителей на Кавказе.

И именно отмеченное обстоятельство — более или менее «свободное» описание жизни, быта, культуры и борьбы за свободу целой группы народов и племен Кавказа — было истинной причиной постоянного интереса к

трудам Ф. Ф. Торнау. Известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум уже материалы Торнау (отчеты, записки и письма) считал «проливающими первый свет на неведомые до тех пор части Кавказа»²⁵⁴. Профессор М. О. Косвен также подчеркивал, что история этнографического изучения, например, Абхазии начинается именно в 20—30-х годах XIX в. материалами Ф. Ф. Торнау, О. Г. Блома и И. К. Аша²⁵⁵.

Тот факт, что в трудах Торнау содержится весьма ценное и достоверное свидетельство о Кавказе, подчеркивали и другие авторы. Не вызывает сомнения, что этими материалами пользовался еще А. П. Берже, в частности, при написании своей известной работы «Краткий обзор горских племен на Кавказе», составленной не только по литературным источникам, но «[по] архивным материалам»²⁵⁶.

Во всяком случае, уже в своем «Этнографическом обозрении Кавказа», опубликованном в «Трудах III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге» (т. I, СПб., 1879/80), почтенный кавказовед писал: «В 1864 году Торнау издал свои „Воспоминания кавказского офицера“. Представляя живой рассказ... томления автора в плену у горцев, они содержат много новых и любопытных подробностей о домашнем и юридическом быте абхазцев и их соседей черкесов. Как по изложению, так, главным образом, по содержанию своему сочинение Торнау принадлежит, по моему мнению, к лучшим произведениям, вышедшим из-под пера наших отечественных деятелей на Кавказе» (стр. 307). Далее Берже, делая обзор литературы по этнографии народов Кавказа (стр. 312—326), в частности абхазов, ссылается на «Воспоминания» Торнау, выделяя в этой книге следующие вопросы: общественный и домашний быт, одежда и вооружение, промышленность и ремесло, религиозные верования, обряды и обычаи.

Основательно использованы материалы Торнау и в работе А. Н. Лаврентьева «Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства» (в частности, в разделе об Абхазии), который в отдельных случаях непосредственно ссылается на отдельные рукописи автора «Воспоминаний».

Работы Ф. Ф. Торнау по Кавказу, особенно «Воспоминания кавказского офицера», наиболее широкое отра-

жение нашли в многотомном сочинении академика Н. Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». Это относится главным образом к описанию социального строя, быта, нравов и обычаев черкесов и абхазов (т. I, кн. I и II).

К трудам Ф. Ф. Торнау обращался и известный русский ботанико-географ и путешественник XIX в. Н. М. Альбов. Он подчеркивал, что в «известных „Воспоминаниях кавказского офицера“» приводятся чрезвычайно правдивые и притом художественно изложенные сведения об Абхазии»²⁵⁷. Говоря об «оригинальных жертвенниках», находившихся на некоторых перевалах абхазских гор, Альбов также ссылается на «превосходные «Воспоминания кавказского офицера», где дано описание одного из таких жертвенников»²⁵⁸. А Н. А. Котляревский, русский историк литературы, академик, дважды ссылается на «Воспоминания о Кавказе и Грузии» Торнау, правда, без указания автора, который, видимо, оставался для него все еще неизвестным²⁵⁹.

Труды Торнау — не сухая «фактография». Ему вообще было чуждо стремление к бесстрастному коллекционерскому «наизыванию» фактов, без попытки их объяснить и осмыслить, хотя нередко они сами по себе представляют гораздо большую ценность, чем толкования и обобщения автора. Так, для академика М. Броссе, который перевел на французский язык книгу Торнау «Воспоминания кавказского офицера» и напечатал их в качестве Приложения к своему «Collection d'historiens Arméniens» (t. II, SPb., 1876)²⁶⁰, самое существенное в этом произведении составляли факты исторического, географического и этнографического порядка, относящиеся, в частности, к абхазскому народу, который «когда-то обладал выдающейся славой» (стр. 487—496).

Если к этому прибавить литературный талант, которым Торнау несомненно обладал²⁶¹, то станет ясным, почему некоторые его сочинения сразу обратили на себя всеобщее внимание.

Хотелось бы остановиться на описании Федором Торнау жизни его в плену у горцев с точки зрения установления возможного отношения этого, по словам М. Броссе, «драматического рассказа» к «Кавказскому пленнику» Л. Н. Толстого (1872 г.). Надо сказать, что даже при самом поверхностном сравнении не трудно заметить,

что судьба толстовского Жилина-пленника имеет много общего с судьбой Торнау-пленника. Между тем сопоставление «Кавказского пленника» Л. Толстого, скажем, с одноименными поэмами Пушкина и Лермонтова меньше всего допустимо, хотя Толстой и испытал в свое время очарование этих бессмертных творений; в частности, пушкинская традиция в творчестве великого Толстого «заметна в „Кавказском пленнике“»²⁶².

Как отмечает В. С. Спиридонов, в основу толстовского рассказа — до захвата Жилина в плен — лег эпизод из кавказской военной жизни самого Л. Н. Толстого²⁶³, а в остальной части могли быть использованы в качестве материала «Воспоминания» Ф. Ф. Торнау, а также рассказ «Кавказский пленник», подписанный Н. М. (см. прим. 1)²⁶⁴. Действительно, сюжет «Кавказского пленника» Толстого мог сложиться и под непосредственным впечатлением повествования Торнау, с работами которого он до 1872 г. не раз имел возможность познакомиться.

Таким образом, научная (кавказоведческая) и в известной мере литературная ценность работ Ф. Ф. Торнау и сейчас делают их достойными внимания. Более того, его сочинения, как уже говорилось, благодаря чрезвычайно важным фактическим данным служат одним из источников по изучению истории и культуры Кавказа, и особенно Абхазии и Черкесии, первой половины XIX столетия. Не утратили они и своей увлекательности.

Тем не менее материалы Ф. Ф. Торнау требуют к себе известного критического подхода. Не имея специальной подготовки и не располагая достаточным запасом времени и необходимыми условиями для углубленного изучения Кавказского края, Торнау допустил целый ряд фактических ошибок и неверных трактовок. Это относится прежде всего к вопросам социальной структуры абхазов, а также к характеристике и некоторых других кавказских народов.

За сравнительно короткое время своего пребывания в Абхазии Торнау, естественно, трудно было разобраться во всей сложности ее социального строя²⁶⁵. Его ошибки и неточности в этом отношении, пожалуй, особенно отразились в описании категории анхаю — высшего и основного слоя абхазского крестьянства. Торнау все тру-

довое население Абхазии делит лишь на два разряда — анхаю и агыруа, которых он характеризует как крестьян (первых) и рабов (вторых). Следовательно, в социальной структуре Абхазского княжества автор не заметил существования особой категории крепостных — ахоуа (агыруа). Кроме того, Торнау ошибочно называет рабов (ахашвала) агыруа.

Что же касается неточностей автора, допущенных в характеристике, например, убыхов, то Торнау иногда включает их в общую численность «черкесского племени»; количество же их он явно преуменьшает, приводя цифры 6 тыс. вместо примерно 40 тыс. Столь же грубую ошибку допускает Торнау в определении восточной границы Убыхии — между реками Сочи и Шахе, а не между реками Хоста и Сочи и в отношении отдельных черкесских племен. Так, натухайцев Торнау включает в состав шапсугов, считая, что последние, таким образом, занимали пространство от Анапы до р. Шахе, а адемиевцев, являвшихся одним из темиргоевских подразделений и занимавших нижнюю часть долины р. Белой до Лабы,— к бжедугам.

Много неточностей у Торнау и в передаче географических названий и собственных имен. Кроме того, как отмечал еще Н. Ф. Дубровин, в опубликованные работы Торнау вкрались «некоторые довольно важные опечатки», «вероятно, от неразборчивости рукописи».

Надо сказать, что это было вызвано не только «неразборчивостью рукописи», а почерк у Торнау действительно был очень «трудный», но и тем, что автор, находясь вдали от родины, был лишен возможности проверить корректуру. И Торнау очень остро переживал из-за этих корректурных ошибок. Пожалуй, он первым их заметил и старался исправить некоторые из них при издании своих «Воспоминаний» отдельной книгой. О многочисленных опечатках Торнау несколько раз сообщал М. И. Семевскому, прося его содействовать в их исправлении. Так, 21 апреля (2 мая) 1885 г. он писал: «И спешу со своей стороны переслать опечатки, найденные мною в издании. Некоторые из них, искажая собственные имена, мне кажутся довольно важными. Не представится ли возможность напечатать таковые на мой счет, приложить к экземплярам „Воспоминаний“? Без этого меня могут обвинить в искажении или в ошибоч-

ном произношении этих имен... Поймите, в какой степени мне должно быть неприятно попасть под незаслуженное обвинение»²⁶⁶.

Хочется еще раз подчеркнуть, что Торнау, как мы видели, имел если не прямое, то косвенное отношение к тому широкому общественному движению, в которое была вовлечена значительная часть русской дворянской интеллигенции, — «декабризму», под которым следует понимать не только политическую деятельность тайных организаций, но и определенный тип мировоззрения, включающий в себя передовое понимание политики, истории, эстетики, морали, литературы²⁶⁷. Иллюстрацией этому служит, например, факт горячего приветствия Федором Торнау сближения русских с абхазским населением и решительного осуждения им «нравственного гнета, который всегда лежит на завоеванном народе»²⁶⁸, что явно перекликается с воззрениями декабристов на Кавказскую войну. Как известно, у последних признание необходимости этой войны сочеталось с резко отрицательным отношением к жестоким методам усмирения и к господствовавшему на Кавказе произволу и насилию царской военной и гражданской администрации, естественно вызывавшими решительный отпор со стороны свободолюбивых народов края.

Таким образом, многолетнее пребывание Ф. Ф. Торнау в кулуарах высшей бюрократии, близость его со многими лицами, причастными к правительственным кругам, и его довольно высокое служебное положение как человека, принадлежащего «к числу выдающихся офицеров русской армии»²⁶⁹, — все это не помешало ему достаточно трезво смотреть на печальную действительность родной страны, которой он честно служил.

В этом свете показательны отношения Ф. Ф. Торнау с М. И. Семевским, который был связан с А. И. Герценом и находился в близком литературном общении с Н. Г. Чернышевским. Главная заслуга Семевского — основание и издание исторического журнала «Русская старина» (1870—1892 гг.). В раскрытии этих отношений, носивших в основном творческий характер, важнейшим и пока что единственным источником являются венские письма Ф. Ф. Торнау на имя М. И. Семевского за 1865—1866 гг.

Из этих документов выясняется большая роль Се-

мевского в публикации, реализации и популяризации сочинений Торнау, в частности «Воспоминаний кавказского офицера». В письме от 17 (29) июля 1865 г. Торнау выражал Семевскому благодарность за его «расположение и за литературную помощь», а также сообщал о намерении прислать ему на просмотр свою рукопись о Турецкой кампании 1829 г. Торнау был уверен, что автором опубликованной в газете «Голос» рецензии на его «Воспоминания» (она цитировалась выше) был Семевский. Он не сомневался и в том, что появление рецензии на страницах «Военного сборника», кстати, о которой ему впервые стало известно от Семевского, — результат «участия, принимаемого» последним «во всем, касающемся до изданий... „Воспоминаний“». А в письме от 12 (24) октября 1865 г. Торнау писал: «Отзыв „Отечественных записок“, который Вы себе дали труд мне сообщить, очень интересен для меня... Не знаю, право, чем я успел заслужить доброжелательную снисходительность, проявляющуюся во всех разборах моих „Воспоминаний“»²⁷⁰.

Еще об одном моменте. В изучении весьма сложных и глубоко специфических явлений в жизни народов Кавказа определенной исторической эпохи Торнау проявляет не только тонкую наблюдательность и большую эрудицию, но и основательное знание литературы об интересном для него предмете. Так, в своих работах он ссылается на исследования итальянца Г. Интериано, француза Фредерика Дюбуа де Монпере и других авторов, писавших в разное время с разных позиций о Кавказском крае.

В Приложениях к настоящей работе даются наиболее ценные неопубликованные и частично опубликованные архивные материалы и отрывки (преимущественно этнографические сведения) из печатных сочинений Ф. Ф. Торнау, а также перечень его опубликованных произведений.

Ввиду многочисленных неточностей в названиях (собственных имен, географических, этнографических), по тем или иным причинам допущенных в работах Торнау, некоторые грубые ошибки выправлены, а разночтения унифицированы автором данной монографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список сокращений

- АВПР — Архив внешней политики России (Москва).
АИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР (Сухуми).
АКАК — Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссией (Тифлис).
ВУА — Военно-ученый архив.
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар).
ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского географического общества (Тифлис).
ИКОРГО — Известия Кавказского отделения Русского географического общества (Тифлис).
ИРЛ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).
КЭС — Кавказский этнографический сборник (М., т. I—1955 г., т. II—1958 г., т. III—1962 г.).
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
ОРГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
РОГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ЦГАА — Центральный государственный архив Абхазской АССР (Сухуми).
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (Москва).
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
ЦГИАГ — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (Тбилиси).

¹ См., например, Н. М. Кавказский пленник,— «Библиотека для чтения», 1838, т. 31; Л. Екельн, Из записок русского, бывшего в плену у черкесов,— «Отечественные записки», 1841, № 12; В. И. Савинов, Три месяца в плену у горцев (абазин),— «Современник», 1848, № 11; его же, Два года в плену у горцев, СПб., 1851; «Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году»,— «Кавказ», 1849, № 1—5; С. Беляев, Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев,— «Библиотека для чтения», 1848, т. 88—89; Ф. Ф. Вигель, Воспоминания, ч. I, М., 1864 («В наше время появилось бесчисленное множество исторических записок; ими наводнен запад Европы. Иные из них мало занимательны, другие мало правдивы, но все могут для будущих историков быть более или менее полезны»).

² [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 231 (полное описание всех работ Торнау (Т.) дано в Приложении II настоящей монографии).

³ Ф. Ф. Торнау писал, что фамилия эта была «искверкана пиарскою милостью разных военных канцелярий», и считал «правильнее подписываться барон Торнов», как звали его отца, «как следует писать на всех языках» и как нередко он сам подписывался. Она восходит к середине XVI в. и происходит из Померании (Поморья) (Т., Гергебиль, стр. 445).

⁴ Индигенат (подданство) в Курляндии баронский род Торнау получил в 1639 г.

⁵ Т., Воспоминания о кампании 1829 года..., стр. 19.

⁶ «Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год», СПб., 1886, стр. 135.

⁷ Т., Воспоминания о кампании 1829 года..., стр. 5, 6.

⁸ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 1, стр. 7; ЦГВИА, ф. 400, отд. 8, ст. 2, оп. 173, д. 37, л. 15 об. Послужной список Ф. Ф. Торнау.

⁹ Некролог Ф. Ф. Торнау,— «Новое время», 12(24). I. 1890; «Разведчик», СПб., 1890, № 19, стр. 99.

¹⁰ Барон Торнов, Панна Зося..., стр. 120.

¹¹ Послужной список Ф. Ф. Торнау.

¹² Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 1, стр. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ С 1814 г. по всей Военно-Грузинской дороге, от Владикавказа до Тифлиса, уже можно было ездить в экипажах, а с 1817 г., когда дорога перешла в ведение Управления путей сообщения, начались регулярные работы по ее благоустройству. В 1827 г. дорога была приведена в такое состояние, что по ней пустили экстропочту, а

вдоль нее выстроили почтовые станции. Однако все эти улучшения усилили весьма ограниченный характер во времена не только Торнау, но и Л. Н. Толстого, который проезжал по ней в 1851 и 1852 гг. и на которого величественная красота этой дороги произвела неизгладимое впечатление. А красота эта — необыкновенная. Здесь и величественное Дарьяльское ущелье, и бурные реки Терек, Кура, Арагви, и знаменитый Крестовый перевал.

¹⁵ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 3, стр. 103.

¹⁶ А. В. Фадеев, Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958, стр. 216—227.

¹⁷ Г. И. Филипсон, Воспоминания, М., 1885, стр. 209.

¹⁸ А. В. Фадеев, Россия и восточный кризис..., стр. 227; Д. Л. Ватейшвили, Русская общественная мысль и печать на Кавказе, М., 1973, стр. 237.

¹⁹ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2, стр. 415, 416.

²⁰ Там же, стр. 416—417.

²¹ Там же, стр. 411—412, 415.

²² А. А. Вельяминов — генерал, командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области.

²³ Е. Г. Вейденбаум, Кавказские этюды (Исследования и заметки), Тифлис, 1901, стр. 230.

²⁴ Это псевдоним Е. П. Лачиновой (урожд. Шелашниковой), жены Н. Е. Лачинова, бывшего в 1839 г. генерал-интендантом Отдельного Кавказского корпуса. Но повесть могла быть написана только с помощью человека, хорошо знавшего положение дел на Кавказе. Таковым, видимо, и был брат мужа Лачиновой — Е. Е. Лачинов, который, попав в число лиц, «прикосновенных» к делу декабристов, был отправлен на Кавказ. Как человеку весьма образованному и дельному ему поручались разные административные должности. Одно время он даже управлял канцелярией генерального штаба А. А. Вельяминова. Однако и после выхода в отставку Е. Лачинов через бывших своих сослуживцев имел возможность узнавать о многих из тех «проделок», которые изображены в повести (О Е. Е. Лачинове см. «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л., 1925, стр. 110 и 340; АКАК, т. X, ч. I, стр. XXXII; Д. Д. Языков, Образ жизни и трудов покойных русских писателей, вып. III, СПб., 1887, стр. 86; М. О. Косвен, Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, ч. III, — КЭС, III, стр. 266; е го же, Этнография и история Кавказа (Исследования и материалы), М., 1961, стр. 171 и сл.; Д. Л. Ватейшвили, Русская общественная мысль..., стр. 251 и сл.). Вместе с тем и сама Лачинова, находясь с 1836 г. со своим мужем на Кавказе, вращалась в обществе ссыльных декабристов и литераторов. По некоторым данным, она была лично знакома и с Лермонтовым (А. Титов, Александр Бестужев — герой забытого романа, — «Русская литература», Л., 1959, № 3, стр. 134, 138).

²⁵ А. Титов, Александр Бестужев..., стр. 131, 133 и сл.

²⁶ Декабрист Н. И. Лорер, разоблачая «проповедуемые Зассом идеи страха», свидетельствовал, что на специально насыпанном кургане у Прочного Окопа «при Засе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру» (Н. И. Лорер, Записки декабриста, М., 1931, стр. 248).

²⁷ А. Е. Розен, Записки декабриста, СПб., 1907, стр. 250.

²⁸ «Русский вестник», 1861, № 4, стр. 471—472.

²⁹ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 246.

³⁰ Е. Г. Вейденбаум, Кавказские этюды..., стр. 308.

³¹ А. В. Никитенко, Дневник, т. 1. 1826—1857, М., 1955, стр. 283, 510—511 (Прим. И. Я. Айзенштока).

³² [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 228—248.

³³ Там же, стр. 246.

³⁴ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2, стр. 425—426.

³⁵ Д. Л. Ватейшвили, Русская общественная мысль..., стр. 239, 340, 355, 445.

³⁸ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 3, 4; АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII.

³⁹ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 4, стр. 672, 674.

⁴⁰ Там же, стр. 684, 692.

⁴¹ Там же, стр. 700.

⁴² Там же, стр. 701.

⁴³ Д. Л. Ватейшвили, Русская общественная мысль..., стр. 118.

⁴⁴ М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. II, М., 1955, стр. 448.

⁴⁵ А. В. Фадеев, Россия и Кавказ первой трети XIX в., М., 1960, стр. 360.

⁴⁶ А. С. Гангелов, Воспоминания, М., 1888, стр. 202—203.

⁴⁷ М. В. Нечкина, Движение декабристов, стр. 449.

⁴⁸ И. К. Ениколопов, Грибоедов и Грузия, Тбилиси, 1954, стр. 115.

⁴⁹ В. Шадури, Декабристская литература и грузинская общественность, Тбилиси, 1958, стр. 495.

⁵⁰ Трудно назвать другой пример такой поэтической и трагической любви, которая выпала на долю А. Грибоедова и Н. Чавчавадзе. Насколько кратковременным оказалось счастье, настолько долговечной была верность прославившейся умом и красотой Нины Чавчавадзе памяти погибшего супруга. Д. Г. Эристави, один из первых исследователей творчества Грибоедова, писал: «Нина Александровна Чавчавадзе была одним из прелестнейших созданий того времени. Красавица собой, великолепно образованная, с редким умом, она безусловно завоевывала симпатии всех, кто только с ней был знаком. Все, кто только ее знал,—люди самых разных слоев, понятий, мнений, сходятся на одном, что эта была идеальная женщина. Не было мало-мальски выдающегося поэта в Грузии, который бы ни посвятил ей несколько стихотворений» (цит. по: И. Богомолов, Я. П. Полонский в Грузии, Тбилиси, 1966, стр. 57).

⁵¹ Памятник был воздвигнут в искусственном гроте, у основания церкви св. Давида (VI в.), выстроенной на склоне господствующей над городом Мтацминдской горы, которую Грибоедов назвал самым поэтическим местом Тифлиса. На пьедестале—бронзовый крест с распятием, у подножия которого выделяется коленопреклоненная фигура рыдающей женщины—изображение Нины Александровны Чавчавадзе.

⁵² Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2, стр. 423; № 4, стр. 702.

⁵³ В. Потто, История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV, СПб., 1894, стр. 27.

⁵⁴ И. Богомолов, Я. П. Полонский в Грузии, стр. 57—58.

⁵⁵ А. Опульский, Л. Н. Толстой на Кавказе (Литературно-краеведческий очерк), Орджоникидзе, 1960, стр. 62.

⁵⁶ Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в двадцати томах, т. 17, М., 1965, стр. 49.

⁵⁷ А. Николадзе, Русско-грузинские литературные связи, Тбилиси, 1965, стр. 176.

⁵⁸ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа..., стр. 157.

⁵⁹ Цит. по: М. А. Ашуккина-Зенгер, О воспоминаниях В. В. Бобарыкина о Лермонтове,— в кн.: «Литературное наследство», № 45—46, М., 1948, стр. 747.

⁶⁰ Мирза-Фатали Ахундов, Сочинения, Тбилиси, 1938, стр. 361.

⁶¹ См. В. Безъязычный, Чичероне дель К... О,— «Неделя», 1975, № 3 (775), стр. 8.

⁶² Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 4, стр. 698—700.

⁶³ Впервые была опубликована в «Литературных прибавлениях к „Русскому вивальдику“» от 20 и 28 января 1837 г.

⁶⁴ Прочитав указанную повесть П. П. Каменского, А. А. Бестужев-Марлинский 13 апреля 1837 г. писал своему брату Павлу: «Клянись Каменскому, читая его Келиш-бей — недурно, только зелено...» («Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 75). А вот что в 1838 г. писал В. Г. Белинский в рецензии на «Повести и рассказы» Каменского, куда вошел и «Келиш-бей»: «Если дело идет о Кавказе, то никогда не ищите в повести ничего тихого, веселого или забавного: повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резко, предательством, отцеубийством. Конечно, все это бывает в жизни... но ведь это только одна сторона жизни горцев: зачем же отвлекать только одну ее?» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1953, стр. 482).

⁶⁵ А. В. Фадеев, Россия и Кавказ..., стр. 361; Шадури, Декабристская литература..., стр. 573 и др.

⁶⁶ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2, стр. 401—404, 417—421, 423—424 и др.; № 4, стр. 706.

⁷⁰ Щербатов, Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский, т. III, СПб., 1891, стр. 230.

⁷¹ Речь идет о садзах (точнее, садзуа или асадзкуа)-джигетах (джики), занимавших территорию от Гагринских теснин до р. Хоста (Хамышь). Они делились на горных и береговых. Первые (ахчипсаа, айбгаа, псхуаа и др.), обитавшие в верховьях рек Мзымта и Псоу и в среднем течении Бзыби, были известны под названием «мджоаа» (в русских источниках «медовевцы»). Здесь господствовала главным образом княжеская фамилия Маршания (Маршан). Территория же, занятая прибрежными садзами, делилась на общества, связанные главным образом с наиболее знатными родами данного региона: Гечба (Геч), Арыдба (Арыд, Аред), Артба (Арт) и др. Эти общества северо-западных абхазских племен Ф. Ф. Торнау называл также княжествами и республиками (см. Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 46).

⁷² Убыхи занимали также часть Черноморского побережья между реками Хоста и Шахе: на востоке они граничили с абхазскими племенами, а на западе — с шапсугами и подразделялись на несколько племен. Этнически и лингвистически убыхи составляли промежуточное звено между абхазами и адыге (черкесы) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа.

⁷³ Термин «племя» здесь употребляется несколько условно. Разумеется, племена Западного Кавказа в XIX в. существенным образом отличались от племен первобытнообщинного строя. В данном случае речь идет лишь о полупатриархальных формах и родо-племенных пережитках, которые прикрывали классовые, феодальные отношения.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339, л. 63.

⁷⁵ Там же, д. 6302, л. 1.

⁷⁶ Декабрист В. С. Норов, в 1835—1838 гг. служивший в войсках, действовавших в районе Северо-Западного Кавказа, отмечал, что «все... побережье от Анапы до Гагр было еще мало известно», причем на участке Пшад—Гагра росли «дремучие леса, и продвигаться войскам было очень трудно» (ОРГБЛ, ф. 201 В. С. Норова, № 56, лл. 35, 63).

⁷⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312.

⁷⁸ «Русский архив», 1894, вып. 6, стр. 229.

⁷⁹ ЦГАА, ф. 833, д. 1, лл. 4—8.

⁸⁰ См. М. А. Полиевктов, Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., Тбилиси, 1946.

⁸¹ См. М. О. Косвен, Материалы... [ч. II],—КЭС, I, стр. 300—301.

⁸² Г. И. Филипсон, Воспоминания, стр. 98.

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234, лл. 59—70; д. 6239, лл. 9—10; д. 103212, лл. 1—28; 29—34; д. 146, лл. 1—3.

⁸⁴ АКАК, т. VIII, ч. I, стр. 380, 465—467; ч. II, стр. 635—637, 747.

⁸⁵ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 14.

⁸⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР, ф. 6, т. 41, лл. 50—51.

⁸⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 3029, лл. 20—31 об.

Надо отметить, что предпринимаемые правительством с 20-х годов систематические описания Кавказского края завершились в 1836 г. известным «Обозрением российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (ч. I—IV, СПб.). Кстати, в этих описаниях принимали участие и некоторые из лиц, близко стоявших к «Тифлиским ведомостям», где они помещали первоначальные наброски своих описательных работ. А издание этой газеты официальные лица рассматривали как первую попытку создать на месте разведывательный орган, обслуживающий интересы колониальной политики русского царизма на Кавказе. В «Тифлиских ведомостях», как уже отмечалось, помещался свежий и разнообразный материал, который нередко перепечатывался в столичных газетах (М. А. Полиевктов, Европейские путешественники по Кавказу..., стр. 49).

⁸⁸ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 13.

⁸⁹ АКАК, т. VIII, ч. I, стр. 380—381.

⁹⁰ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 14.

⁹¹ ЦГАА, ф. 833, д. 1, л. 9.

⁹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 1 об.

⁹³ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 14—18.

⁹⁴ Гасанбей (Хасанбей) Шервашидзе, третий сын владельца Абхазии Келешбей Шервашидзе, считался «кудельным» князем Гумской (Сухумской) Абхазии.

⁹⁵ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 28.

⁹⁶ См. «Вестник архивов Армении», Ереван, 1973, I (35), стр. 85.

⁹⁷ «Щебелдинское дело» завершилось в 1835 г. тем, что князя Маршания дали обещание не вторгаться в пределы побережья Абхазии, а Михаил Шервашидзе, владетель Абхазии, обязался не нападать на них и не обижать тех из них, которые станут приходить в его владения «без дурных намерений». Торнау «не мешался в самый ход дела, а только следил за ним со стороны, изучая его» (Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 49, 51).

⁹⁸ Там же, стр. 26.

⁹⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, л. 2.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 90.

¹⁰¹ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 23—49.

¹⁰² ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 113.

¹⁰³ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 42, 43, 45.

¹⁰⁴ Фредерик Д ю б у а д е М о н п е р э, Путешествие вокруг Кавказа, г. I, Сухуми, 1937, стр. 136.

¹⁰⁵ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 45—46, 48.

¹⁰⁶ Кстати, Х. Х. фон дер Ховен все рапорты и письма Торнау на его имя обобщил в одном рапорте от 25 июля 1835 г., адресованном и. д. генерал-квартирмейстера Главного штаба Ф. Ф. Шуберту (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, лл. 1—11). Заметим также, что сам фон дер Ховен собирал материал для подробной карты Кавказа, за что в 1836 г. его произвели в чин генерал-майора. Он сумел, добывая сведения от своих многочисленных «кунаков», составить детальную карту «непокоренных» частей Кавказа.

¹⁰⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, лл. 7—8.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 63—65, об. 80—80 об.; ф. 482, д. 57, лл. 1 об.—6 об., 7—11 об., 14 об.; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 3029, лл. 1—19.

¹⁰⁹ Она затем вошла — с небольшими изменениями — в книгу Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера» (ч. I, стр. 55—60).

¹¹⁰ М. О. Косвен, Материалы..., ч. II, — КЭС, II, стр. 150.

Тем не менее рассматриваемый документ, как увидим ниже, требует к себе критического отношения, поскольку он содержит ряд ошибочных и противоречивых положений и неточностей.

¹¹¹ ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21., л. 1а.

¹¹² Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 68.

¹¹³ ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 4—5, 63, 103—105 об., 110 об.

¹¹⁴ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 68, 69.

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 1; АКАК, т. VIII, ч. I, стр. 335.

¹¹⁶ ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 111, 111 об., 112, 114.

¹¹⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 32, л. 16 об.

¹¹⁸ АКАК, т. VIII, ч. I, стр. 381.

¹¹⁹ Профессор А. Н. Генко отмечал, что в дореволюционное время вообще «существовали целые группы абхазцев, систематически, из года в год, посещавших абазинские аулы, знакомившихся с их жизнью и бытом попутно, при совершении своих торговых операций по закупке скота и кубанского хлеба» (см. А. Н. Генко, Абазинский язык, М., 1955, стр. 9).

¹²² Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 106.

Многочисленная и сильная фамилия Лоо относилась к одной из

племенных абазинских групп — тапанта. К началу XIX в. эти абазины вместе со своими соплеменниками (тамовцы, бибердовцы и др.) занимали территорию по рекам Подкумка, Кума и Танлыку. Кроме того, две тысячи дворов Лоо в конце XVIII — начале XIX в. селились по рекам Большой и Малый Зеленчук, правобережью Кубани и ее левым притокам (Л. И. Лавров, Абазины, — КЭС, I, стр. 23 и сл.; Н. Г. Волкова, Этнический состав населения Северного Кавказа в XIX — начале XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1973, стр. 11).

¹²³ ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 67—79.

¹²⁴ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 70, 74.

¹²⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, л. 16 об.

¹²⁶ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 40—41, 70, 71, 112 и др.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 111 об., 112, 115.

¹²⁸ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 75.

¹²⁹ Там же, стр. 82, 83.

¹³⁰ Для того чтобы попасть на Северный Кавказ, в Абхазии с древнейших времен пользовались следующими маршрутами: Мзымта — Кбаада (Красная поляна) — верховья Большой Лабы; Бзыбь — Санчара — Большая Лаба; Бзыбь — Псху — Большой Зеленчук; Бзыбь — Псху — Санчарский перевал — верховья рек Уруп и Заадан; Гума — реки Гумиста и Келасури — горный перевал — верховья Большого и Малого Зеленчуков; Кодор — Лата — Клухор — р. Теберда; р. Сакен — р. Учкулан. По Кодорскому ущелью проходил главный маршрут. Очевидно, по этим маршрутам шло переселение абазин на Северный Кавказ. Так, через Санчарский перевал абазины могли проникнуть на р. Лабу, а оттуда — на Большой Зеленчук, в местность Аркыз («Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XVI, ч. 3, СПб., 1853, стр. 10—11; ч. 5, 1858, стр. 274; П. Н. Бжания, Из истории хозяйства абхазов, Сухуми, 1962, стр. 32, карта; Е. П. Алексеева, Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971, стр. 197).

¹³¹ Вот как описывает А. И. Лаврентьев эти места: «Все... дороги, почти без исключения, представляют тропинки, трудные даже для вьючного сообщения. В некоторых местах они лепятся по карнизам отвесных ущелий... над руслом реки, переходят через крутые и каменные овраги и обрывистые ущелья; иногда путь совсем прекращается, упираясь на отвесную скалу... При всем этом нужно еще иметь в виду препятствия со стороны рек, отличающихся чрезвычайной стремительностью течения... В некоторых местах, на означенных путях, через реки устроены висячие мосты, замечательные смелостью постройки» (А. И. Лаврентьев, Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства, — «Статистическое описание губерний и областей Российской империи...», т. XVI, ч. 5, СПб., 1858, стр. 274—275).

¹³² О кавказском зубре, самом крупном копытном в этих местах, в мире стало известно лишь в XVII в. Петербургская Академия наук долгое время не верила в существование его на Кавказе. Во всяком случае, записка академика Г. М. Ловица от 1774 г., сообщавшая о наличии на Кавказе этого млекопитающего, была расценена как несерьезная. А группы ученых — участников экспедиции 1829—1830 гг. — на основании найденных ими нескольких черепов

зубров сделали поспешный вывод об исчезновении этих животных 60—80 лет назад (А. Блех, Возвращение зубра,— «Неделя», 1870, № 52). Поэтому, очевидно, и писал П. Надеждин: «Но особенного внимания заслуживает открытие Торнау в лесистых горах Малой Абхазии зубра, животного, которого до сих пор находим только в одной Беловежской пуше, в Гродненской губернии» (П. П. Надеждин, Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, по рассказам путешественников, поэтическим произведениям А. Пушкина, Лермонтова, Я. Полонского и ученым исследованиям. Учебное пособие для учащихся, СПб., 1869, стр. 97). Однако и профессор А. Д. Нордман, совершивший одновременно с Торнау, т. е. весной 1835 г., путешествие по Западному Кавказу, в кратком отчете об этом путешествии отмечал: «В горах и лесах, между Абхазиею и Джигетскою областию, а именно в округе Заадан, живет зубр *Bos urus* L., по-абхазски а до м п е» ([А. Д. Нордман], Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю,— «Журнал Министерства народного просвещения», 1838, № 11, стр. 419). Удивительное совпадение. Зубра на Кавказе после Торнау видели и другие (см. «Известия Кавказского общества любителей естествознания и Альпийского клуба», Тифлис, 1879, кн. I, стр. 47—61; 1880, кн. II, стр. 6—8). А в 1883 г. известный кавказовед А. П. Берже писал: «В сосновых лесах, по верхнему Зеленчуку и другим притокам, попадается исчезающий везде в Западной Европе зубр, который сохранился только на Кавказе и в Гродненской губ., в Беловежской пуше» (Ад. Берже, Горные племена Кавказа,— «Живописная Россия», СПб., 1883, т. IX, стр. 144). См. также Н. Динник, Горы и ущелья Кубанской области,— ЗКОРГО, 1884, кн. XIII, вып. 1, стр. 359—361; В. И. Немирович-Данченко, В гостях, СПб., 1880, стр. 85.

¹³³ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 99.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 105, 106, 110.

¹³⁶ ЦГИАГ, ф. 416, оп., 2, д. 23, л. 22.

¹³⁷ Там же, оп. 3, д. 23; лл. 24—32 об., 33—34.

¹³⁸ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 112.

¹³⁹ Ад. Берже, Краткий обзор горских племен на Кавказе,— «Кавказский календарь на 1857 год», Тифлис, 1858, стр. 267, 271.

¹⁴⁰ Н. Марр, Батум, Ардаган, Карс. Исторический узел международных отношений Кавказа, Пг., 1922, стр. 5.

¹⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 11.

¹⁴² Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 111—112, 116.

¹⁴³ Н. В. Майер получил «очень хорошее домашнее воспитание», а затем окончил Медико-хирургическую академию. Его отец был «уважаемый ученый секретарь одной Академии». На формирование умонастроения Н. В. Майера большое влияние оказали особые условия его воспитания, окружение. С детства он получил возможность пользоваться книгами и журналами, которые его отец, как ученый секретарь Академии, получал непосредственно из-за границы. Это давало возможность Майерам следить за политическими событиями и движением умов в Западной Европе. Майер-отец имел друзей даже среди итальянских карбонариев (Г. И. Филиппсон, Воспоминания, стр. 106).

¹⁴⁴ Там же, стр. 106, 107.

¹⁴⁵ Н. Бронштейн, Доктор Майер,— в кн.: «Литературное наследство», М., 1948, №№ 45—46, стр. 473.

¹⁴⁶ Г. И. Филиппсон. Воспоминания, стр. 108.

¹⁴⁷ Н. И. Лорер, Записки декабриста, стр. 189.

¹⁴⁸ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 171.

¹⁴⁹ В. Шадури, Декабристская литература..., стр. 226—227.

¹⁵⁰ Там же, стр. 226—232; Н. Бронштейн, Доктор Майер, стр. 476, 490.

¹⁵¹ А. В. Попов, Декабрист А. А. Бестужев в Ставрополе,— в сб. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. I, Ставрополь, 1949, стр. 120—121.

¹⁵² ЦГВИА, ф., 548, оп. 3, д. 21, л. 29.

¹⁵³ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 111.

¹⁵⁴ Известно, что против царского правительства выступали и отдельные группы горских феодалов. Они старались вовлечь в борьбу широкие массы своих соплеменников, недовольных колониальным режимом царизма. Но, потерпев неудачу в этих восстаниях, некоторые из них с подвластными крестьянами уходили за Кубань, которая до Адрианопольского мира была границей русских владений на Северном Кавказе. Анапский же паша с «радушным и даже почетом» принимал таких беглецов и селил их на Урупе, в ближайшем соседстве от границ русских владений. А эти «оскорбленные в своем достоинстве» князья «пылали мщения... и охотно становились во главе всякого военного предприятия, принимая на себя предводительство партиями» («Утверждение русского владычества на Кавказе», под ред. г.-м. Потто, т. III, ч. 2, Тифлис, 1904, стр. 101). После Адрианопольского договора, когда Закубанье вошло в состав России, аулы «беглых» горцев были вместе с другими аулами переселены из бассейна Урупа на берега Малого и Большого Зеленчуков и на правый берег Кубани («Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 97).

¹⁵⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», стр. 87.

¹⁵⁶ Т., Воспоминания кавказского офицера ч. II, стр. 9—11, 17

¹⁵⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, лл. 74—76.

¹⁵⁸ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 37—39.

¹⁵⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, лл. 5—5 об.

¹⁶⁰ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 53.

Командир Отдельного Кавказского корпуса в июле 1836 г. писал: «Пункт сей должен служить опорой будущим наших действий и как первое укрепление, занятое нами с сей стороны, среди многолюдного населения» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6311, л. 11). При чем количество этого населения (джигетского) он определял в 5 тыс. дворов (там же, л. 4).

¹⁶¹ Торнау ошибочно называет его Малашевским.

¹⁶² Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 59—60.

¹⁶³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, л. 36.

¹⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18510, лл. 1—8 об., 9—19 об.; д. 20600.

¹⁶⁵ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 62.

¹⁶⁶ В начале 1840 г. на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа вспыхнуло всеобщее восстание, в результате чего была прервана береговая линия (пали Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и другие укрепления). В этом выступлении горцев извест-

ную роль сыграла подрывная деятельность английских и турецких агентов.

¹⁶⁷ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 61.

¹⁶⁸ Краткое описание этих путешествий см. АКАК, т. VIII, ч. I, стр. 381.

¹⁶⁹ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 61.

¹⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, лл. 24—24 об.

¹⁷¹ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 63.

¹⁷² Речь идет о тех кабардинских феодалах, которые, потерпев поражение в восстаниях 1804, 1813 и 1822 гг., вызванных попыткой царизма ограничить их судебные права, бежали с подвластными им крестьянами за Кубань (см. прим. 154).

¹⁷³ В других случаях Торнау называет его Беспановым (см., например, Барон Торнау, Записки русского офицера...).

¹⁷⁴ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 64—65.

¹⁷⁵ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 243.

¹⁷⁶ Г. И. Филипсон, Воспоминания, стр. 97.

¹⁷⁷ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 67.

¹⁷⁸ Там же, стр. 76.

¹⁷⁹ Между прочим, генерал Г. И. Филипсон был несправедлив, когда писал, что Мамат-Кирей Лоо, «отправляясь к немирным абадхам, продал порученного ему капитана Генерального Штаба барона Торнау» (Г. И. Филипсон, Воспоминания, стр. 97).

¹⁸⁰ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 103.

¹⁸¹ Там же, стр. 120.

¹⁸² [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 230.

¹⁸³ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, 112—113.

¹⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 24.

¹⁸⁵ А. Гакстгаузен, Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями, СПб., 1857, стр. 83.

¹⁸⁶ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 243.

¹⁸⁷ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 170.

¹⁸⁸ А. Е. Розен, Записки декабриста, стр. 259.

¹⁸⁹ Вот какую характеристику дает Торнау генералу А. А. Вельяминову: «Александр Александрович Вельяминов, бесспорно, принадлежал к числу наших самых замечательных генералов. Умом, многосторонним образованием и непоколебимую твердостью характера он стал выше всех личностей, управлявших в то время судьбами Кавказа. Никогда он не кривил душой, никому не лгнул, правду высказывал без обиняков, действовал не иначе, как по твердому убеждению и с полным самозабвением... Я не встречал другого начальника, пользовавшегося таким сильным нравственным значением в глазах своих подчиненных... Горцы, знакомые с ним исстари, боялись его гнева как огня, но верили слову и безотчетно полагались на его справедливость» (Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 3, стр. 128—129). Г. И. Филипсон, также хорошо знавший А. А. Вельяминова, писал: «А. А. Вельяминов получил хорошее образование, а от природы был одарен замечательными умственными способностями... Хорошо, основательно учился и много читал... Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей конца XVIII века... с властью держал себя самостоятельно... не было и нет другого, кто бы

так хорошо знал Кавказ, как А. А. Вельяминов... как в военном деле, так и в мирной администрации это был самобытный и замечательный деятель» (Г. И. Филиппсон, Воспоминания, стр. 110—111, 113).

¹⁹⁰ Н. И. Лорер, Записки декабриста, стр. 217.

¹⁹¹ Г. И. Филиппсон, Воспоминания, стр. 115.

¹⁹² Бентковский, Генерал-лейтенант А. А. Вельяминов, — «Ставропольские губернские ведомости», 21.III.1881.

¹⁹³ А. С. Грибоедов, Сочинения, Л., 1945, стр. 498.

¹⁹⁴ Е. Г. Вейденбаум, Кавказские этюды..., стр. 290.

¹⁹⁵ В. Шадури, Декабристская литература..., стр. 238.

¹⁹⁶ [Н. Гастфрейн], Товарищи Пушкина по Императорскому Царскому лицейу, т. I, СПб., 1912, стр. 138—139.

¹⁹⁷ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 170—171.

¹⁹⁸ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 231.

¹⁹⁹ Е. Г. Вейденбаум, Кавказские этюды..., стр. 310.

²⁰⁰ А. Ф. Смирдин (1795—1857) — издатель и книгопродавец, значительная и интересная фигура в литературном мире пушкинского времени. Он был, в частности, основным издателем произведений А. С. Пушкина.

²⁰¹ А. В. Никитенко, Дневник, т. I..., стр. 207.

Материал о запрещении распространения портрета А. А. Бестужева-Марлинского, помещенного в издании «Сто русских литераторов», см. ЦГАОР, ф. 109, III отд., I экспед., [д.] 61, ч. 53.

²⁰² Эти предварительные материалы, собранные Ф. Ф. Торнау, немедленно, за две недели до его отъезда с Кавказской линии, повез в Петербург лично фон дер Ховен.

²⁰³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192, лл. 1, 2, 7.

²⁰⁴ С 1893 г. — Двинск, в настоящее время — Даугавпилс.

²⁰⁵ С 1839 г. Н. В. Майер в качестве главного доктора служил при штабе генерала Н. Н. Раевского — начальника Черноморской береговой линии. В это время он жил уже в Керчи, разъезжая для осмотра госпиталей береговых укреплений. В письмах декабриста Н. И. Лорера постоянно упоминается его имя (см. Н. И. Лорер, Записки декабриста, стр. 373—374). В одном из них, на имя декабриста М. М. Нарышкина, говорится: «Я постоянно переписку веду с Майером и Розеном. Наш Николай Васильевич начинает хворать, в письмах его нет прежней энергии, нет веселья и соли». Н. В. Майер умер в 1846 г. в Керчи (Н. Бронштейн, Доктор Майер, стр. 492—493).

²⁰⁶ Т., Воспоминания Кавказского офицера, ч. II, стр. 171.

²⁰⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192, лл. 11—12; АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII.

²⁰⁸ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 238.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ А. В. Никитенко, Дневник, т. I..., стр. 242.

²¹¹ [Торнау], Государь Николай Павлович, стр. 228.

²¹² Г. И. Филиппсон, Воспоминания, стр. 98.

²¹³ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 228—230.

²¹⁴ См. ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192, лл. 14—39 об.; ф. ВУА, д. 18511, лл. 1—18.

Последняя работа была напечатана под заглавием «Горские

племени, живущие за Кубанью и по берегу Черного моря от устья Кубани и до Ингура» («Кавказ», 1850, № 94—96, 98).

²¹⁵ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 231, 248.

²¹⁶ Послужной список Ф. Ф. Торнау.

²¹⁷ [Торнау], Государь Николай Павлович..., стр. 234, 241.

²¹⁸ См. А. Юров, 1843-й год на Кавказе,— «Кавказский сборник», 1882, т. VI, стр. 142—147, а также Приложение IX, стр. 25.

²¹⁹ Статья была написана в октябре 1880 г. в Вене и опубликована в «Русском архиве» (1881, кн. II (2), стр. 425—470).

²²⁰ Т., Гергебиль, стр. 425, 428—429, 459.

²²¹ Торнау женился в 1842 г. на княжне Екатерине Александровне Черкасской, племяннице супруги командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта А. И. Нейдгарта. В послужном же списке Ф. Ф. Торнау отмечено, что он был женат «на купеческой дочери Екатерине Александровне».

²²² Об этой экспедиции см. А. Юров, 1844-й год на Кавказе.— «Кавказский сборник», 1883, т. VII, стр. 157—373.

²²³ Полное название — «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии» (СПб., 1874). На страницах сборника сошлись и революционные демократы (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. С. и Н. С. Курочкины, Д. Д. Минаев), и либералы (И. С. Тургенев, А. Д. Градовский, П. В. Быков, П. И. Вейнберг), и консерваторы (А. К. Толстой, И. А. Гончаров, А. Н. Майков), и даже крайние реакционеры вроде М. П. Погодина и В. П. Мещерского (последний входил в редакционный комитет «Складчины...»). Идеиная пестрота этого издания вызвала резкие отклики радикальной печати. Сборник разошелся в течение нескольких недель. См. А. В. Никитенко, Дневник, т. 3. 1866—1877, М. 1956, стр. 306—307, 464—465 (прим. И. Я. Айзенштока).

²²⁴ Т., Гергебиль, стр. 469.

²²⁵ См. «Русская старина», СПб., 1881, т. XXXII, декабрь, стр. 691.

²²⁶ Послужной список Ф. Ф. Торнау; Некролог Ф. Ф. Торнау.

²²⁷ Т., Воспоминания о кампании 1829 года..., стр. 5.

²²⁸ Болгарский город Силистра на правом берегу Дуная.

²²⁹ Послужной список Ф. Ф. Торнау; Некролог Ф. Ф. Торнау.

²³⁰ [Ден]. Записки Владимира Ивановича Дена,— «Русская старина», 1890, № 7, стр. 170.

²³¹ Т., Великая княгиня Елена Павловна, стр. 307—308.

²³² «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. V, М., 1968, стр. 231.

²³³ С. К. Бушув, А. М. Горчаков, М., 1961, стр. 89.

²³⁴ Т., Великая княгиня Елена Павловна, стр. 307—310.

²³⁶ Послужной список Ф. Ф. Торнау.

²³⁷ Некролог Ф. Ф. Торнау.

²³⁸ «Исторический вестник», 1872, № 1.

²³⁹ Между прочим, сам Ф. Ф. Торнау неоднократно писал о «разборе» своих «старых, залежавшихся бумаг» О «ненпечатанных бумагах» Торнау писали и другие лица (см., например, «Исторический вестник», 1897, № 1, стр. 50).

²⁴⁰ А. В. Никитенко, Дневник, т. 3..., стр. 362—363.

²⁴¹ И. Ф. Масанов, Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. IV, М., 1960, стр. 473.

²⁴² Г. Казбек, Военная история Грузинского гражданского е. и. в. великого князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны, Тифлис, 1865, стр. 144.

²⁴³ Орывок из этого произведения, относящийся к путешествию Ф. Ф. Торнау в 1835 г. через Главный Кавказский хребет на Северный Кавказ, под тем же названием, но с пропусками был издан в «Известиях Кавказского общества любителей естествознания и Альпийского клуба» (кн. I).

²⁴⁴ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. III. Библиографический указатель источников к первым двум книгам, СПб., 1871, стр. 22.

²⁴⁵ ИРЛ, Рукописный отдел, ф. 274, оп. 1, № 355, лл. 3 об.—4.

²⁴⁶ На этот интересный факт мое внимание обратил ленинградский ученый профессор Л. И. Лавров.

²⁴⁷ «Складчина...», стр. 73.

²⁴⁸ Кавказские войска, по словам Торнау, «обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского огня» (Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 22).

²⁴⁹ А. Н. Генко, О языке убыхов, — «Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук», Л.—М., 1928, стр. 227.

²⁵⁰ В. К. Гарданов, Общественный строй адыгских народов, М., 1967, стр. 28.

²⁵¹ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 56.

²⁵² Ад. Берже, Горные племена Кавказа, стр. 72.

²⁵⁴ АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII.

²⁵⁵ См. М. О. Косвен, Материалы..., ч. III, стр. 268.

Надо иметь в виду, что, как уже подчеркивалось, в рассматриваемое время Кавказ — малоизвестный край. Значительная отдаленность его от центральной части Европейской России, недоступность, обусловленная обстановкой военных действий и трудными путями сообщения, плохая изученность страны — все это способствовало тому, что у очень многих современников Торнау представления о Кавказе были неверны и даже фантастичны. Любопытный читатель мог почерпнуть сведения об этом крае лишь в трудах географического или военно-статистического характера (Л. П. Семенов, Пушкин на Кавказе, Пятигорск, 1937, стр. 7—8).

²⁵⁶ См. М. О. Косвен, Материалы... [ч. I], стр. 369.

²⁵⁷ [Н. М. Альбов], Этнографические наблюдения в Абхазии, — «Живая старина», СПб., 1893, вып. III, стр. 298.

²⁵⁸ Н. М. Альбов, Ботанико-географическое исследование в Западной Закавказье в 1893 году, — ЗКОРГО, 1894 кн. XVI, стр. 145.

²⁵⁹ Н. А. Котляревский, Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев, СПб., 1907, стр. 701.

²⁶⁰ Как видно, автор «Воспоминаний кавказского офицера» для М. Броссе оставался загадкой, анонимом.

²⁶¹ «Сочинение Торнова по своему интересу не уступает романам, кипящим содержанием» («Разведчик», СПб., 1890, № 19, стр. 99). А. В. И. Ден писал, что «Воспоминания» Торнау — «сочинение, преисполненное интереса по содержанию, представляет еще особенную прелесть изящною формою изложения» (Ден, Записки..., стр. 170).

²⁶² Л. П. Семенов, Пушкин на Кавказе, стр. 46, 110.

²⁶³ Имеется в виду нападение 13 июня 1853 г. чеченцев на пятерых русских офицеров, в числе которых был Толстой. Этот эпизод описан в воспоминаниях В. П. Полторацкого («Исторический вестник», 1893, № 6, стр. 672) и в «Воспоминаниях о гр. Л. Н. Толстом» С. А. Берса (Смоленск, 1894, стр. 9).

²⁶⁴ См. Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 21, М., 1957, стр. 668.

²⁶⁵ Подробнее об этом см. Г. А. Дзидзария, Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке, Сухуми, 1958, стр. 190—191, 311—312.

²⁶⁶ ИРЛ, Рукописный отдел, ф. 274, оп. 1, № 355, л. 5.

²⁶⁷ См. И. Семенко, Поэтическое наследие декабристов,— в кн.: «Поэты-декабристы», Л., 1960, стр. 17.

²⁶⁸ Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 36.

²⁶⁹ «Исторический вестник», 1897, № 1, стр. 50.

²⁷⁰ ИРЛ, Рукописный отдел, ф. 274, оп. 1, № 355, лл. 11—11 об., 13, 15.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Из докладной записки Ф. Ф. Торнау командующему Абхазским отрядом полковнику А. Г. Пацовскому о князьях бзыбских Инал-ипа и садзских (джигетских) Аредба и Цанба

3 января 1835 г., Бамбора

...Из того, что я досель мог узнать, оказалось, что некоторые абхазские фамилии не только что находятся в сношениях с джигетами, но между ними имеются и родственные связи, навещают друг друга часто и хранят свято между собой права гостеприимства, по обычаю существующие между всеми горцами.

В особенности Нарчоу, сын его Ростом и Долт-Мирза (пожалованный прапорщиком), князя Инал-ипа, проживая на Бзыби, по близкому соседству с джигетами связаны с ними узами родства и более других абхазцев с ними сближены.

Сильнейшие фамилии из соседственных Абхазии джигетов — Цанба, в с. Цандриш живущие, и братья Аредба, имеющие свое селение близ мыса Адлер... Они съезжаются с Инал-ипа и могут, если только захотят, меня провести до Геленджика. Остается склонить к сему кого-либо из них, надеюсь успеть в этом, познакомившись предварительно с ними, что я смогу сделать посредством одного из Инал-ипа и с помощью прапорщика Шакрыла, абхазского уроженца, который кроме природного языка своего знает и турецкий и, служа в одно время и переводчиком и проводником по Абхазии, много может способствовать... Считаю бы я нужным также назначить прапорщику Шакрылу во время поездок его со мною... казенное содержание: бедность его семейства дает ему на сие право... *.

*Описание части восточного берега
Черного моря от р. Бзыби до р. Саше
25 ноября 1835 г., Тифлис*

Хребет Кавказских гор, которого последняя высота на западе, покрытая вечным снегом, есть гора Сагдан (Ошген), разделившись на две главные отрасли, одною из них уперся около Гагр круто в море, другою, поворотив на север, оканчивается не доходя Анапы распустив по всем направлениям отроги лесистых высот, примерно понижающихся по мере приближения их к морю и к Кубани.

* ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 4—5.

Река Бзыбь, но более еще хребет гор, которого начало у горы Сагдаи, а крайняя оконечность близ укр. Гагр, резко отделили от покорной нам Абхазии пространства земли, населенные садзами и сашою, живущими по берегу моря, медовеевцами и убыхами, прислонившимися к юго-западной покатости каменистого хребта Кавказских гор...

Далее на север, не находя особенной преграды в лесистых горах, далеко уступающих в высоте и крутости хребтам, снеговому и каменистому, шапсуги распространились от Кубани к берегу моря, близ которого разделились на отдельные вольные общества, мало связанные с жителями гор и плоскости кубанской, им одноплеменными.

Ближе к Анапе берег моря занят поколением черкес, или адыге, известным под названием натухайцы.

Пространство земли и число народонаселения

Полоса земли, заключающаяся между берегом Черного моря, хребтом Кавказских гор и реками Сочи и Бзыбом, представляет до 4000 кв. верст пространства, заселенного повсюду, где только местность представила малейшее уголье для жительства. Число народонаселения весьма трудно определить, видев даже места, ибо дома разбросаны по высотам и ущельям, следуя течению рек, на довольно значительное протяжение. С первого взгляда оно покажется значительнее, чем действительно есть, когда станешь заключать по количеству жилищ о числе народонаселения, встречая повсюду купы домов, которые обыкновенно занимают одним семейством. Узнать о народонаселении у туземцев также трудно, ибо они его сами не знают и никогда не заботились о числе его. Ни один из владельцев и князей не знает наперное, сколько ему повинуются народу. Приблизительно можно положить, что всего на сем пространстве поселено до 2300 семейств, но отнюдь не более; полагая в семье до 5-ти душ мужского и женского полу все народонаселение представит около 11 500 голов... это слишком мало; по пространству 4000 кв. верст... легко может быть и втрое более.

Горы и долины

От главного хребта проходят на юго-запад отроги лесистых гор, которыми покрыто все пространство земли между реками Сочи и Бзыбом. Ущелья, по которым протекают главные реки... представляют возможность селиться, но они вообще тесны, и скат их к морю стремителен, что делает здешние реки чрезвычайно быстрыми и причиною скорых изменений в состоянии вод.

Горы, подходя к морю, приметно понижаются и каменистые в начале своем близ одного представляют почву глинистую и иловатую. Хребты более замечательные по высоте своей на сем пространстве, следующие.

1) Около укр. Гагр упирается в море и каменистою подошвою своею от укрепления на север на расстоянии 2-х верст в бурную погоду совершенно прерывает сообщение по берегу.

2) Между реками Сочи и Мца касается моря, не вредя сообщению по берегу.

3) Между реками Мцою и Худапсом, подходя к морю, оканчивается отдельно довольно значительной горою, по покатосям которой расположено сел. Хамышь.

4) Хребты гор по течению рек Мдзимта и Псоу, в начале своем представляющие ряды обнаженных скал, понижаясь мало-помалу, несколько не доходя моря, превращаются в лесистые холмы.

Самая значительная плоскость по всему пространству от Сочи до Бзыба есть долина Лиешь, образующая близ истока Мдзимты мыс, известный у нас под названием Адлера. Пространство она может представить около 60 кв. верст, обнаженных от лесу только на Св. (Север.—Г. Д.) от Мдзимты на расстоянии 3-х в. в длину и с лишком 2-х с половиною в ширину.

Долина по течению Сочи близ самого моря, после Лиешь, есть обширнейшая.

Есть, кроме того, долины по течениям рек Мца, Худапс, Псоу и Хучупсу, но они весьма незначительны, находятся в недалеком расстоянии от моря и, протянувшись на 1, 2, много 3 версты, стесненные снова горами, превращаются в узкие ущелья, только достаточные для протока рек.

Р е к и

Кроме Бзыба, совершенно принадлежавшего Абхазии, по сему пространству протекают еще три реки, в быстроте и глубине вод и широте ложа ему подобные, они суть: Сочи, Мдзимта и Псоу. Мца, Худапс, Хучупсу, Бегеуча, или Багрыпш, и Агис уступают в величине помянутым рекам, которых характер одинаковый с водами Абхазии: мелкие в течении своем во время маловодия, они в мае и июне месяцах, когда тает снег в горах, наполняются с неимоверной скоростью и тогда быстрые и глубокие... ворочают с ложа огромные камни. Кроме сих рек втекает в море еще множество притоков, заметных только во время полноводия; в другое же время устья их забито песком, или они, размыв оный узкою струею, обозначают исток свой.

В мелководие все помянутые воды проходимы вброд как при самом истоке их в море, так и несколько выше. Во время прибой с моря переправа около устья иногда делается опасною через реки Сочи, Мдзимту и Псоу, но всегда возможна.

В полноводие броды выше предпочтительны бродам по устью сих рек, ибо они там, где ложе их состоит из наносного песку и мелкого хряща, быстротою течения часто вырывают ямы, и нежданно находишь глубину в местах, где было мелко.

Реки Сочи, Мдзимта и Псоу имеют начало свое в вершине Главного хребта Кавказских гор и текут на юго-запад, вливаясь в море одним устьем, соединяющим множество рукавов течения их.

Сочи выходит из гор противу истока Белой речки... текущей на северо-запад по другую сторону хребта, и отделяет племя абадза, или абазин, от убых, жительства коих начинаются от правого берега сей реки.

Мдзимта имеет начало свое противу истока Малой Лабы, течет верст на 15 в крутых обрывистых берегах, образуя множество водопадов, потом по лесистому ущелью и, наконец, перерезав долину Лиешь, по которой протекает тремя главными и множеством побочных рукавов, одним устьем впадает в море.

Псоу вытекает из острога высоты Сагдан, дающей начало Большой Лабе, и в течении своем подобна Мдзимте; трудно определить на глаз, которая из сих рек значительнее, особенно не видав их в полноводие, когда они собственно делаются достойными замечания в отношении препятствий...

Леса и пастбищные места

Вся юго-западная покатость Кавказских гор вплоть до самого моря покрыта густым лесом, представляющим весьма немного открытых мест для пастбищ и для полей. На пространстве от Сочи до Бзыба они все обозначены жилищами и находятся только по ущельям рек или по высотам Главного хребта... по расселинам обнаженных скал дают самую скудную пищу небольшим стадам коз, коих преимущественно водят жители сего края. Леса около Главного хребта сосновые, ниже — лиственные, близ моря же — фруктовые, перевитые колючкою, делающей их большей частью неудобопроходимыми.

Обширных пастбищных мест, кроме [как] на долине Лнешь и по Сочи, не существует.

Климат

В горах воздух чист и здоров; по берегу моря летние жары совокупно с испарениями моря и сырых лесистых берегов производят лихорадки и другие губительные болезни.

Места по устьям Сочи и Мдзимты, несколько обнаженные от лесу, более здоровы.

Произведения

Произведения — одинаковые с Абхазией.

Из царства животных водятся здесь в небольшом количестве лошади, ослы, буйволы, порода малорослых коров, изредка бараны и козы. В горах немного диких зверей, по скалам Главного хребта есть туры и альпийские козы, [а] также медведи; ближе к морю водятся куницы и зайцы; леса наполнены шакалами.

Из домашних птиц видны одни куры, диких же — только можно заметить голубей, а по берегу моря — гусей и других, рыболовных птиц.

Из царства растительного находятся по лесам и около аулов произрастающие без всякого присмотра яблони, груши, орехи, вошьские и простые, в большом количестве каштаны, персики и виноград, не уступающий в величине ягод и во вкусе садовому, произведением которого занимаются в Закавказском крае. Произрастают хорошо кукуруза, гоми* и пшеница. Из огородных овощей видны огурцы, тыква и редька.

Строевого лесу множество пород: по высотам тор и по ущельям рек около Главного хребта — сосна и береза, ниже — дуб, клен, потом ясень, бук, орех, каштан и около моря — пальма. По берегу моря видны в разных местах небольшими кучами и сосновые деревья, как то: между Гаграми и реками Хучупсу и близ реки Сочи.

* Вид проса (в Приложении все примечания даны автором настоящей монографии).

Из царства ископаемого жителям здешнего края неизвестно никакое произведение.

От реки Бзыба до р. Сочи обитают абазины — поколение, одноплеменное с абхазцами, говорящее с ним [одним и] тем же языком, без всякого приметного изменения. Называют они себя сами абадзою, иногда и садзами, под каким названием более известны соседям своим, ибо абадза — слишком общее название и принадлежит всему племени, колена которого находятся и на северо-восточной покатости Кавказских гор и распространились до самой Кубани.

Оклад лица, одежда, вооружение, образ жизни, обычаи и понятия их ни в чем не отличаются от других горцев сего племени, разве только в том, что они далеко уступают в воинственности племенам, обитающим по Кубани... Места, занимаемые ими, горы и леса сделали из них пещих воинов и хороших стрелков; особенно отличаются целною стрельбою медовеевцы, в чем им должно отдать полную справедливость, как и в неутомимости, с которою делают по горам пещие переходы. Конницы у них нет: недостаток в пастбищных местах не позволяет садзам иметь лошадей, и только князья и уздени обладают оными в небольшом количестве. Вообще садзы дерутся только по лесам и в враждах своих с черкесами стараются ставить засады, не смея с ними мериться в открытом бою.

Добродетель садзов, общая... со всеми горцами, — гостеприимство, которое свято соблюдается.

Религия

Невзирая на частые сношения с турками и на пребывание сих последних по берегу моря, магометанская религия не распространилась между абазинами, одни только князья и уздени ее исповедуют, и те держатся весьма слабо предписываемых ею правил и обрядов. Народ же не имеет никакой религии, но полон суеверия и предрассудков, обнаруживающих смесь магометанства с идолослужением. Медовеевцы менее других имеют религиозные понятия.

Промыслы и торговля

Хлебопашество и скотоводство суть единственные отрасли промышленности, известные жителям здешнего края; садоводством они не занимаются, природа сама заботится о снабжении их плодами всякого рода. Пчел [раз]водят у медовеевцев и по берегу моря.

Поселение в тесных местах, не представляющих возможность разводить стада, [и] необходимость пропитания заставили их обратить внимание на хлебопашество и заняться им с тщанием. Около селений все почти пространство, за лесом и камнем удобное к вспашке, засеяно, но оно обыкновенно столь невелико, что дает жатвы едва достаточно для собственного их прокормления. Сеют кукурузу, гоми и в небольшом количестве пшеницу; у медовеевцев есть и овес. В некоторых местах, по берегу моря, разводят с успехом табак.

Медовеевцы и в хлебе терпят нужду, так что Маршания каждую осень выходят на линию, выпрашивая там у родичей своих и знакомых пшеницы и проса для пополнения зимнего запаса.

Рогатого скота весьма немного, как и баранов, так что зажиточные даже люди между садзами и медовеевцами обладают не более как 10-ю или 20-ю коровами и 30-ю или 50-ю баранами. Стада коз, пасущихся по горам, значительнее. В лошадях совершенный недостаток, родящиеся здесь — малорослы и слабосильны в сравнении с лошадьми Кавказской линии, но отличаются искусством ходьбы по трудным горным тропам.

Садзам и медовеевцам неизвестны даже промыслы, которыми занимаются горцы северной покатости хребта. Сукна для одежды, здесь приготовляемые, чрезвычайно грубы и непрочны; полотно из конопля, делаемое у медовеевцев, дурно. В оправе оружия и в приготовлении одежды они совершенно отстали от других горцев.

Торговля их ограничивается меною между собою и с турками, которые их снабжают необходимым для одежды — бумажным, шерстяным и шелковым товаром самого низкого разбору, [а также] оружием, порохом, свинцом и солью, в которых они терпят совершенную нужду. Променивают туркам пальмовое дерево, мед, воск и чаще всего женщин и мальчиков. Порох делают в некоторых селениях, между прочим и в Ахчипсу, за свинцом ходят в Абхазию, к Гумисте*.

Гражданский быт

Народ мало повинуется князьям и дворянам, которым обычай, некоторый достаток и личная храбрость дают право на уважение своих соотечественников, не предоставляя между тем никакой власти. В совете, когда князь известен храбростию, когда умеет увлечь толпу и согласовать намерения свои с желаниями народа, то может ожидать некоторого повиновения, и то только временного. Непостоянство характера и легкомыслие заставляют здешний народ бесправно разделяться, имея в виду одни частные выгоды.

Садзы числом хотя и не слабее убых и медовеевцев, но совершенно находятся под влиянием первых и часто переносят обиды от последних, причиною тому: согласие между собою убых, которым нетрудно управиться с садзами через разделение свое на отдельные общества и неприступность мест, занимаемых медовеевцами, которым для хищничества легче спускаться к морю, чем садзам для отомщения им идти в горы.

Разделение на общества

Абадза, населяющая восточный берег Черного моря от Бзыба до Сочи**, разделяется на множество обществ, независимых одно от другого, вольных, неповинующихся никакой власти. В каждом обществе есть одна или две фамилии, которые по древности рода, по достатку и по многочисленности пользуются общим уважением и неприкосновенностью, основанною на числе кровомстителей, которых они могут выставить в случае обиды, нанесенной одному из членов ее. Народной вражды между сими обществами не существует.

* В ущелье р. Гумисты издавна существовал свинцово-серебряный рудник.

** Правильно — до р. Хосты.

вует, что не мешает отдельным семействам предаваться распрям, часто нарушающим общее согласие.

Обществ столько же, сколько селений, они следующие.

1) Ахчипсу, у верховья реки Мдзимты... расположено по покатолям и на небольших полянах при подошве гор, образующих ущелья помянутых рек. Дома (которых всего до 200), отстоящие один от другого на довольно значительное расстояние, разбросаны на протяжении 5-ти верст почти, и каждое семейство имеет около жилища своего сад и небольшое поле, засеянное кукурузою и томи. Сообщение в самом селении чрезвычайно затруднительно и представляет узкую каменистую тропинку, часто заваленную огромными массами камня... круто теряющуюся над обрывистым берегом Мдзимты, через которую существуют 2 висячих моста, подле коих есть и броды для переправы лошадей. Господствующая здесь фамилия Маршания чрезвычайно многочисленна, старший и более уважаемый в народе есть Дударуква Багаркан-ипа Маршания.

2) Аибга, у верховья р. Псоу, несколько менее Ахчипсу и вмещает до 180 семейств, также заселено Маршаниями; кроме них в сем селении есть еще уздени Вахох, Тлабог и Кота, имеющие некоторый вес в народе.

3) Чужгуча, на р. Чужипсы, впадающей в Мдзимту; селение его простирается до 100 семейств, построенных жилища своею по лесистым высотам около течения сей реки. Они беднее жителей Ахчипсу и Аибга, чему причиною теснота мест, не представляющая угодий, коими пользуется население помянутых деревень. И здесь Маршания имеют первенство в народе, старшим и более зажиточным в сем селении считается Каздатук Дударуква Маршания.

Селения Ахчипсу, Аибга и Чужгуча, находясь в недалеком расстоянии одно от другого, в местах, равно укрепленных природою, через фамилию Маршаниев, их населяющих, тесно связаны между собою, и в соединении известно соседям своим под названием *медовеевцев*. Одноплеменные абхазцам, они говорят одним с ними языком и ни в образе жизни, ни в обычаях не отличаются от первых. Медовеевцы между горцами отличаются хищничеством, в котором им много способствует неприступность собственных жилищ, огражденных горами от набегов соседей, которые бы захотели им воздать за равное.

4) Чужи, на р. Худапс, около 100 семейств, которых жилища разбросаны по высотам, открытым более предыдущих; здесь произрастает виноград, которого нет у медовеевцев, и хлебопашество в лучшем состоянии. Общество Чужи признает над собою власть кн. Джимир-ипа Ислам Бага.

5) Чуа, на р. Мце, семейств... считается в сем селении до 150, живут растянуто, на расстоянии 3-х верст и признают над собою власть кн. Безишь Ачу.

Жители обществ Чужи и Чуа, живущие между собою дружелюбно, называют себя *абадзою*, не принимая названия садов, принадлежащего собственно жителям прибрежным из племени абадзы.

6) Сел. Сочипсы, или Облагукуадж *, расположено по обе-

* Куадж — по-черкесски «селение».

им сторонам р. Сочи, на довольно обширной долине, близ устья ее; в нем считают до 450 семейств, частью абазин, частью убых и небольшого числа турок, соединенных под названием саше. Турки в сем селении имеют одно из главных пристанищ своих и отсюда производят торг с горцами; влияние их на жителей заметно по ревности сих последних в исполнении обрядов магометанской религии, чего нельзя видеть в других селениях.

Князь Али Ахмет Облагу, происхождение которого... от племени адыга, сам ревностный мусульманин и окружен турками. Племя саше ему повинуются, хотя и не во всех случаях; особенно влияние его упало с того времени, как туземцы, неизвестно по какой причине, его стали подозревать в тайных сношениях с русскими, но при всем том он из всех князей и владельцев от р. Шахе до р. Бзыба сильнейший и пользуется хорошим достатком.

Дом кн. Облагу построен в одной версте от с. Сочипсы и на таком же расстоянии от моря, на берегу которого сделан небольшой завал из деревьев и земли для прикрытия дороги, ведущей в селение.

В с. Сочипсы в употреблении три языка: черкесский, абазинский и убыхский.

7) Х а л ц и с, на правом берегу Мцы, близ устья ее; до 60 семейств; придерживается общества Хамышь.

8) Х а м ы ш ь, на покатоости горы, над самым морем по реке того же имени, признает князем своим Джембулата Хамышь, мало-сильного даже в собственном владении своем, хотя и считается по роду старшим из абхазских князей. Полагают в селении около 80-ти семей.

9) Общество Э с х о р и п ш, или А р т к у а д ж, считает до 200 семейств, поселенных по р. Худапс, в двух верстах от устья ее; не повинуются никому; в нем проживают уздени фамилии Арта.

10) Общество А р е д б а, поселенное на долине Лиешь, считает около 430 семейств, пользующихся выгодами равнины, которых лишены другие селения. Хлебопашество и скотоводство здесь в лучшем состоянии, чем где-либо из других мест, есть и небольшой табун лошадей. Зажиточность жителей долины Лиешь известна между садами.

Братья Аредба — Беслан, Соусран и Чигуа — старшие в роде, не имея никакой власти над народом, у него в уважении. Влияние свое они утратили с того времени, как вступили в сношение с русскими, и должны выдерживать за сие частые упреки.

Поселение общества Аредба, обнимающее долину Лиешь полумесяцем, разделено на следующие аулы: Керека, Абаха, Банши-рипш, Учуга и Хышхоришш, лежащие по покатоостям холмов, ограничивающих с востока долину Лиешь, Ката и Джанхота...

По дороге, ведущей от берега моря через небольшой промежуток к помянутым селениям, в 2-х или 3-х верстах от устья Мдзимты на север устроен жителями над самым береговым песком обширный, но слабый для защиты завал.

11) Г е ч ь к у а д ж, на правой стороне р. Псоу, вмещает до 80 семейств и занято фамилиею Гечь, из которых Едырбей более других имеет значение.

12) Ц а н д р ы п ш, или Ц а н к у а д ж, по р. Хучупсу; в нем считают до 120 домов, занятых большею частью узденями фамилии Цонбай, из которых старший хаджи Салама.

13) Хысха, на горе, местожительство фамилии Анчабадзе, считается не более 40 семейств.

14) Бегеуча, или Багрыпшь, ближайшее к Гаграм селение, вмещает в себе около 100 семейств.

Сообщения

Вообще, по всей юго-западной покатости гор, прилегающих к морю, сообщения чрезвычайно трудны; положение местности, представляющей узкие хребты и тесные ущелья, занятые течением быстрых рек, делает их таковыми.

В Абхазии до сего времени не было повозочных дорог, далее на север по местам, занимаемым садзами, находим их еще менее; только за [р.] Тагапс, у сапсуг, начинаются арбяные дороги. Путь по береговому песку при всем неудобстве служит главным сообщением прибрежных жителей, пользующихся им для переезда на арбах. Выше в горах видны одни вычюнные тропинки, весьма неудобные для проезда во время дождей и зимою, но по нужде проходимые во всякое время. Жители там не имеют арб, всегда ездят верхом, а для переезда тяжестей употребляют ослов.

От каждого селения идут дороги к берегу моря, пролегающие по ущельям рек и по хребтам гор. Последние предпочитают жителями для переездов, невзирая на частые подъемы и спуски, которые не встречаются по ущельям; причиною тому, что обыкновенно на высотах хребтов лес реже и всегда можно найти объезд трудного места, чего не всегда можно сделать в тесном ущелье, поросшем густым лесом и заваленном... камнями, которых жители никогда и не думают скидывать с дороги.

Для прохода по сим дорогам войскам с одною горною артиллериею нет необходимости их разрабатывать; кроме того, одни дороги к медовесцам, живущим близ Главного хребта, особенно трудны; пути же к селениям, лежащим ближе к морю, не представляют особенных препятствий к проходу.

Дорога через хребет Кавказских гор

Дорога через хребет Кавказских гор, от Шегирея к с. Ахчипсу и оттуда к берегу моря... хотя и с большими трудами и издержками, но может быть разработана и, раз проложенная, будет служить прочным и твердым сообщением. Вечные снега, кончившись на высоте Сагдап, на 6 месяцев в году оставляют перевал через хребет свободным, и в зимнее время на нем не может быть снежных завалов. Проходит дорога, поднимаясь по широкому ущелью Малой Лабы, суженному и каменистому, близ горы Диц и недалеко от впадения в Лабу р. Псизипс, по течению которой, поворотив, доходит широким ущельем, не требуя даже в настоящем виде никакой разработки, к верховью реки Мдзимты; от него — к истоку р. Зикуюй, где, обогнув каменистую гору, по лесистой покатости круто спускается в с. Ахчипсу, от которого по каменистому грунту узким ущельем над обрывистым берегом Мдзимты пролегает до долины Лнешь, не доходя которой версты на две, расширившись, снова делается удобною для повозок.

Дабы миновать каменистые и тесные места по Лабе, около горы

Диц, горы проезжают от Шегирея хребтом до горы Ашишбог, от которой поворачивают снова к Лабе; здесь дорога хотя и представляет множество крутых подъемов и спусков, но менее камениста, не столько портит некованных лошадей, что служит главной причиной предпочтения ее. От Шегирея, к которому проходит с линии весьма удобная армянская дорога от ст. Прочноокопской через Вознесенское укрепление на Чаплыке и оттуда через Лабу по Калашскому броду, до долины Лиень не более 130 верст.

Дорога по берегу моря

Дорога по берегу моря от Сочи до Бзыба прерывается скалами, вдавшимися в море, около которых проезд во время прилива делается чрезвычайно опасным и иногда и совершенно невозможным, между реками Багрыльш и Бзыбом в трех местах:

1) в 7 верстах от укр. Гагр на север, на расстоянии $1\frac{1}{2}$ верст, здесь существует объезд над самыми скалами, удобный к разработке;

2) не доходя Гагр верст четырех, на расстоянии сажений 20-ти, не более, где объезд так не может быть устроен;

3) подле самых Гагр на 2 версты; разработка объезда здесь будет стоить больших трудов, но, раз сделанная, даст дорогу прочную и довольно удобную.

От р. Бегеучи до р. Сочи идет по береговому песку широкая дорога, в настоящем виде чрезвычайно неудобная и затруднительная к провозу тяжестей, но может быть продолжена другая дорога по берегу от Сочи через с. Хамышь до р. Худапс горами и оттуда ровным местом до р. Бегеучи, от которой к Гаграм горы подходят к самому морю.

Реки, затрудняющие во время полноводия свое сообщение: Псоу и Мдзимта. Наполняются они обыкновенно в конце апреля и в мае месяцах, когда в горах тают снега, и во время осенних дождей в октябре месяце.

От Гагр ведет дорога через хутор Саандааршиха, выходящая на Бегеучу в объезд скал; говорят, что она для конного неудобнопроходима.

От Бзыба через Гагринский перевал от с. Аджелхуны к селению Хысха пролегает тропинка, по которой можно провести лошадей.

Дорога к селениям от берега моря

От берега моря к с. Сочилсы проходит дорога, при самом незначительном исправлении удобная для провоза артиллерии и тяжестей.

Вверх по Мце есть дорога к с. Чуа, проходящая большую частью... по ущелью сей реки; в настоящем положении она неудобна к провозу тяжестей и артиллерии, но легко может быть расчищена.

От с. Чуа в Чужи дорога идет хребтом горы, крутых спусков и подъемов по ней нет, но есть тонкие места; во всяком случае, она проходима для войск с горной артиллериею.

От Чужи до с. Чужгуча дорога идет каменистым хребтом, представляя два крутых и продолжительных подъема около помя-

нутых селений; по ней множество тонких мест: по нужде дорога эта проходима для войск с горной артиллериею.

От с. Чужгуча в с. Ахчипсу дорога более удобная.

От Ахчипсу в с. Айбга ведет через каменистый хребет горы конная тропинка.

От с. Айбга в с. Псоу и оттуда в Абхазию к селениям Аджепхуны и Ачандара ведут тропинки, проходимые для конного.

К с. Эсхориш идет от берега моря по довольно трудной переправе через небольшую гору, которой почва — вязкая глина, дорога, удобная к проезду легкой артиллерии. Через помянутую же гору без исправления дороги нельзя оной провести.

К долине Лиешь идет дорога через небольшой пролесок на расстоянии 1½ версты, ровная и сухая; оно проходима для легкой артиллерии.

Такая же дорога, от берега моря к долине Лиешь, проходит лесом от устья Мдзимты, через которую брод, по крайней мере, в мелководие весьма удобный.

В с. Гечь и Пондрышъ идут дороги по довольно ровному месту, за расчисткою леса удобные к провозу тяжестей и артиллерии.

В селения на Багрышъ и Хысха ведут дороги, проходимые только конному.

Штабс-капитан барон Турнау*.

Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура

1 февраля 1839 г., С.-Петербурге

Основываясь на различии языков, которыми говорят горцы, населяющие Закубанье и берег Черного моря от устья Кубани вниз до Ингура, их можно разделить на три племени:

I. Племя абазин, имеющее собственный, коренной язык свой, ничем не сходный с языком черкесским, занимает берег Черного моря от Ингура до р. Саше, прилегающую к сему пространству юго-западную покатость хребта Кавказских гор и некоторые ущелья на северном склоне их, между Урупом и Белой речкой.

II. Племя черкес[ов], говорящее несколькими наречиями коренного черкесского (кабардинского) языка, заселяет берег Черного моря от р. Саше вверх до Анапы и все пространство земли между Кубанью и Главным хребтом Кавказских гор.

III. Ногайские татары, живущие вдоль по Кубани, одноплеменные им карачаевцы... занимают верховья рек Кубани и Теберды, впадающей в первую; говорят они наречием языка татарского.

Кроме этих трех племен находится еще в горах народ, имеющий собственный язык свой; это убыхи, они занимают юго-западную покатость хребта Кавказских гор, между реками Саше и Шахе.

Племена эти, различаясь языком, отчасти и верою, сходны между собою характером, обычаями, образом жизни, одеждою и воору-

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18510, лл. 1—8 об.

жением. Соседство турок или русских, степень самостоятельности, выгоды и невыгоды заселяемых ими земель и другие обстоятельства хотя и имели некоторое влияние на быт и на понятия разных горских племен, но не лишили их помянутого общего сходства.

Вера, господствующая между горцами, живущими за Кубанью и по берегу моря, магометанская. В Абхазии много новообращенных христиан, следы христианства видны и у сапсуг. Часть же сапсуг, абазех и абазин — идолопоклонники или не имеют никаких религиозных понятий.

Абазины и черкесы разделились на множество отдельных владений и обществ, частью связанных между собою узами родства и обоюдностью выгод, частью разделенных враждою.

*1. Племена абазинские**

а) Абхазцы повинуются владельцу из древнего рода Ачь (Шарвашидзе). Занимают они берег Черного моря от р. Ингура до р. Бзыби. Самурзакань, присоединенная ныне к Мингрелии, составляла прежде один из четырех округов Абхазии, от которой отделяется р. Гализгою.

В 1808 г. (1810 г.—*Г. Д.*) еще Сефер-бей Шарвашидзе, сын Келеш-бея, с принятием христианской веры отдал себя в подданство русского правительства; потом абхазцы несколько раз буйствовали и были укрошены.

Жителей в Абхазии, не исключая Самурзакани, считают около 45 000 душ мужского полу.

б) Садзы занимают берег Черного моря от укрепления Гагры до р. Саше. Разделены они на несколько обществ, по семьям князей и дворян, не владеющих округами, в которых живут и которые носят название фамилий их, но только первенствующих между согражданами своими. Округов этих семь: Гечь, Цандрыпшь, Аредба, Артуадж (или Эххориш), Хамышь, Чужи и Чуа.

в) Саша, на реке Саше, или Сочи, одно общество по всему берегу Черного моря, за исключением Абхазии, признающее над собою власть князя. Настоящий владелец Саше — Али Ахмет. Саше не суть чистые абазины, они представляют трех сопредельных племен — абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят. Садзы вместе с сашою полагают до 42 000 душ мужского пола.

г) Цебельда, называемая черкесами Херпыскуадж (аул Херпыс) по имени родоначальника цебельдинцев Херпыса Маршания, иногда и Цымпар. Живут цебельдинцы в местах неприступных, на юго-западной поклатости хребта Кавказских гор, по верховью Кодора. Часть их вследствие семейного раздора между князьями Маршаниями переселилась в место, известное под названием Дал, недалеко от прежнего жилища своего. В 1837 году они изъявили покорность русскому правительству и приняли приставство. Владетели Абхазии считают цебельдинцев своими подданными, между тем ими никогда настоящим образом не владели, напротив, цебельдинцы

* Речь идет об абхазско-абазинских племенах.

часто вторгались в Абхазию и производили в ней грабежи. Общей вражды между абхазцами и цебельдинцами не существует, многие из них связаны родством.

Жителей в Цебельде до 4000 душ мужского полу.

На юго-западной покатости хребта находятся еще:

д) Псоу — между истоками Бзыба и Апста, Аибга — у верховья р. Псоу, Ахчипсу — у верховья р. Мдзимты, Чужгуча — у верховья р. Мцы. Четыре общества эти, известные у черкес, живущих на северной стороне гор, под общим именем медовеевцев, суть абхазцы, удалившиеся по разным причинам в неприступные скалы, сопредельные вечным снегам. Занимая места неудобовозделываемые, бедные пастбищами и произведениями земли, они нуждаются в хлебе, в скоте и в одежде. В селениях только Ахчипсу и Чужгуча растут фруктовые деревья, которые находим по берегу моря, в Абхазии и у убыхов. Неприступность жилищ и крайняя бедность сделали медовеевцев хищниками, страшными своим соседям. С одноплеменными им абхазцами и садзами медовеевцы вступают в родство, иногда находятся с ними в дружеских сношениях, а иногда во вражде.

С черкесами медовеевцы ведут открытую вражду: переходя хребет Кавказских гор, они спускаются в лесистые ущелья Урупа, Лабы, Ходза и Белой речки, убивают там черкес и захватывают у них людей и скот. Почти ежегодно жители Чужгучи и Ахчипсу угощают у абазех баранов; только раз удалось абазехам, собравшимся в большом количестве, ограбить несколько крайних домов в Ахчипсу.

Медовеевцы не имеют никаких религиозных понятий; некоторые только из дворян исполняют обряды, предписываемые магометанскою верою, не заботясь, впрочем, о догмах ее.

Во всех четырех медовеевских селениях первенствует фамилия Маршания, разделявшаяся на две линии — на Масипов и на Багарканипов; первые живут в селении Псоу, последние — в Аибге, в Ахчипсу и в Чужгуче.

Медовеевцев, судя по местам, ими занимаемым, нельзя полагать более 5000 душ мужского полу.

Абазинские общества, поселенные на северо-восточной покатости хребта:

е) Башилтаевцы живут у верховья Урупа; до 1834 года они враждовали с русскими, но в том году вследствие набега, сделанного на них г. Зассом, изъявили покорность русскому правительству. Башилтаевцы признают над собою власть первостепенных узденей Маршаниев... прежде плативших дань бесленеевским князьям Кануковым, что ныне прекратилось. Жителей в Башилтае — 860 душ мужского полу.

ж) Там, у верховья Большой Лабы; жители сего в 1834 году, после набега, сделанного на них г. Зассом, покорились; после того несколько раз отлагались и вновь были приводимы в повиновение. Врожденная страсть к хищничеству и бедность, побуждающая их к воровству, делают весьма ненадежными обещания, даваемые ими насчет верности и преданности после каждого наказания.

В Таме первенствуют уздени Заурумовы; они магометанского вероисповедания, прочие же жители Тама дурно выполняют и наружные обряды, предписанные Кораном. Тамовцы прежде платили

подати кабардинским князьям, от чего теперь отказываются; жителей в Таме — 270 душ мужского полу.

з) Кызылбеков аул, названный так по имени родоначальника жителей его, Кызылбека Маршания, находится за горю Ахмет, у верховья реки Андрюк. В 1834 году кызылбековцы покорились, но после того несколько раз отлагались. Сказанное насчет покорности о тамовцах можно применить и к ним. В Кызылбековом ауле проживают три султана — Кабардинский, Сапсугский и Султан-Ханш, взимающие подать с жителей сего.

Жителей в Кызылбековом ауле — 220 душ мужского полу.

и) Шегирей, лежит у подошвы хребта Кавказских гор, над крутым и обрывистым берегом Малой Лабы. Жители Шегирея дики и бедны; находясь в связи с медовеевцами, они много им помогают в неприязненных действиях против черкес, от хищничества которых сами много терпят. В 1835 году шегиреевцы добровольно изъявили покорность, потом отказались от повиновения и после набега, сделанного на них г. Зассом в 1837 году, покорились вновь. Шегиреевцы едва ли преданы Корану, хотя некоторые из дворян их и исполняют обряды, им предписанные. Дворянская фамилия Шиокиош, равно как и другие жители Шегирея, платят дань бесленеевским князьям Шалоховым и Кануковым.

Жителей в Шегирее — 330 душ мужского полу.

к) Баговцы живут в трех небольших селениях, расположенных над р. Ходзою, у лесистой подошвы горы Ашишбог; они беднее еще шегиреевцев и, не имея лошадей, никогда не беспокоили Кубанскую кордонную линию. Первенствующие в Баге уздени Багданники бесленеевских князей Шалохов.

Баговцы — без положительных религиозных понятий; их считают не более 300 душ мужского полу.

л) Баракаевцы занимают в трех селениях утесистые берега Губса, близ подошвы главного хребта Кавказских гор; они богаче трех предыдущих обществ; между ними есть смельчаки, которые нередко ездят на воровство в наши пределы. Покорившись в 1835 году, в 1837 году они отложились, и поныне они непокорны. Трудная дорога и неприступность местоположения их ограждают от должного наказания за измену. Баракаевцы считаются данниками бесленеевских князей Шалохов, которым и платят подать. Признавая над собою власть первостепенных узденей Лях и Анчок, вступивших в родство с Даурами, одной из сильных абазинских фамилий, баракаевцы пользуются покровительством абазех.

Часть жителей в Баракае исповедует магометанскую веру; число всех их полагают в 620 душ мужского полу.

По несогласиям с соотечественниками три княжеские фамилии Лоовы, Дударуковы и Биберды с подвластными им дворянами и узденями выселились из Абхазии на северную сторону Кавказских гор и образовали три отдельных общества, от которых теперь остаются только два селения:

м) Лооов аул — на р. Куме, по правую сторону Кубани. Общество это было многочисленно и богато, особенно табунами лошадей, но чума в 1814 году, опустошившая Кавказ, и русское оружие значительно уменьшили народонаселение его и богатство.

Теперь в Лооовом ауле считают до 980 душ мужского полу, совершенно покорных.

н) Дударуков аул, также утративший прежнюю силу, поселен на левом берегу Кубани, против станицы Баталпашинской. Жители его, которых считают 870 душ мужского полу, повинуются князьям Дударуковым, совершенно покорным русскому правительству.

Жители аулов Лоовов и Дударуковых — ревностные магометане.

Бибердов аул существовал до 1829 года, когда в наказание за измену [был] razорен русскими войсками. Часть жителей его отведена в плен, остальные погибли.

Между языком абхазским, которым говорят все абазины, живущие на южной стороне Кавказских гор, и наречием, употребляемым абазинами, занимающими северный склон их, есть небольшое различие.

II. Племена черкесские

Племя черкес разделилось на два поколения, не сходных между собою как в отношении политического быта, так и в отношении наречий, которыми говорят. Корень же языка один, что и служит ясным доказательством одноплеменности их.

1) Поколение черкес, сохранившее коренной (кабардинский) язык свой во всей его чистоте, признающее над собою власть родовых князей, преимущественно присваивает себе название *адыге*. Оно распалось на несколько феодальных владений, которые, невзирая на размножение потомства своих родоначальников, остаются в прежнем составе, признавая обыкновенно главою старшего князя в роде, имеющего влияние на умы своих соотечественников, но не пользующегося никакою властью над другими князьями.

Владений этих шесть, они следующие:

а) Б е с л е н е й, повинуются князьям Кануковым и Шалоховым. До 1834-го года бесленевцы непокорные занимали левый берег Большой и Малой Лабы; изъявив покорность русскому правительству, они в том же году [были] переселены на правый берег Большой Лабы и на Большой и Малый Тегени, впадающие в Уруп.

Число народонаселения у бесленевцев простирается до 3750 душ мужского полу.

б) К е л и о р г о й и

в) Е г е р у к а й, достояние двух линий князей Балатуковых, соединены ныне под управлением князя Шерлетука. Два владения эти во время малолетства настоящего владельца повиновались князю Джембулату Балатукову, который в 1830 году добровольно явился к князю Варшавскому (И. Ф. Паскевичу. — *Г. Д.*) с изъявлением покорности. Прежнее место жительства келиоргоевцев и егерукаевцев было между Лабою и Белой речкой; в 1835 г. Засс вместе с мохошевцами выселил их на Лабу, где они и находятся поныне, занимая левый берег низовья этой реки.

В Келиоргое и Егерукае считают 4580 душ мужского полу...

г) М о х о ш ь, повинуются князьям Бггорсук. Селения мохошевские расположены на левом берегу Лабы, выше егерукаевских жителей. У мохошевцев 1270 душ мужского полу.

д) Г а т ю к о й, расположен частью на Лабе и частью на правом берегу Белой реки, между устьями ее и впадением в нее реки

Пшахи. Гатюкаевцы, которых считают 2390 душ мужского полу, повинуются князьям из рода Гатюк, покорных русскому правительству.

е) Бжедухи, живут по низовьям рек Пшукупса и Пшиши, частью и над самой Кубанью, признавая над собою власть многих князей, друг от друга совершенно не зависимых, ведущих происхождение свое от двух родов — Черчиней и Камышей. Бжедухи покорны русскому правительству, число их полагают в 3000 душ мужского полу...

ж) За Кубанью, на Тегенях, между бесленеевцами и отдельно по Урупу и на Большом и на Малом Зеленчуках, поселены кабардинцы, с позволения правительства возвратившиеся из бегов. Число их простирается до 1950 душ мужского полу; каждое селение кабардинское повинуется проживающему в нем старшему князю или дворянину.

Черкесы, адыге, отличаются перед другими горцами религиозным фанатизмом и молодечеством на войне и в хищничестве — две отличительные черты характера их, бывшие долгое время причиной непокорности и упорства, с которыми они держались против натиска русских войск. Занимая между Белой речкой и Кубанью места ровные малолесные, не представляющие особенных препятствий к быстрому движению войск, они в последнее время подверглись набегам наших отрядов. Необходимость самосохранения заставила их покориться, и один страх удерживает их в повиновении.

Ревностные последователи Корана покорные черкесы едва ли могут быть откровенно преданными русскому правительству; ни удобства жизни, ни спокойствие, ни подарки, которыми они пользуются, по крайней мере до сего времени, не уничтожили в них скрытого чувства ненависти к русским, разновременам и завоевателям их... преданности [черкесов] купить нельзя, ибо фанатизм религиозный часто заставляет их искупать грех услуги, оказанной неверным русским... преступлением, тайным или явным, клонящимся ко вреду русского же правительства. Нельзя сказать, чтобы между черкес не было, как и в каждом другом народе, людей, пользующихся здравым смыслом и благородными понятиями, но число их незначительно...

Многие молодые люди из числа покорных черкес в обретенное блаженство будущей жизни, в удовлетворение страсти к хищничеству и иногда для того только, чтобы сделаться известным своим молодечеством, бросая семью и имущество, уходят в абреки... прощение за [их] преступления есть одна из мер, столько же, сколько и хищничество их, вредящая спокойствию Кавказской линии.

Пока воровство и разбои абреков будут прощаемы, до того будут абреки и Кавказская линия не успокоится. Утвердительно можно сказать, что две трети абреков, в настоящее время обеспокоивающие своими набегами Кавказскую линию, никогда бы не решились оставить семью и имущество, когда бы ни имели надежду по изъяснению покорности получить полное прощение.

Сверх того, местное начальство на линии привыкло ласкать возвращающихся абреков более черкес, живущих спокойно, выставив необходимость этой меры, якобы полезной для спокойствия линии.

Действительно, с возвращением нескольких абреков число разбойников уменьшится, но вместо [н]их прибывают другие, не видя особенной выгоды жить спокойно. В 1835 году более 40 абреков прощены и получили дозволение возвратиться на прежнее место жительства; последовали ли за ними остальные, которые у абазех терпят недостаток во всем? Нет, некоторые из числа прощенных успели снова бежать в горы и, высмотрев места на линии, служат проводниками хищническим партиям.

Удовлетворение просьб покоряющихся абреков [является] причиною и того, что покорный черкес, имея надобность какую-нибудь или делая требование к начальнику, часто самое бессмысленное, в случае неудовлетворения его уходит в абреки и начинает грабить и разбойничать, полагая этим достигнуть цели своих желаний или, по крайней мере, причинить убыток русскому правительству. Делает он это в надежде рано или поздно получить прощение и не лишиться навсегда тех выгод, которые он теряет от ухода в горы.

2) Черкесы, живущие по лесам и ущельям хребта Кавказских гор, на пространстве земли, ограниченном Белою речкою, Кубанью и берегом Черного моря, от Анапы до устья р. Саше, носят между горцами общее название *абадза*; они разделены на две породы вольных, неповинующихся князьям — на сапсуг и на абазех.

Убыхи хотя по происхождению своему и не принадлежат к имени черкесскому, но, слившись с соседями своими, которых язык предпочитают собственному, могут также быть причислены к абадза — название, которое присвоили им турки, общее с другими горцами. Черкесы, адыге, имея родовых князей, для отличия от себя называют абадзю всех горцев, не признающих над собою власти княжеской.

Абазехи и сапсуги говорят двумя наречиями черкесского языка, довольно сходными между собою; разница же между этими наречиями и языком кабардинцев довольно значительна.

а) Сапсуги, народ воинственный и смелый, занимает северную покатость хребта гор — от источника р. Пшукупс до Кубани и берег Черного моря — от Анапы до р. Шахе. Сапсуг сами горцы делят на больших и на малых, называя большими сапсугами тех, которые живут на северной покатости гор, против Кубани, малыми — сапсуг, занимающих берег Черного моря. Так называемые натухайцы, также сапсути, получили... название это от земли, называемой Наткуадж (Натов аул). Между сапсугами нет князей, есть одни дворяне (уорк) и люди вольные (азат), которые имеют, как и первые, рабов... Дворянских фамилий у сапсуг три: Абаты, Немиры и Шерлетуки; пользуясь полным уважением своих соотечественников, по обычаю, ведущемуся издавна, они между тем не имеют никакой власти над ними.

Большие сапсуги составляют одно общество; малые разделены на множество отдельных селений, тесно связавшихся только в последнее время для отражения русских войск, действующих наступательно на восточном берегу Черного моря.

Между приморскими сапсугскими обществами примечательно тагапса — на вершине речки того же имени. Общество это, состоящее не более как из 100 или 120 семейств, подобно медовевцам, поселилось в неприступных скалах, враждуя со всеми горскими племенами, за исключением сапсуг. Тагапсы занимают дороги, ве-

душие близ поселения их к берегу моря, и без пощады убивают и грабят каждого встречного. Ни увещания сапсуг, ни неприятные действия убух и абазех, неоднократно ополчавшихся против тагалсы, не могли их принудить к перемене образа жизни.

Некоторые из черкес полагают, что тагалсы поклоняются кресту, другие считают их идолопоклонниками.

Частые сношения с турками развили понятия у сапсуг несколько более, чем у соседей их — абазех, но не имели такого влияния на религиозные чувства сего народа, которого бы можно было ожидать от этой связи. Только большие сапсуги и часть натухайцев последовали ревностно учению Корана и строго исполняют предписываемые им обряды, остальная же часть сапсуг держит ненавистное магометанам животное — свинью, не запирают женщин и продолжают чтить леса, животных и тому подобное.

Есть несколько сапсугских обществ, которые хотя и утратили совершенно учение христианской веры, но продолжают уважать крест и ему поклоняться, сохранив память некоторых христианских праздников.

Сапсуг считают до 150 000 душ мужского полу.

б) Абазехи, отделенные от сапсуг р. Пшукупс, занимали прежде северную покатошь хребта Кавказских гор вплоть до Белой речки; страх, наведенный в последнее время набегами русских отрядов, заставил их удалиться с открытых и привольных мест по Белой речке и по низовьям р[ек] Пшахи и Пшиши; они стеснились в лесах и по ущельям, где терпят недостаток в пастбищных местах, в пахотной земле, часто и в воде, ибо летом большая часть ручьев пересыхает.

Абазехи не повинуются своим дворянам, но страшатся их, ибо они, размножившись, составляют ныне значительную часть народонаселения; дворянство абазехское вообще бедно и поэтому более воинственно, чем народ.

Между вольными абазехами есть люди, пользующиеся некоторым достатком, которого предел есть 1000 баранов, несколько сот лошадей и рогатого скота и душ 20 или 30 крестьян.

Дворянские фамилии у абазех — Инемуква, Эдыге, Даур, Джангята, Амфок и Берзеки; немногие из членов их пользуются достатком, который стараются дополнить грабежом в русских пределах, часто и у соотечественников своих.

Дабы иметь проводников в русских границах и по окрестностям Кубани, абазехи охотно принимают к себе кабардинских и других черкесских абреков и даже беглых казаков. Абреки эти по недостатку земли и по бедности угодий ее никогда бы не смогли существовать у абазех, когда бы ни были снабжены припасами всякого роду от покорных черкес, которые им помогают и в воровстве, передавая известия, скрывая их и снабжая провиантом.

Абазехи вообще дурные мусульмане, не уважают эфендиев, не платят им десятины, как другие черкесы, и редко судятся по шарияту, который есть единственный доход духовенства у абазех, ибо за каждое определение по шарияту платится эфендию 1 боз (кусоч толстой бумажной материи, имеющий ценность одного рубля серебром). Много абазех не следуют учению Корана; они удержали привычки идолослужения, жертвуют ветрам, чтут священные леса и в распрях предпочитают шарияту суд по обычаям,

Обычаи, заменяющие у абазех закон, налагают пени за убийство, за покражу, за бесчестие женщины и за обиду, нанесенную словом или делом.

По обычаям дворяне пользуются перед вольными абазехами преимуществом в цене, платимой за убийство или за покражу; по шариаду все мусульмане равны и обида, нанесенная дворянину или вольному, изыскивается одинаково.

По обычаю платится: за убийство дворянина — 240 штук рогатого скота, за убийство вольного абазеха — 200 штук, за убийство раба — 160 штук. За покражу у дворянина лошади, быка, коровы, барана или козы, — когда похищенная скотина отыщется и возвратится, — то каждый из похитителей платит вдвое, так что если бы пять человек похитили 1 корову, то истец получает свою корову и еще 10 коров пени.

Когда украденный предмет утрачен, то каждый из похитителей платит истцу вдвое. Вольному абазеху при возвращении покражи похитители платят по одной скотине; когда украденный предмет не может быть возвращен, то они платят вольному вдвое. За украденную вещь из дому, самую бесценную даже, как то: ножик, плеть и так далее, платят два быка пени.

За бесчестие, нанесенное женщине или девушке, отплачивается обыкновенно смертию или взыскивается кровавая пеня по званию, равняющаяся пене за убийство. За рану шариад допускает примирение и плату, определенную обществом мусульман. Жена, нарушившая обет верности, по суду предается смерти или делается рабою мужа, который вправе ее продать. Бесчестие, нанесенное девушке, может быть искуплено женитьбою, когда того захотят родители ее.

За обиду, как то: угроза убить или когда кто возьмется за оружие, при примирении делается подарок; когда это случится в гостинном доме дворянина, то обидчик ему платит пени 7 штук рогатого скота. Кров дома у абазех священна, и силою из дому ничего не может быть взято; нарушитель права этого навлекает на себя мщение всего народа. Когда абазех, навлекший на себя взыскание, несостоятелен, то за него должны платить ближайшие родственники или он и семейство его делаются рабами истца. Взыскание делается всем обществом.

Обычай у сапсуг и убух [одни и] те же, вся разница в плате. Незыряя на неумеренное взыскание за покражу, абазехи беспрерывно похищают друг у друга скотину, часто и людей. Крайняя бедность, недостаток в одежде и в пище их доводят до того, и после, когда покража открыта, они часто предпочитают взысканию суда вражду и мщение истца, имеющую обыкновенным последствием убийство похитителя.

Абазех, по достатку и по понятиям общегития, можно разделить на абазех, живущих по течению рек, и на абазех лесных и горных; первые живут селениями, более достаточны и не так дики и хищны, как последние; абазехи лесные и горные живут в обществе двух или трех семейств и иногда по семьям отдельно.

Земля абазех покрыта непроходимыми, вековыми лесами, занимающими две трети всего пространства ими населенного. Бедная произведениями, она снабжает абазех количеством дурного проса и ржи, едва достаточным... По течению рек, в местах более приволь-

ных, абазехи сеют пшеницу, ячмень и овес, там находятся и сенокосные и пастбищные места. Из фруктовых деревьев у абазех по лесам раскинуты небольшие яблони, груши, кизил и орехи. В горах, прилегающих к убыхам, в округе, называемой Мезмей (Земля лесов), находят в большом количестве железо. На р. Пшахе есть горячий серный источник, а на Пшукупсе — нефтяные колоды.

Реки, протекающие по земле абазех: река Белая (Сагуаш), принимающая в себя справа Вентхуве, слева Курджипсе... Пшиша и Пшукупс текут в Кубань. Реки эти, удобопроходимые во время мелководия, делают переправу весьма опасною в полную воду. Когда в Кубани и в Лабе наступает полноводие, то вода в них убывает, и обратно, когда Кубань и Лаба мелкие, то абазехские речки наполняются. Явление это объясняется характером гор, из которых вытекают помянутые реки: Кубань и Лаба берут начало свое из Главного хребта Кавказских гор, покрытого вечным снегом, пределом которого есть высота Сагдан (Оштен). Снега там начинают таять в мае месяце, когда горы на северо-западе от Гагр, дающие начало абазехским рекам, почти обнажены от снега, начинающего сходить в марте.

У абазех повсюду пролегают армяные дороги по причине твердой глинистой и песчаной почвы, удобопроходимые во всякое время года. Только в нагорной части земли, населенной абазехами, дороги трудные. Через хребет Кавказских гор ведут от абазех две дороги: одна — к убыхам, другая — к сапсугам. Первая из сих дорог проходима только для конных, и зимою по причине крутизны и глубокого снега не посещается. Вторая от Белой речки, разрезав землю абазех на две равные части, выходит на Пшукупс, глубоким ущельем поднимается по течению его и потом уже вдоль р. Тутапши спускается к берегу Черного моря против места, занятого нашими войсками в 1838 году; по дороге этой абазехи летом и зимой ездят на арбах.

Народонаселение абазех можно положить не более как в 80 000 душ мужского полу.

в) У б ы х и — народ, между черкесами славившийся своим молдечеством и неустрасливостью, занимают юго-восточную покатость хребта Кавказских гор, между реками Саше и Шахе. По берегу моря, между устьями сих рек, убыхи живут мешано с сапсугами, составляя несколько отдельных обществ — Хизе, Уордане, Шлистукуадж — и селения Зюешь, известные у соседей их под названием Ардона. Дворянских фамилий у убыхов две — Дещен и Берзеки; все они ревностные магометане, между тем как часть народа продолжает поклоняться кресту. Убыхи говорят собственным языком, не похожим ни на одно из наречий языков абазинского или черкесского. Народонаселение у убых не простирается за 5000 или за 6000 душ мужского полу.

Ближние соседи между собою — абазехи, сапсуги и убыхи положили противиться русским донельзя; невзирая на это, они не оказывают друг другу никакой помощи, ограничиваясь каждый защитой собственной земли.

Причины упорства их: религиозный фанатизм, дикость и страсть к хищничеству... Средства к защите — лес и горы; надежда — на помощь Турции... а в последнее время — и... Англии... [все эти посу-

лы о помощи] пустые слухи, которыми турецкие контрабандисты, хаджи, возвращающиеся из Мекки, и английские путешественники стараются в горах поддержать падающий дух.

III. Племя татарское

а) *Ногайские татары* поселены вдоль Кубани от ст. Баталпашинской вниз до устья Лабы. Говорят они собственным языком, совершенно покорны, несут некоторые повинности кордонной службы и более других горцев сжились с русскими. Между ногайцами есть люди, действительно преданные правительству, невзирая на приверженность свою к магометанству. Немногие только из них находятся в абреках. У ногайцев нет дворян, а есть вольные люди, признающие над собой власть родовых князей, разделенных на пять поколений, как то: на Келембетей, на Мангит, на Кипчак, на Карамурзиных и на Наврузов.

Ногайцев считают 5760 душ мужского полу.

в) *Карачаевцы*, говорящие языком татарским же, занимают скалистые ущелья по верховью Кубани и р. Теберды; народ это не воинственный, занимается более скотоводством и выделыванием сукон и бурок, которыми торгуют. Карачаевцы в 1834 году добровольно покорились правительству и приняли пристаство. У карачаевцев одна дворянская фамилия — Крым-Шакал, которая, как и народ, платит дань кабардинским князьям Атажукным.

Число народонаселения в Карачае простирается до 4000 душ мужского полу.

Штабс-капитан барон Турнау*.

Обычай абхазского народа и разделение его на состояния

1835 г.

Абхазия, разумея под сим названием пространство земли по берегу Черного моря, разделяющееся между реками Гализгою... и Бзыбом, разделенное на три округа: Абживский, Сухумский и Бзыбский, населена народом, называемым черкесами бзыбь от реки этого имени, как и называют себя сами, принимая также название абсуа. Под словом «бзыбь» понимается обыкновенно вся Абхазия или весь абхазский народ; абсуа — более частно и служит ответом абхаца при вопросе ему, какого он происхождения.

Самурзакань, составлявшая прежде отдельное владение, но причислившаяся к Абхазии во время управления его князем из рода Шарвашидзевах, присоединена ныне к Мингрелии. Трудно определить, какого именно происхождения народ, ее населяющий. Говоря частью абхазским, частью мингрельским языком, черты лица его не отличают резко ни кого из двух ему соседних народов. Подобное слияние племен заметно и в Бзыбском округе, особенно между абхазцами, над самую рекою Бзыбом живущими, которых оклад лица более правлен и ближе подходит к черкесскому. Говорят они языком абхазским, понимая вместе с тем и наречие своих соседей — джигетов (асадзкуа).

* ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192.

Цебельдинский округ, или, вернее, земля цебельдинцев (Цебель), принадлежала собственно по положению своему к Абхазии, [но] никогда не повиновалась в полном смысле слова владельцу оной. Народ, ее населяющий, занимая подошву снегового хребта Кавказских гор, по верховью реки Кодора, защищенной горами, более или менее неприступными, всегда сохранял свою независимость и не переставал грабить ближайших соседей своих — абхазцев, переходя для сего же [через] снеговые горы в Карачай и Кабарду. Происхождения он абхазского, говорит одним с ним языком и имеет те же обычаи, но черты лица и одежды его ставят ближе к карачаевцам. Можно сказать, что он состоит из одной фамилии Маршаниев, чрезвычайно многочисленной, члены которой правят каждый своим участком, не повинаясь другому.

Народ абхазский, управляемый владетельным князем (ах) из рода Шарвашидзе, утвержденным русским правительством со времен Сефер-бея в 1808 году (1810 г.— Г. Д.), добровольно отдавшегося в подданство России, делится на пять состояний: на князей (тавад), дворян (амиста), среднее состояние между дворянами и крестьянами (ашнакума), крестьян (анхаю) и рабов (агыруа).

Права и обязанности каждого из пяти состояний, на которые делится абхазский народ, обозначены обычаем, хранимым в Абхазии с незапамятных времен. Влияние Порты на край мало его изменило. Приняв вместе с верою от турок некоторые из их привычек, освоившись с понятиями их, жители Абхазии между тем не изменили обычаю предков, заменяющему им закон. Даже в магометанстве они удержали многие обыкновения христианской религии, продолжают праздновать св. Христова Воскресенье, меняются в сей день окрашенными яйцами, празднуют Рождество Христова и Троицын день и не перестают есть свинину и пить вино. Многоженство у жителей из магометан не в обыкновении.

Существуют между абхазами и следы язычества, как, например, уважение их к священным деревьям близ сел. Матригелас (Мтыргелаз.— Г. Д.) и совершение тризны по умершему, состоящей из пиршества, конской скачки, стрельбы в цель и т. д.

Власть владетеля весьма ограничена; не имея ни силы, ни средств, ни доходов, кроме собственно ему принадлежащего имения, он — в зависимости от сильных князей и дворян, которых ему весьма трудно заставить себе повиноваться. Наказывать кого-либо из них за неисполнение воли его он не может иначе, как через посредство же князей и дворян, которых должен прежде на то согласить, что ему почти всегда стоит больших трудов и издержек. Имеет он право раз или два в год посетить дом каждого из них, который тогда по обычаю обязан его угостить и сделать ему подарок. Платится ему также за убийство, воровство или всякий другой беспорядок, совершенные близ дому его (ахтыны) или на земле, ему принадлежащей, по мере преступления.

Князья обязаны повиноваться одному владетелю; не платят никакой подати и не подлежат другому наказанию, кроме пени. Они вправе владеть землею и иметь крестьян и рабов. Обязаны они собираться для защиты владетеля и в посещение дома его его угощать и ему делать подарок по состоянию. Угощение, делаемое владетелю, не есть прямая к нему обязанность; существующее здесь, как и между другими горцами, гостеприимство ее сделало таковою. Обычай делать подарки введен тщеславием принимающих его хозяев,

и они ценою его хвалятся друг перед другом, впрочем, то же соблюдается и в отношении других гостей, которые обыкновенно привозят подарок и хозяину.

Гостеприимство есть самый разорительный для абхазцев обычай; чтобы принять достойно почетного гостя и не уронить себя в глазах своих соотечественников, он должен убить быка или козла и, изготовив всего, подать на стол; что остается — принадлежит прислуге, что при бедности скотоводства в Абхазии делает хозяину чувствительный ущерб.

Княжеских фамилий в собственно Абхазии немного, они следующие: в Бзыбском округе — Инал-ипа, Чабалурхуа и Шарвашидзе, есть и Анчабадзе; в Сухумском — Дзапш-ипа и Маршани; в Абжывском — Эмха, Шарвашидзе и Анчабадзе.

Фамилия Шарвашидзе, которая одного происхождения с владетельскою, по сему обстоятельству занимает в Абхазии первое место; она расселена по всем округам, не исключая и Самурзакани, и крайне бедна.

Дзапш-ипы после нее считаются старшими. Анчабадзе и Чабалурхуа — древнейшие фамилии Абхазии; отрасли первой находятся в Самурзакани, в Псху, Ахчипсу и между джигетами. Инал-ипы богаче других.

Дворяне пользуются правами князей и несут с ними одинаковые обязанности; также должны владетеля, их посещающего, угощать и одаривать. Важнейшие дворянские фамилии в Абхазии: Лакербаевы, Маргания, Микамбаи и Зумбаи (Званбай, Званба.— Г. Д.). Из которых Хыр-ипы Маргания, предки Каца Маргания, всегда славилась приверженностью владетельскому роду. Кроме того, есть в Абхазии фамилии незначительных дворян, называемых лесными (акуаца амиссуа): Цимбаи, Багба и Акыртаа.

Ашнакума — собственно телохранители владетеля, который один вправе их иметь, — пользуются правами дворян, могут иметь крепостян, рабов и обладать землею. Вместо подати они обязаны находиться при владетеле во время его поездок и служить ему на посылках. Состояние это составилось частью из крестьян владетеля абхазцев, получивших за оказанные ими услуги разные льготы, частью из выходцев черкес или других горцев.

Крестьяне вправе владеть землею и иметь рабов, но вместе с тем составляют сами собственность своего господина. Они обязаны платить владельцу своему летом арбу кукурузы или гоми и козленка, барана или рогатую скотину, в зимнее время — также рогатую скотину или барана и кувшин вина и помогать ему в полевых работах. В случае недостатка каких-либо припасов у господина крестьянин сверх установленного обычая, по просьбе же оного, снабжает его таковыми. Побой не в обычае, обыкновенное его наказание — заключение в цепи. За нанесенную ему обиду крестьянин вправе судиться с владельцем своим и часто переходит под защиту другого какого-либо сильного князя или дворянина, который его селит на своей земле. В случае, если прежний господин захочет потребовать крестьянина своего обратно, принявший его обязан возратить по приговору суда, который заботится уже об обеспечении обиженного от незаконного мщения господина.

Рабы бывают... коренные агыруа, абхазцы и люди, приобретенные грабежом или на войне. Раб, составляя неотъемлемую собст-

венность господина своего и находясь в полной его власти, по обычаю работает на него только три дня в неделю, остальные же три дня — на себя, кроме того, исполняет и все домашние его работы и после этого не платит более никакой подати. Дочери раба, сколько бы он таковых ни имел, находятся все в доме господина, который вправе их отдать или променять... а обязанность жен из сего сословия есть поочередно варить гоми своему господину и за столом раздавать оный.

Бедные дворяне, крестьяне и рабы в Абхазии нашли хороший способ ограждать себя от притеснения сильных обычаем, существующим у князей и богатых дворян, — воспитывать детей своих вдали от родительского дома. Принимая на себя эту обязанность, они вступают как бы в родство с родителями воспитываемых ими детей и пользуются их покровительством.

Рабы новоприобретенные продаются; на продажу же или отдачу коренных агыруа из абхазцев один владетель имеет право. Они подлежат телесному наказанию.

Власть родительская в Абхазии неограниченна; одно природное чувство любви к детям, сильное в здешнем народе, служит порукою ненарушимости их прав.

Имение, оставшееся после смерти родителя, движимое и недвижимое, делится на равные части между детьми мужского пола, в выборе которых они имеют право по старшинству. Дети женского пола не имеют участия в сем разделе, но до замужества должны быть содержимы братьями и по состоянию получают приданое из рабов и движимого имения.

Вдова, когда ей покойным мужем ничего не было отказано, не имеет участия в наследстве, но по смерти должна иметь пропитание у детей своих.

Часто, когда братья живут согласно, имение остается неразделенным, но каждый из них вправе потребовать такового.

В случае бездетства имение умершего делится на равные части между ближайшими его родственниками мужского полу... В фамилию же жены имение не переходит. Когда бы ни нашелся никто из родственников мужского полу, то владетель Абхазии делается наследником умершего; когда бы остались одни дочери, он обязан их содержать до замужества и им дать приданое.

Спорные дела всякого рода с согласия владетеля решаются шариадом, носящим в Абхазии только одно название — духовного суда, ибо при собрании оного судят не по Корану, а по обычаю. Шариад обыкновенно составляется из почетных князей и дворян, сильных и уважаемых в народе; избираются они каждою из тяжущихся сторон в равном числе.

Собравшись в важном случае близ стен монастыря или под тенью священных деревьев, судьи после данной им клятвы разбирают дело по праву, выслушивают тяжущихся, их удаляют и совещаются наедине. Согласившись между собою, они до оглашения еще приговора берут поруку в исполнении его, потом уже объявляют оный. Обязанность судей есть пещись о приведении в действие решения суда.

Зовут к шариаду: по спорным делам об имении и [за] неисполнение всякого рода договоров; по подозрению или по уликам в

воровстве; по подозрению прав супружества; по делам об убийстве и кровомщении.

Смертная казнь не в обычае в Абхазии; единственное наказание преступника, особенно когда он князь или дворянин, есть денежная пеня или плата людям.

Когда осужденный не в состоянии уплатить возложенной на него пени, то по оценке отнимаются у него дом, земля или даже имущество; когда он крестьянин или раб и не имеет ничего, то сам делается собственностью обиженного, который тогда вправе его продать.

За воровство, когда оно учинено на земле владельца, ему платит укравший двумя мальчиками... и, кроме того, возвращает украденное вдвойне.

За убийство зовут обыкновенно на суд, когда родственники убитого слабые и не в состоянии отомстить убийце или когда кровомщение делается бесконечным. Судьи налагают на виновного пеню по званию убитого, что и служит главным различием состояний и точною оценкою силы и звания фамилий кровомстителей.

За доказанное нарушение прав супружеских во всяком случае мстится смертью, как и вообще за обесчещение девушки; женщину обличенную муж или ближайший родственник вправе продать. Случаи эти весьма редки в Абхазии, и их помнят здесь только два.

Кровомщение, служащее, по-видимому, к всегдашнему нарушению порядка, в народе необразованном, в котором нет закона и силы, его поддерживающей, которые бы могли остановить преступника, здесь, кажется, есть необходимость; особенно в Абхазии, в которой народ не столь пылок и не столь воинствен, как в других местах, заселенных горскими племенами; страх кровомщения частью удерживает убийцу и грабителя в его покушениях или по совершении преступления заставляет скрываться, чем избавляет край от вредного его присутствия.

В характере абхазцев мало оригинального, он принадлежит всем горским племенам западной части Кавказского хребта. Менее храбры и воинственны, чем кабардинцы и черкесы, они более склонны к домашней жизни; хищничество обнаруживается в них только тогда, когда приобретение этим способом не сопряжено с большою опасностью.

Положение края, средства его, которые он представляет, влияние на него соседних народов и владычества турок [— все это] образовало их характер и понятия. При хороших умственных способностях, которыми обладают абхазцы, они любопытны и склонны к нововведениям*.

Хозяйственная деятельность абхазов в 30-х годах XIX в.**

Восточный берег Черного моря населен двумя совершенно различными племенами: от Анапы до реки Саше живут натухайцы и шапсуги, принадлежащие к племени, известному у нас под именем черкесского, или адыге, как они сами себя называют; от Саше до

* ЦГВИА, ф. 482, д. 57, лл. 7—11 об.

** Из кн.: Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 56, 61—62.

устья Ингура морской берег занят абазинами, называющими себя «абсасца». Последние делятся на джигетов, или садзов, живущих между реками Саше и Бзыбь, и на абхазцев, составляющих отдельное владение. Черкесы и абзины говорят на двух различных языках, не имеющих между собою никакого сходства. Трудно определить число абхазского народонаселения: в мое время нам не удавалось еще нигде пересчитать горцев точным образом. Все цифры того времени, которыми означали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать, на глаз. По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться. В мое время, то есть в тридцать пятом году, считали в Абхазии около сорока тысяч мужского пола — цифра, которую я повторяю, не позволяя себе ругаться за ее точность...

Все абазинское племя воинственно несколько менее черкесов. Занимая весьма лесистую и гористую местность, абзины дерутся преимущественно пешком и пользуются славою отличных стрелков. В домашней жизни, в одежде и вооружении они совершенно сходны с черкесами и отличаются от них в этом отношении только двумя особенностями, весьма приметными для горца. Кафтан с патронами на груди, составляющий общую горскую одежду на всей северной стороне Кавказа, они носят гораздо короче черкесов и, кроме того, имеют привычку обвивать башлык чалмою около шапки, когда концы его не распущены по плечам против дождя, чего не делают черкесы.

Прибрежные абхазцы занимаются рыбной ловлей. Устья горных рек, впадающих в море, изобилуют лососиною, которая составляет весьма лакомую пищу и по здешнему обычаю жарится обыкновенно на вертеле. Берега посещаются летом несчетным количеством дельфинов, которых абхазцы ловят для вытапливания из них жира, закупаемого турками и греками. Ловля дельфинов весьма любопытна. В хорошую погоду они имеют привычку держаться на поверхности моря, подпрыгивая беспрестанно колесом. Тогда абхазцы выезжают на самых маленьких каюках, выдолбленных из дерева, обхватывают довольно большое водное пространство длинною сетью, имеющею футов шесть ширины, с поплавками наверху и с тяжестью внизу, заставляющими ее принять в воде вертикальное положение. Две или три каюки въезжают во внутренность обхваченного сетью пространства, и ловцы начинают бить баграми находящихся в нем дельфинов. Этот способ ловли небезопасен, потому что каюки иногда тонут под тяжестью убитой рыбы и [иногда] опрокидываются, когда дельфины ударяют в них, кружась в воде, но абхазцы не боятся этого, плаывая не хуже дикарей островов Южного океана.

Хлебопашество находится в Абхазии, как и во всех горах, в самом первобытном состоянии и ограничивается небольшим посевом *гоми*, кукурузы, ячменя, фасоли и табаку. Пшеницы сеют очень мало. Русские научили абхазцев разводить капусту, картофель и некоторые другие овощи. Абхазия чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода. В лесах господствуют дуб, бук, чинар, чиндар, орех, каштан и шелковица. Около Сухума встречается в больших размерах буксовое дерево (самшит.— Г. Д.) и растет лавр. Скотом

абхазцы беднее прочих горцев. Лошади их небольшого роста и не отличаются силою; ослы в большом употреблении. Дичи так много в горах и в абхазских лесах, что хлебопашцы не знают, как уберечь от нее свои поля. Чаще всего встречаются дикие козы, серны и кабаны. Последние производят весьма убыточные опустошения в полях, засеянных просом, почему абхазцы истребляют их без пощады и продают в Сухуме их головы и окорока за несколько зарядов пороха. Из диких зверей водятся медведи, волки, лесные кошки, лисицы, куницы и шакалы в несметном количестве. Иногда случается охотникам ловить барсов, но это бывает нечасто.

Тифлис в 30—40-х годах XIX в. *

Тифлиса, каков он теперь, я не знаю. В 1844 году я распростил с ним навсегда. Уже и тогда город, увеличенный порядочным числом домов европейской постройки, много утратил из оригинальности своего первобытного вида. В 1832 году Тифлис не только по наружности, но и по характеру народной жизни принадлежал к числу городов самородного азиатского типа, если не считать несколько зданий новой постройки и некоторые русские привычки и понятия, успевшие проникнуть в верхний слой грузинского общества. Народ оставался чем был при царях, город только начинал менять физиономию.

От Гарцикарской заставы, далеко выдвинутой в поле в ожидании будущих построек, до первой правильной улицы, начинавшейся за домом главноуправляющего, дорога извивалась по пустому месту мимо обрывистого возвышения направо и оврагов, с левой стороны упиравшихся в берег Куры. Овраги были испещрены мазанками и домиками Солдатской слободки. Далее открывались приезжому с одной стороны съезд к Мадатовской площади, с другой — подъем к арсеналу и к Артиллерийской слободке, построенным у подошвы горы св. Давида. Большой двухэтажный дом, снабженный рядом арок и колоннадой над ними во всю длину главного фронта, с боковым фасадом, поднимавшимся в гору уступами, и обширным садом, давал начало настоящему городу. В стенах этого дома помещались все генералы, командовавшие на Кавказе... Все они строили и пристраивали, меняли и охорашивали в нем так много, что и следов первой цициановской постройки нельзя заметить. Перед домом раскрывалась необстроенная площадка, на которой бывали скачки, народные праздники и фейерверки. За домом начиналась улица, выходявшая на Эриванскую площадь — центр нового города; на ней красовались штаб, гимназия, полиция и домов пять новейшей архитектуры. Крутоберегая, широко размытая, водоточная рывтина прорезывала площадь во всю ее длину, от юга на север, после чего, повернув на восток, по направлению к Куре, она пролегала вдоль подошвы старой крепостной стены, оборонявшей город с севера и с запада. С восточной стороны протекала Кура, а с юга возвышалась гора, на которой виднелись еще развалины верхней крепости, служившей цитаделью в прежние времена. Все, что лежало по сю сторону стены, было новой, русской постройки. Через площадь, в

* Из кн.: Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2, стр. 401—403, 404, 417, 418—422, 423, 427—428.

левом углу, открывалась тесная и кривая улица, носившая название Армянского базара и улиравшаяся в мост через Куру. И действительно, вся улица представляла вид нескончаемого рынка: по обе стороны сплывались одна возле другой открытые лавки, в которых, как водится на Востоке, на глазах у прохожих шили платье и сапоги, чеканили серебро, оправляли оружие, брили головы и бороды, варили плов, жарили баранину, ковали лошадей, пекли лаваш и чуреки — одним словом, занимались всеми промыслами, без которых не обходится городская жизнь. Дома на Армянском базаре, равно как и во всех прочих улицах старого города, были прежней, восточной постройки, в один, много в два этажа, с плоскими крышами, с невообразимым количеством окон и дверей и крытыми галереями для защиты от солнца. В городе существовала только одна еврейская гостиница Соломона, под вывеской льва, терзающего змею огромной величины, с надписью «Справедливая Россия». Все номера были заняты; поэтому нам не оставалось другого выбора, как, переехав за реку, отыскивать квартиру на Песках, у немецких колонистов.

Пять или шесть колонистских домов стояли на самом берегу реки, под Авлабарскою горой, на которой три большие казармы Ермоловской постройки господствовали над лабиринтом сакель и землянок, составлявших часть города, обитаемую рабочим народом. Немцы не содержали гостиницы, но, имея дома, построенные на две половины, в одной помещались сами, а в другую пускали наемщиков поденно и понедельно, если кому было угодно, с полным продовольствием. Комнаты были у них светлее, чище, постели несравненно опрятнее и незатейливый обед удобоваримее, чем в «Справедливой России», пропитанной еврейским спекулятивным духом, в одинаковой мере посягавшим на обоняние и на кошелек посетителей... Германские колонисты были известны в Закавказский край А. П. Ермоловым. Он поселил их в окрестностях Тифлиса, на реке Иоре, и около Елисаветполя в колониях: Александердорф, Елизабетталь, Петерсдорф, Мариенфельд, Анненфельд, Геленендорф, и десятку семейств позволил устроить свои хозяйства на берегу Куры, возле самого города... В самое короткое время трудолюбивые швабы устроили свои хозяйства примерным образом, развели сады и огороды... В 1832 году существовал в Тифлисе на весь город один русский булочник, но успевавший изготовлять сколько требовалось так называемого французского хлеба. Ближайшая колония пополняла чего недоставало...

Против полиции, за угловым домом, в котором два года спустя была открыта памятная всем прежним тифлисцам ресторация Маттасси, начинались сады, заслонявшие все Салалакское ущелье. Посреди живой зелени их, вправо от тесной дороги, извивавшейся между каменными садовыми стенками, одиноко стоял дом князя Вебутова, окруженный высокой оградой, с крепкими, всегда затворенными воротами, ревниво укрывавшими домашний быт жильцов от чужого любопытства... Улица, ведущая от Эриванской площади на юг, к подошве горы, на которой находились развалины старой крепости, окончательно обстроилась после моего приезда; в 1832 году дома существовали только по левую руку; вся ее правая сторона, исключая угловой дом, прилежала к пространному винограднику, доходившему до самой горы. Правый берег Куры, за Елисаветпольскою

рогаткой, представлял одну сплошную массу садов, где над тенистыми сводами широколистной лозы гранат, персик и миндаль раскидывали роскошь своей блестящей зелени, ластясь вокруг вековых, объемистых орехов и пирамидальных тополей, высоко к облакам возносивших гордые вершины. Не знаю, потому ли только, что в тогдешнее время я смотрел на предметы глазами молодости или потому, что тифлисская природа действительно так хороша, но Тифлис посреди окружающих его гор, окаймленный садами, с его быстрою рекой, с грядой снежных вершин на дальнем горизонте, с темно-голубым небом над головой, несмотря на палящее солнце, казался мне местом, краше которого я ничего не знал, да и узнать не желал. Даже те городские неудобства, которые в других возбуждали неудовольствие, имели для меня свою привлекательную сторону, обнаруживая оригинальность, доставлявшую моему любопытству всегда новую пищу.

В новом городе не существовало мостовой. Отсутствие ее было нечувствительно в сухую погоду, но после легкого дождя улицы мгновенно покрывались непроходимой грязью: тогда экипаж или верховая лошадь становились необходимыми. Во всем Тифлисе были в те года восемь, много десять карет и колясок, принадлежавших высшим властям и двум или трем богатым грузинским семействам. Внутри края грузинские дворяне, мужчины и женщины, путешествовали преимущественно верхом, реже на воловьих арбах и в трахтараванах — крытых носилках, повешенных между двумя гусем идущими лошадьми... городские жители и за ними русские офицеры предпочитали ездить верхом и только в особенных случаях прибегали к извозничьим дрожкам в две лошади, для которых были устроены стоянки на Армянском базаре и на площадях Эриванской и Мадатовской. Тифлиссские извозчики ездили шибко, но их дрожки, известные в Москве и в Петербурге под именем «гитар», не отличались ни удобством, ни безопасностью сидения: на них можно было удержаться только верхом, сидевший боком рисковал при скорой езде на первом крутом повороте ринуться лицом в грязь или, что хуже, полететь назад через голову ногами вверх. Это метательное свойство, казалось бы, должно было противиться употреблению их прекрасным полом, однако грузинки и армянки, которые, следует заметить, не покидали народного костюма и под юбкой прикрывались красными шальварями персидского покроя, изобрели весьма остроумный способ ездить по четыре на дрожках, считавшихся не довольно просторными для одного русского. Две садились верхом одна против другой, две помещались справа и слева на колени к своим подругам, оплетавшим их талию скрещенными руками, и таким образом составляли четырехголовую женскую пирамиду, сверху до низу покрытую белыми чадрами, которая мчалась по тифлиссским улицам в наизидание всем прихотливцам, брезгавшим извозничьим экипажем. Случалось, что на задней дрожечной оси, уцепившись руками за рессоры, висел еще «бичо» — мальчик, без которого для порядочной грузинки считалось неприличным показываться на улице.

Об освещении города нечего и говорить; на главной улице, направо и влево от дома главноуправляющего, горели по два тусклых фонаря, да на Эриванской площади светил фонарь возле полиции, а все остальные улицы старого и нового города оставались погруженными в непроницаемый мрак южных ночей, когда луна не разливала

по ним своего чудного света. Хорошее знание местности требовалось для того, чтобы в безлунную ночь уберечься от ям, оврагов и буераков, испещрявших самые жилые части нового города. Экипажный спуск к Мадатовской площади был открыт с левой стороны, — дом для начальника штаба построили только в сороковом году, — и упирался хотя в неглубокие, но очень крутые овражки, отделявшие ездовую дорогу от Солдатской слободки. Тут легко было сбиться с пути, и в тесные дождливые ночи мне самому не раз случалось — и с дрожками, и пешему — лежать в этих овражках. Благо они были неглубоки, и рыхлая, дождем размягченная почва сберегала от опасного ушиба — весь изъян ограничивался замаранною шинелью да разве еще потерянную фуражку. Только с трех сторон обстроенная Мадатовская площадь вмещала следующие сооружения: длинный одноэтажный инженерный дом занимал северный фас; на углу восточного фаса стоял одноэтажный же дом с мезонином, подпертым четырьмя толстыми неуклюжими колоннами, в котором жил тогда дивизионный командир барон Роман Федорович Розен; от этого дома до противоположного угла тянулась невысокая стена из дикого камня с двумя безворотными проездами, отделявшая от площади целый квартал, занятый жилищами нескольких семейств из рода Орбелиани. На южном фасаде красовались три дома, из коих один, угловой, принадлежал князю Туманову, о котором нечего было бы упомянуть, если бы он не пользовался счастьем иметь красавицу жену и хорошенькую дочку. На западе площадь упиралась в обрывистое возвышение, с которого спускалось несколько тропинок, удобопроходимых днем, но весьма небезопасных в ночное время; поэтому она могла считаться загороженной и с этой стороны, хотя тут не было ни одной постройки.

Старый город составлял, бесспорно, самую живописную и истинно любопытную часть Тифлиса, несмотря на нечистоту, неудобства и очень некрасивые вещи, ежеминутно попадавшиеся на глаза человеку, проникавшему в его извилистую внутренность. Тесные и кривые улицы местами были устланы такого рода головоломною мостовой, что без греха позволялось включить в ежедневную молитву: и избави нас господь от такой напасти. В целой России, известной многими плохими мостовыми, один Арзамас стоял выше Тифлиса в достоинстве всеразрушительных свойств своего знаменитого мощения. Местами улицы, подымаясь на гору, не требовали мостовой по причине каменистого грунта. Это были самые покойные и безопасные участки. С утра до позднего вечера народ толпился на этой ухабистой мостовой, промез лавок, открытых мастерских и духанов, покупая, продавая и перекрикиваясь на множество разнозвучных наречий, которыми Кавказ так изобильно наделен... Несмотря на кинжал, неизменный товарищ каждого кавказского уроженца, на шашки, сабли и ружья, которым народ был обвешан, воровство и убийство на базаре считалось неслыханным делом..

К Армянскому базару примыкали несколько небольших площадок; каждая из них имела свое особенное назначение: на одной покоились развьюченные верблюды, оглядывавшие проходящих с выражением неудовольствия, исполненного горечи; другая была запружена сотнями ишаков, навьюченных корзинами с углем для мангалов — комнатно-нагревательных жаровень — и для оружейных мастеров, которыми был набит Тифлис; третья была заставлена буйволь-

ими бурдюками, наполненными вином... В Грузии, как известно, вино хранится не в бочках. Для перевозки его с места на место употребляются бурдюки разных величин, делающиеся из цельной кожи животного, начиная с козленка до буйвола, а внутрь обращенною шерстью, намазанною нефтью. Новые бурдюки передают вину дух и вкус нефти, неприятные для человека, не привыкшего пить вино с этою приправой, почти нечувствительною, если оно хранилось в старом бурдюке.

Во всех закавказских провинциях виноград растет в изобилии, но ни одна из них не равняется добротой вина с Кахетией, покрытою вдоль Алазаньской долины на протяжении ста двадцати верст, от Алаверды до Алмалы, непрерывным рядом виноградников, посреди которых многочисленные селения покоятся в тени громадных ореховых домов. По высотам, ограничивающим долину с севера на юг, грузинские помещичьи дома, фланкированные крепкими башнями старинной постройки, красиво отделяются от темной зелени густых лесов. Засеянных полей немного: вся земля отдана виноделию; зерна в Кахетии недостает, она покупает его на деньги, вырученные за вино. По богатству почвы, по климату и по красоте природы Кахетию можно, не предаваясь метафоре, назвать земным раем...

Грузины — народ добрый, открытый, общешительный, храбрый и крайне беззаботный; любят они разгул и военные похождения...

К числу более осязательных и каждому душевному настроению доступных удовольствий принадлежали тифлиские бани, построенные на серных горячих источниках... Они занимали немаловажное место в быту туземного населения, посещавшего их не по одной надобности, но и в смысле приятного препровождения времени. Четыре бани, между которыми лучшею считалась баня, носившая название «архиерейской», потому что доходы с нее поступали в пользу тифлисского архиерея, никогда не оставались пустыми. Летом они посещались преимущественно от заката до восхода солнца. Поочередно две бани отводились для женщин, а две оставались в распоряжении мужчин. Наружным видом тифлиские бани мало отличались от других восточных купальных заведений, построенных на один общий образец. За длинным темным входом — просторная ротонда, получающая свет через окна, пробитые в куполе, посреди ротонды — бассейн студеной воды с фонтаном, по сторонам — глубокие ниши для раздевания, примыкающие к одной общей и к двум или трем отдельным купальням, в которых из стен бил горячий ключ. Широкие каменные скамьи, застланные циновками и тюфяками, были расположены в нишах для отдыха после бани. В Турции мне случилось видеть публичные бани красивее и богаче, но что касается до искусства мыть, растирать и переминать суставы так приятно, что купающийся погружался в какое-то неопределимо сладостное изнеможение, тифлиские банщики не находили равных себе. Лучшие из них набирались в Персии, откуда они охотно переходили в Грузию, дороже ценившую их талант. Банщики, носился слух, не уступали им в искусстве костюматной манипуляции, и поэтому не удивительно, если тифлиские красавицы, не имея большого выбора в удовольствиях, любили нежиться в банях и проводить в них целые вечера в обществе своих приятельниц. При тогдашней строгости грузинских обычаев мужчине не позволялось даже близко по-

дойти к бане, отданной в распоряжение женщины, и всякая попытка нарушить запрещение повлекла бы за собой весьма неприятные последствия для нескромного искателя приключений.

II

Печатные работы Ф. Ф. Торнау

Горские племена, живущие за Кубанью и по берегу Черного моря от устья Кубани и до Ингура,— «Кавказ», 1850, № 94—96 и 98.

Барон Торнау. Записки русского офицера, бывшего в плену у горцев,— «Кавказ», 1852, № 1, 2.

Т. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. 1835 год; ч. II. 1835, 36, 37 и 38 года, М., 1864*.

Т. Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции, М., 1867**.

Т. Воспоминания о Кавказе и Грузии,— «Русский вестник», 1869, № 1—4.

Т. От Вены до Карлсбада (Путевые впечатления),— «Русский вестник», 1872, № 1.

Из воспоминаний бывшего кавказца,— «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов...», СПб., 1874.

Барон Ф. Торнов. Панна Зося (Рассказ армейского прапорщика),— сб. «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», СПб., 1876***.

Барон Торнау. Воспоминания кавказского офицера. 1835 год,— «Известия Кавказского общества любителей естественного знания и Альпийского клуба», Тифлис, 1879, кн. I.

Государь Николай Павлович (Из автобиографических рассказов бывшего кавказского офицера),— «Русский архив», 1881, кн. II (1).

Т. Гергебиль,— «Русский архив», 1881, кн. II (2).

Т. Великая княгиня Елена Павловна,— «Русский архив», 1881, кн. III (2).

Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау,— «Исторический вестник», 1897, № 1, 2.

* В том же году было напечатано и в журнале «Русский вестник» (1864, № 9—12), а затем вышла в переводе на немецком, французском и английском языках.

** В том же году было опубликовано и в журнале «Русский вестник» (1867, № 6—7).

*** В этом сборнике, задуманном членами петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, участвовали также Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, А. А. Краевский и др.

Георгий Алексеевич Дзидзария

**Ф. Ф. ТОРНАУ
И ЕГО КАВКАЗСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ**

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *В. В. Петров*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Т. А. Алева*

Сдано в набор 24/XI 1975 г. Подписано к печати 23/VIII 1976 г. А-06688. Формат 84×103¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 4,125. Усл. л. 6,93. Уч.-изд. л. 8,18. Тираж 8000 экз. Изд. № 3742. Зак. 922. Цена 52 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Громковская Л. Л., Кычанов Е. Я.
Н. А. Невский. 14 л.

Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.
Н. В. Ханыков — востоковед и дипло-
мат. 17 л.

Ханыков Н. Записки по этнографии
Персии. Пер. с фр., 12 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГА-
ЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А
ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464, МОСКВА В-464, МИЧУ-
РИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 (КНИГА—
ПОЧТОЙ) «АКАДЕМКНИГА».